

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2021 '2

ЖЕНЩИНА

**В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ**

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 — 2021

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)
С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS*

Редакционный совет:

С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

К. Р. Нечмиас (Школа по связям с общественностью,
Университет штата Пенсильвания в Гаррисберге, Миддлтаун, США;
почетный доктор политических наук и государственной политики),

Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

О. В. Рябов (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),

З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

Е. А. Смирнов (Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),

Р. Н. Сулейманова (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),

И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

Н. С. Рычихина (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 2 — 2021

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
C. R. Nechemias, Dr. Sc., Assoc. Prof. Emerita of Political Science and Public Policy
(School of Public Affairs, Pennsylvania State University at Harrisburg, Middletown, USA),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
R. N. Suleimanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature
of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow),
Prof. **E. A. Smirnov**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Ivanovo)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Timiriazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2021
© Ivanovo State University, 2021

Коллективу научного журнала
«Женщина в российском обществе»

Уважаемые друзья!

От имени Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и от себя лично сердечно поздравляю главного редактора, редакционную коллегию, реакционный совет и весь коллектив научного журнала «Женщина в российском обществе» с 25-летием издания!

Ваш журнал в течение десятилетий оставался единственным в системе высшего образования специализированным изданием по гендерной проблематике, выступая признанным центром российского научного сообщества по проблемам гендерной политологии, социологии и истории. За 25 лет выпуска материалы издания в значительной степени способствовали развитию гендерных исследований в системе высшего образования и интеграции гендерной тематики в вузовские учебные программы.

Журнал «Женщина в российском обществе» неоднократно выступал партнером международных и всероссийских конференций по актуальным проблемам женской истории, процессов трансформации социального положения женщин и мужчин в различных сферах жизнедеятельности общества. Благодаря журналу, появились новые научные направления: гендерные аспекты коммуникации в русском языковом общении, гендерные аспекты национального сознания, гендерная социология, политология и психология.

За годы издания вокруг журнала сформировалось профессиональное научное сообщество, объединяющее ученых из более 100 вузов России, а также из стран ближнего и дальнего зарубежья. Занимая лидирующие позиции в области гендерных исследований, журнал по-прежнему является авторитетным для научного сообщества.

Примите искренние поздравления с юбилеем и пожелания успехов в достижении намеченных целей, дальнейшего развития и процветания. Преданных вам подписчиков и новых успешных проектов!

Заместитель Министра науки
и высшего образования
Российской Федерации

С уважением,
П.А. Кучеренко

ХАСБУЛАТОВА Ольга Анатольевна — заместитель Председателя Правительства Ивановской области, руководитель аппарата Правительства Ивановской области, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом Ивановского государственного университета, главный редактор журнала «Женщина в российском обществе»

ПУШКАРЁВА Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель главного редактора журнала «Женщина в российском обществе»

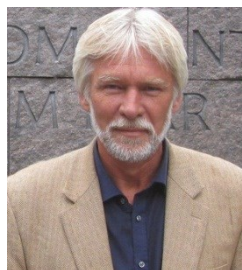
Редакционный совет

АЙВАЗОВА Светлана Григорьевна — доктор политических наук, ассоциированный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

НЕЧЕМИАС Кэрол — почетный доктор политических наук и государственной политики, Школа по связям с общественностью, Университет штата Пенсильвания в Гаррисберге (Миддлтаун, США)

РЯБОВ Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна — доктор исторических наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, председатель Нижегородского отделения межрегиональной общественной организации «Академия гуманитарных наук»

СМИРНОВ Евгений Александрович — доктор социологических наук, профессор, директор Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

СУЛЕЙМАНОВА
Рима Нугамановна —
 доктор исторических наук,
 главный научный сотрудник,
 заведующая отделом новейшей
 истории Башкортостана
 Института истории, языка
 и литературы
 Уфимского федерального
 исследовательского центра РАН

ШВЕДОВА
Надежда Александровна —
 доктор политических наук,
 профессор, главный научный
 сотрудник, руководитель
 Центра социально-
 политических исследований
 Института США
 и Канады РАН

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА
Елена Ростиславовна —
 доктор социологических наук, профессор
 факультета социальных наук
 Национального исследовательского
 университета «Высшая школа экономики»,
 заведующая Международной
 лабораторией исследований социальной
 интеграции, главный редактор «Журнала
 исследований социальной политики»

Редакционная коллегия

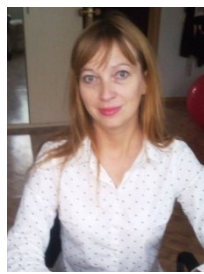
СМИРНОВА Инна Николаевна —
 проректор по исследовательской
 и проектной деятельности
 Ивановского государственного
 университета, кандидат
 социологических наук, доцент,
 ответственный секретарь журнала
 «Женщина в российском обществе»

КЛЁЦИНА Ирина Сергеевна —
 доктор психологических наук, профессор
 кафедры психологии человека Российского
 государственного педагогического
 университета им. А. И. Герцена

РЯБОВА Татьяна Борисовна — доктор
 социологических наук, профессор кафедры
 политологии Института истории
 и социальных наук Российского
 государственного педагогического
 университета им. А. И. Герцена,
 координатор исследовательского комитета
 по гендерной политологии Российской
 ассоциации политической науки,
 член научного совета РАПН

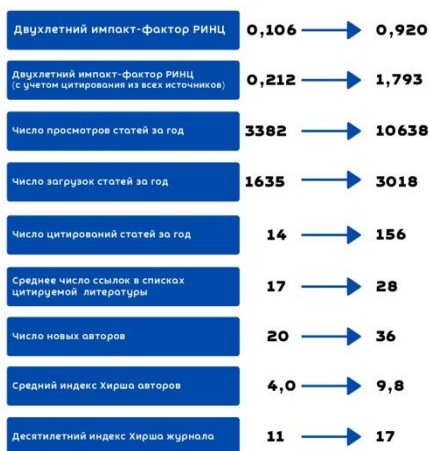

РЫЧИХИНА Наталья Сергеевна —
 кандидат экономических наук,
 доцент кафедры социологии,
 социальной работы и управления
 персоналом Ивановского
 государственного университета

Библиометрические показатели журнала (на 06.09.2020)

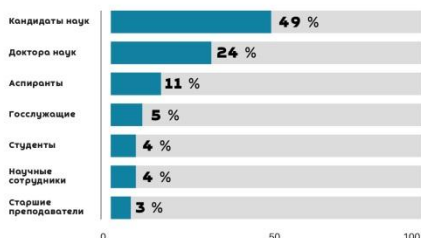
Динамика показателей журнала за период 2010 - 2020 г.

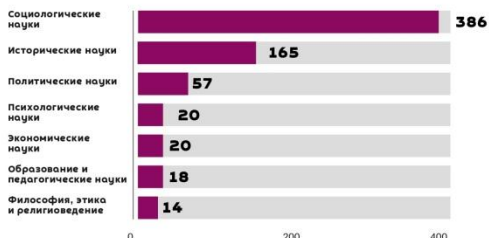
Основные аффилиации наших авторов

- Ивановский государственный университет
- Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"
- Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
- Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
- Академия наук Республики Башкортостан
- Санкт-Петербургский государственный университет
- Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
- Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
- Институт США и Канады РАН
- Институт Африки РАН
- Институт российской истории РАН
- Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина
- Тверской государственный университет
- Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
- Пензенский государственный университет архитектуры и строительства
- Российский государственный социальный университет
- Дагестанский государственный университет
- Кубанский государственный университет
- Мурманский арктический государственный университет
- Белгородский государственный национальный исследовательский университет
- Казанский (Приволжский) федеральный университет и др.
- А также ученые из США, Канады, Италии, Украины, Белоруссии, Болгарии, Казахстана, Узбекистана, Финляндии, Японии и других стран.

Наши авторы в период с 1996 по 2021 гг.

Распределение публикаций по тематике в период с 1996 по 2021 гг.

Woman in Russian Society
2021. No. 2. P. 3—16
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.1

Женщина в российском обществе
2021. № 2. С. 3—16
ББК 60.524.222.21
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.1

КАК МЫ УЗНАЕМ, ЧТО НАСТУПАЕТ ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО?

И. Е. Калабихина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru

Существует много индикаторов гендерного (не)равенства, но мы затрудняемся в определении показателей гендерного равенства, которые обозначали бы наступление эгалитарного общества. Подход 50:50 наивен. Опираясь на концепцию гендерного перехода как схему исторических этапов движения к гендерному равенству, автор предлагает ряд экономико-демографических признаков эгалитарного общества, помимо сокращения разрыва в затраченном времени супругов на ведение домашнего хозяйства и уход за членами домохозяйства, и подтверждает существование таких признаков, используя экономико-демографическую литературу, посвященную гендерному анализу рынка труда и демографического развития.

Ключевые слова: гендерный переход, гендерное равенство, разделение труда в домохозяйстве, эгалитарное общество, индикаторы, экономико-демографические признаки, гендерная история.

HOW DO WE KNOW WHETHER GENDER EQUALITY HAS ARRIVED?

I. E. Kalabikhina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ikalabikhina@yandex.ru

There are many indicators of gender (in)equality, but we find it difficult to identify indicators of gender equality that would indicate the onset of an egalitarian society. Gender equality has been uneven in individual institutions (eg. the labor market and education) and family ones. The household lags behind individual institutions. The gender transition as one of the historical concepts of the stepwise development of gender equality predicts a stage of equality in both individual and household institutions. That is the last stage of gender transition. How can we measure the completeness of gender transition? How can we define the arrival of the last balanced egalitarian stage? We have simple indicator for the different stages of the gender transition. That is the gender gap in unpaid work. However, we do not know what the breaking point of this gap is when the egalitarian stage comes. 50:50 principle does not work here. I base on the concept of gender transition as a diagram of the historical stages of the movement towards gender equality and describe a number of economic and demographic features

of an egalitarian society in addition to reducing the gap between spouses in the time allocation in household. I develop a set of economic conditions from research evidences that can serve as indicators and signs of the egalitarian stage of gender transition. Some of them are following. 1. The economic rationality in the time allocation prevails over socio-cultural (gender) norm. 2. The relationship between the level of female employment (or women's income) and the level of fertility (or the stability of marriage) changes from a negative to a positive one. 3. The utility functions of household member include (egalitarian) gender relations. 4. The assortative mating in marriage markets is adapted to a new gender structure in all types of institutions. 5. The subjective well-being of women and men is positively associated with the level of gender equality in society; gender differences in the assessment of subjective well-being are not associated with a lack of gender equality. 6. The agency of women is based on the "power within" etc. 7. Maternity penalty and paternity bonus will disappear at the last stage of gender transition. In conclusion I state that the duration of the stages assessment, especially the duration of the second unbalanced stage, seems to matter.

Key words: gender transition, gender equality, time allocation in household, egalitarian society, indicators, economic and demographic factors, gender history.

Введение

Существует много индикаторов гендерного (не)равенства. Однако все они показывают текущее состояние неравенства или прогресс в той или иной области. Но мы не можем определить, как должны выглядеть показатели гендерного равенства, чтобы приход эгалитарного общества стал очевиден. Подход 50:50 наивен. Опираясь на концепцию гендерного перехода как схему исторических этапов движения к гендерному равенству, я предлагаю ряд экономико-демографических признаков эгалитарного общества, подтверждая существование таких признаков эмпирическими результатами, представленными в экономической литературе, посвященной гендерному анализу рынка труда и демографического развития.

Этапы гендерного перехода от патриархатного к эгалитарному обществу

Основные барьеры в распространении гендерного равенства лежат в экономической и социокультурной областях. Экономические барьеры — это неравное распределение времени между женщинами и мужчинами, затрачиваемого на ведение домашнего хозяйства и уход за членами домохозяйства. Социокультурные барьеры — это стереотипы, установки и нормы, которые отрицают возможность гендерного равенства в той или иной сфере.

Репродуктивный труд женщин в широком смысле этого понятия (труд, направленный на рождение и воспитание детей и ведение домашнего хозяйства) часто отождествляется с биологической функцией женщин — рождением детей. Это отождествление привело к формированию асимметрии в распределении неоплачиваемого домашнего труда¹, что в свою очередь влияло и влияет на гендерные разрывы на рынке труда, в политике, образовании.

¹ В данной статье я использую как синонимы термины «время на ведение домашнего хозяйства и уход за членами домохозяйства», «домашний труд», «время на домашний труд», «домохозяйственный труд», «домашняя работа». Репродуктивный труд в широком смысле — это рождение детей, их воспитание, уход за членами домохозяйства и ведение домохозяйства.

Границы репродуктивного труда, в котором может участвовать только женщина, значительно сузились в современном развитом мире. Однако объем репродуктивного труда, выполняемого женщинами, сегодня все еще гораздо больше, чем труд, затрачиваемый на рождение детей. Объем репродуктивного труда женщин, непередаваемого мужчинам — с точки зрения общества, связан не только с биологическими особенностями женщин, но и с существующими гендерными стереотипами в обществе.

Интересно, что решение гендерного вопроса в массовом масштабе, на государственном уровне началось в 1920-х гг. в России и в 1970-х гг. в развитых странах с общественных институтов (рынок труда, система образования, политика), а не с домохозяйственных. Хотя основная причина гендерного неравенства лежит именно в семейной сфере, где и выполняется репродуктивный труд. Борьба со стереотипами на рынке труда, в политических институтах, системе образования идет по сей день. Продвижение женщин в эти сферы жизнедеятельности также остается важным делом гендерной политики. Но при таком подходе мы лечим следствие, а не причину. Не умаляя важности продвижения женщин в рамках общественных институтов, следует обратить особое внимание на домохозяйственные институты. Справедливости ради надо сказать, что общественное содержание детей и поощрение работающих матерей существовало с ранних лет советской эмансипации женщин. Однако приоритетной политикой решения детского вопроса не была. Вспомогательные меры по созданию ясельных групп и детских садов для работающих матерей сопровождали программы вовлечения женщин в общественное производство в условиях сокращения мужской рабочей силы вследствие войн и революций первой половины XX в. Вопрос же привлечения мужчин к ведению домашнего хозяйства и уходу за членами домохозяйства вообще серьезно не ставился в советский период эмансипации женщин. Сегодня становится понятно, что, пока не будет решен вопрос о справедливом участии членов семьи в домашнем хозяйстве, мы не можем говорить о свершившемся гендерном переходе.

Наиболее чувствительным к гендерному равенству является репродуктивное поведение. Можно сказать, что уровень рождаемости служит лакмусовой бумажкой не только при диагностике гендерного равенства, но и при диагностике определенного этапа гендерного перехода [Калабихина, 2009].

Смысл концепции гендерного перехода заключается в смене сбалансированных систем гендерных отношений через этап дисбаланса гендерного равенства в разных институтах. Сначала мы имеем патриархатный баланс, характеризующий жесткую специализацию в браке — «кормилец» и «хранительница очага». Репродуктивное поведение не зависит от гендерного неравенства, основными факторами рождаемости являются факторы семейного дохода, здоровья супругов, социокультурных норм, поддерживающих определенную модель патриархатной семьи. Оптимизация числа детей в семье происходит с учетом требуемого качества человеческого капитала детей разных сословий и страт и имеющихся ресурсов. На этой стадии нет напряжения в системе «семья — работа», гендерное неравенство не мешает воспроизводству населения, общество поддерживает патриархатную структуру и жесткое распределение ролей.

Мы можем также представить эгалитарный баланс, характеризующий гибкое и справедливое разделение оплачиваемого и неоплачиваемого труда

(на рынке труда и в домохозяйстве), когда решение о таком разделении принимается на основе индивидуальных и совместных траекторий супругов в семейных и общественных институтах, на основе оптимизации экономических параметров существования домохозяйства и отдельных его членов в контексте существующих репродуктивных установок. Гендерное неравенство не является фактором репродуктивного поведения. Рождаемость может зависеть от ресурсов домохозяйства, здоровья супругов и социокультурных норм, поддерживающих определенную модель эгалитарной семьи. На этой стадии также нет напряжения в системе «семья — работа», гендерное неравенство не мешает воспроизводству населения, общество поддерживает эгалитарную структуру во всех институтах, свободную смену ролей женщинами и мужчинами в течение их жизни.

Однако между этими сбалансированными стадиями существует стадия дисбаланса, когда гендерное равенство неравномерно распределено в общественных и домохозяйственных институтах. Женщины выходят на рынок труда. Но развитие гендерного равенства в домохозяйстве отстает от развития гендерного равенства на рынке труда и в системе образования. Женщина должна выполнять обе функции — работать на рынке труда и осуществлять репродуктивный труд в широком смысле этого понятия. В сутках 24 часа, ресурс времени ограничен и не возобновляем. Женщина вынуждена делать выбор — либо рожать детей, либо работать. Значит, такая стадия дисбаланса приводит к негативным демографическим последствиям — к сверхнизкой рождаемости². Репродуктивное поведение зависит от гендерного неравенства.

В классической теории новой экономики домохозяйства Г. Беккера [Becker, 1960; Becker et al., 1990] и теории распределения времени Р. Гронау [Gronau, 1977] описывается обратная связь между гендерным равенством (т. е. относительно высоким уровнем образования, работы и дохода женщин) и рождением детей. Эмпирические исследования XX в. также свидетельствовали об обратной связи между рождаемостью, устойчивостью брака и гендерным равенством. Относительно высокий уровень занятости, дохода или образования женщин соответствовал низкому уровню рождаемости [Schultz, 1985; Galor, Weil, 1996; Kalwij, 1999; Siegel, 2012]; эта аксиома проверяется и в поздних работах [Nisén et al., 2021].

Но вывод об отрицательной связи гендерного равенства и рождаемости не совсем точен, потому что гендерное равенство понимается однобоко — как равенство на рынке труда и в системе образования, т. е. равенство в общественных институтах. Взаимосвязь гендерного равенства и демографических процессов сложнее. Оказалось, что равенства было не слишком много, а все еще мало, поэтому рождаемость упала до сверхнизкого уровня. Даже при высоком уровне занятости женщин равенства может не хватать. Если учитывать уровень равенства и в домохозяйстве, то связь между гендерным равенством и уровнем рождаемости переворачивается. Больше равенства — выше уровень рождаемости.

² Концепция гендерного перехода охватывает вопросы не только рождаемости, но и смертности (например, еще одно демографическое последствие разбалансированной стадии гендерного перехода — рост разрыва в ожидаемой продолжительности жизни по полу), миграции [Калабихина, 2009] и другие демографические процессы. Но в данном контексте я рассматриваю только процесс рождаемости — как основу конфликта в системе «семья — работа» на второй стадии гендерного перехода.

Концепция гендерного перехода раскрывает этот «парадокс» и предсказывает будущее в формировании семьи³.

В период демографического перехода аксиома обратной связи часто использовалась в программах планирования семьи для снижения рождаемости во имя улучшения показателей социально-экономического развития в развивающемся мире [Schultz, 1969]. Однако в обществах, где завершился демографический переход, снижение рождаемости уже не представляется благом для развития. Некоторые страны проводят достаточно активную пронаталистскую демографическую политику (например, Россия), некоторые считают низкую и сверхнизкую рождаемость нежелательной и включают в семейную политику пронаталистские элементы (например, Франция). При этом вопрос о связи гендерного равенства и рождаемости становится ключевым, поскольку гендерное равенство достаточно успешно распространяется в постпереходных странах. Второй демографический переход [Van De Каа, 1987], с его утверждением роста значимости ценностей индивидуализма и саморазвития, созвучен концепциям гендерного преобразования общества и гендерного равенства.

Возможно ли одновременное увеличение уровня рождаемости и усиление гендерного равенства? Первым на этот вопрос утвердительно ответил Дж. Шене [Chesnaïs, 1996]. Он пишет о феминистском парадоксе, когда пронаталисты идут рука об руку с феминистами. П. Макдональд видит причину сверхнизкой рождаемости в дисбалансе гендерного равенства в общественных и домохозяйственных институтах (он называет их индивидуальными и семейными) [McDonald, 2000]. Основываясь на этих идеях, я предложила концепцию гендерного перехода о смене сбалансированных систем гендерных отношений (от патриархата к эгалитарному обществу) через этап дисбаланса гендерного равенства в разных институтах, предполагая наличие такой стадии гендерного перехода, которая приведет к положительной связи между гендерным равенством и рождаемостью вслед за распространением гендерного равенства в семье [Калабихина, 2009].

Эмпирически положительная связь гендерного равенства и рождаемости в современных развитых обществах также начала выявляться все чаще [Rindfuss et al., 2003; Da Rocha, Fuster, 2006; Myrskylä et al., 2011; Lacalle-Calderon et al., 2017; Zhou, Kan, 2019]. Хотя устойчивость этой положительной связи некоторыми авторами ставится под сомнение в историческом разрезе (но не в кросс-культурном разрезе) [Kolk, 2019], следует заметить, что способ измерения гендерного равенства (изменение политических свобод и участия женщин в политике) может влиять на результат. Положительная связь «гендерное равенство — рождаемость» может быть слабее при принятии решения о рождении третьего ребенка и сильной при рождении второго ребенка [Duvander et al., 2019], но теоретическая аксиома об отрицательной связи гендерного равенства и рождаемости разрушена окончательно.

Получается, что решение демографического вопроса в рамках пронаталистской политики возможно при повышении уровня гендерного равенства, хотя ранее мы отмечали обратную связь между гендерным равенством и уровнем рождаемости. Неслучайно демографический успех семейной политики в европейских странах

³ В эгалитарной семье снижается и уровень конфликтов [Marks et al., 2009].

базируется на ядре такой семейной политики — улучшении баланса «семья — работа», «жизнь — работа» [Oláh, 2003; Gauthier, 2007; Olivetti, Petrongolo, 2017]⁴.

Демографический результат на разных стадиях гендерного перехода следующий. Уровень рождаемости сначала падает до очень низких значений (в Южной Корее, например, в 2019 г. суммарный коэффициент рождаемости (СКР) упал ниже 1, поскольку традиционные общественные нормы пришли в противоречие с возросшим уровнем занятости женщин [Seo, 2019]), а затем растет до уровня естественного воспроизводства с ростом гендерного равенства в домохозяйстве (СКР равен 2—2,1 в зависимости от уровня женской смертности). Каждая стадия гендерного перехода ассоциируется с рождаемостью высокой (I стадия), или низкой (II стадия), или рождаемостью на уровне простого воспроизводства (III стадия), которая, как правило, соответствует желаемому уровню рождаемости.

Индикаторы и признаки эгалитарного общества

Теперь перейдем к самому сложному вопросу — о границах этапов гендерного перехода. В концепции гендерного перехода в качестве индикаторов его стадий используются относительные показатели — гендерное отношение уровней занятости, образования, затрат времени на домохозяйственный труд, а также абсолютные показатели — объемы времени, затрачиваемые женщинами на ведение домашнего хозяйства и уход за близкими.

Специализация в браке («кормилец» и «хранительница») определяет *первую стадию гендерного перехода* (или предпереходное состояние). Гендерные разрывы всех показателей велики (в первую очередь, разрыв в участии на рынке труда и в неоплачиваемом домашнем труде).

Вторая разбалансированная *стадия* гендерного перехода тоже определяется довольно простым набором индикаторов. Гендерные разрывы в уровне занятости и образования невелики, в распределении домохозяйственного труда — велики. Чем уже разрыв в уровне занятости и уровне образования, тем увереннее мы можем говорить о наступлении такой стадии. Уровень занятости женщин, как показала история XX в., значительно приблизился к уровню занятости мужчин. Могут быть разные формы и режимы занятости, сохраняется проблема гендерного разрыва в оплате труда, но уровень женской занятости стал высоким на этой стадии. Поскольку мы говорим о времени как об экономическом ресурсе, нам важен именно этот показатель — время, потраченное на оплачиваемый труд.

Уровень образования женщин на этой стадии, как правило, даже выше уровня образования мужчин. Во-первых, женщины должны «бежать быстрее», чтобы прийти к финишу вместе с мужчинами (т. е. должны формировать человеческий капитал больший, чем у мужчин, чтобы претендовать на те же позиции на рынке труда в условиях гендерных стереотипов и норм остаточного патриархата). Во-вторых, структура экономики меняется в направлении роста сектора услуг, в том числе высококвалифицированных услуг, и новые рабочие места требуют большего человеческого капитала в растущей экономике знаний.

⁴ Приведу здесь также ссылку на дебаты о том, стоит ли усиливать гендерную политику для роста уровня рождаемости и может ли такое давление повредить гендерному равенству: [Neuger, 2011].

Структурные сдвиги в экономике совпали с ростом женского участия на рынке труда, с выходом женщин на рынок труда.

Но границы *третьей стадии* — стадии нового эгалитарного баланса — определить не так легко. Возникают трудности и с определением «правильного» уровня участия мужчин и женщин в домашнем труде. Это связано с тем, что в репродуктивном труде есть часть, которая не может быть передана мужчинам, — рождение детей. Значит, абсолютного равенства быть не может. Где границы несокращаемого репродуктивного труда для женщин? Подход 50:50 здесь не работает, не говоря уже о том, что абсолютное равенство — это утопия и вредная политическая цель. Более того, сохранение выбора степени участия в той или иной сфере жизнедеятельности для членов домохозяйства важно для эгалитарного баланса. Рост гендерного равенства — это рост степени свободы выбора человеком своего жизненного пути. Женщины и мужчины в эгалитарном домохозяйстве выбирают объемы оплачиваемого и неоплачиваемого труда, оптимизируя параметры благосостояния домохозяйства и свои функции полезности в течение жизни. В идеале — в процессе переговоров об индивидуальных и совместных целях и ресурсных ограничениях в домохозяйстве.

Какие экономические, институциональные, демографические признаки могут быть использованы в качестве индикаторов наступления третьей стадии гендерного перехода, т. е. завершения гендерного перехода?

Назову 6 таких признаков, которые собраны на основе анализа экономической литературы, посвященной изучению гендерных факторов функционирования рынка труда, домохозяйства, демографического развития.

Первый признак: в распределении времени в домашнем хозяйстве преобладают экономические, а не социокультурные мотивы. Существуют экономические и социокультурные мотивы распределения труда в домашнем хозяйстве [Coltrane, 2000]. Экономическая рациональность видна в ситуации, когда время на неоплачиваемый домашний труд распределяется между партнерами в зависимости от уровня оплаты труда и загруженности каждого партнера на оплачиваемом рынке труда. Чем больше человек получает зарплату и чем больше работает на рынке труда, тем меньше трудится в домохозяйстве. Если социокультурные нормы преобладают над экономической рациональностью, то даже высокий уровень занятости женщины на рынке труда не освободит ее от домашних обязанностей и роли главного провайдера заботы, ухода и ведения домохозяйства. Свидетельства преобладания социокультурных норм в распределении времени над экономической рациональностью весьма многочисленны [Bittman et al., 2003; Onozaka, Hafzi, 2019]. В России, например, складывается переходная ситуация. В будние дни наблюдается экономическая рациональность в распределении времени на домашний труд (доход и занятость партнеров определяют их участие в домашнем труде). В выходные дни даже высокооплачиваемые женщины работают существенно больше своих мужчин в домашнем хозяйстве, компенсируя свою невыполненную в течение недели роль основного провайдера заботы в доме и ответственной за ведение домашнего хозяйства [Калабихина, Шайкенова, 2019]. Если экономическая рациональность побеждает в выходные и будние дни — общество находится на третьей стадии гендерного перехода.

Второй признак: характер связи между уровнем занятости женщин (или уровнем оплаты труда женщин) и рождаемостью (или стабильностью брака)

меняется с негативного на позитивный [Engelhardt, Prskawetz, 2004]. Мы упоминали уже, что в классических теоретических и эмпирических работах экономистов указанная связь имеет обратную зависимость. В условиях роста гендерного равенства в домашнем хозяйстве (третья стадия гендерного перехода) связь становится положительной.

Третий признак: функция полезности членов домохозяйства подразумевает эгалитарные гендерные отношения [Woolley, 1990; Mader, Schneebaum, 2013]. Специфический семейный капитал [Becker, 1991] формируется только в семье. Ряд товаров и услуг вы можете получить, только находясь в браке и проживая в семье. Состав семейного капитала может меняться. В гендерно-развитом обществе ценны эгалитарные отношения в семье. Соответственно эгалитарные отношения между партнерами включены в функцию полезности его членов. Наличие двух источников дохода (жены и мужа) может быть важным условием благополучия семьи и/или ее членов. (Замечу, что в гендерных экономических исследованиях редко рассматривается единая функция полезности домохозяйства, чаще — это набор функций полезности его членов, но в некоторых работах мы можем видеть унитарную функцию полезности домохозяйства [Qian, 2008].)

Четвертый признак: поиск партнера (the assortative mating) на брачном рынке также сопряжен с новой гендерной структурой и новыми эгалитарными гендерными отношениями во всех институтах [Van Bavel, Klesment, 2017]. Склонность к гендерному равенству становится хорошей характеристикой потенциального партнера.

Пятый признак: субъективное благополучие женщин и мужчин положительно связано с уровнем гендерного равенства в обществе, гендерные различия в оценке субъективного благополучия не связаны с недостатком гендерного равенства [Tesch-Römer et al., 2008; Audette et al., 2019]. Масштаб гендерных различий в субъективном благополучии варьируется в зависимости от степени гендерного неравенства в обществе и от культурных установок в отношении гендерного равенства в разных странах [Tesch-Römer et al., 2008].

Шестой признак: в моделях принятия решений в домохозяйстве становится важным учет агентности женщин, т. е. способности принимать решения, обладая при этом внутренней силой (power within), критическим сознанием, осознанием своих интересов, умением сделать самооценку и оценку причин гендерного неравенства (если оно имеет место быть в конкретной ситуации) [Rowlands, 1995; Kaabeer, 2005; O'Hara, Clement, 2018]. Например, в концепции «тихой революции», о которой пишет К. Голдин [Goldin, 2006], стадии изменений в гендерных отношениях на рынке труда различаются горизонтом планирования занятости, самоидентификацией на рынке труда, самостоятельностью и добровольностью решений о выходе на рынок труда. Этот пример может быть использован для понимания такого сложного феномена, как агентность.

Я предполагаю, что в перспективе возникнет еще один признак, который пока не фиксировался в эмпирических исследованиях. В настоящее время существует целый ряд работ, описывающих штраф за материнство [Viryukova, Makarentseva, 2017] и премию за отцовство на рынке труда [Ощепков, 2020]. Штраф за материнство — это временная потеря в доходах женщин после рождения ребенка или потеря в доходах женщин старших возрастов по причине рождения детей. Премия за отцовство может быть связана с тем, что, согласно

установившимся стереотипам, мужчинам, имеющим детей, следует повышать заработную плату, чтобы они могли кормить растущую семью. Кроме того, мужчины с семьей и с детьми ассоциируются с более надежными и ответственными работниками (повышение по службе, влекущее за собой увеличение оплаты труда, может быть связано с повышением доверия к мужчинам, ставшим отцами⁵). Я думаю, что в будущем (общество гендерного равенства) штрафы и премии за родительство перестанут быть значимыми.

Заключение и перспективы исследования

Кратко сформулирую признаки наступления гендерного равенства — третьей стадии гендерного перехода, помимо сокращения разрыва в затраченном времени супругов на ведение домашнего хозяйства и уход за членами домохозяйства. Преобладающими становятся экономические, а не социокультурные мотивы в распределении времени в домашнем хозяйстве; характер связи между уровнем занятости женщин (или уровнем оплаты труда женщин) и рождаемостью (или стабильностью брака) меняется с негативного на позитивный; функция полезности членов домохозяйства подразумевает эгалитарные гендерные отношения; поиск партнера на брачном рынке сопряжен с новой гендерной структурой и новыми эгалитарными гендерными отношениями во всех институтах; субъективное благополучие женщин и мужчин положительно связано с уровнем гендерного равенства в обществе, гендерные различия в оценке субъективного благополучия не связаны с недостатком гендерного равенства; в моделях принятия решений в домохозяйстве становится важным учет агентности женщин; возможно, исчезает штраф за материнство для женщин и премия за отцовство для мужчин.

В завершение размышлений об индикаторах измерения стадий гендерного перехода подчеркну, что в его процессе важно измерять не только признаки движения по стадиям перехода, но и длительность стадий, особенно длительность второй, разбалансированной стадии. В качестве исследовательской перспективы можно поставить вопрос о том, влияет ли длительность разбалансированной стадии гендерного перехода на степень негативных демографических последствий такого дисбаланса (например, на глубину или скорость падения рождаемости, степень неоднородности населения по числу рожденных детей, величину гендерного разрыва в ожидаемой продолжительности жизни). Напомню, что в России и странах ближнего зарубежья второй этап гендерного перехода начался в 1920—1930-х гг. XX в. и не завершен до настоящего времени. В западных странах второй этап начался только в 1970—1980-х гг. XX в., и в ряде стран он завершается на наших глазах (например, в странах Северной Европы). Вековая длительность разбалансированной стадии гендерного перехода, по сравнению с 40—50 годами дисбаланса, видимо, имеет значение.

Расширение списка признаков эгалитарного общества также является перспективной научной задачей.

⁵ Ассоциация бездетности с безответственностью существует не только на рынке труда при продвижении по службе (где нет официальных правил по этому поводу), но и в практике страхования. Например, назначение повышающего коэффициента бездетным людям при страховании автомобиля зафиксировано в правилах крупных страховых компаний в России.

Библиографический список

- Калабихина И. Е.* Гендерный переход и демографическое развитие // Российский экономический интернет-журнал. 2009. № 2. С. 540—554. URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2009/Kalabikhina.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).
- Калабихина И. Е., Шайкенова Ж. К.* Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 261—285.
- Ощепков А. Ю.* Отцы и дети: «премия» за отцовство на российском рынке труда // Экономический журнал ВШЭ. 2020. № 2. С. 157—190.
- Audette A. P., Lam S., O'Connor H., Radcliff B.* (E)Quality of life: a cross-national analysis of the effect of gender equality on life satisfaction // Journal of Happiness Studies. 2019. Vol. 20, № 7. P. 2173—2188.
- Becker G. S.* An economic analysis of fertility // Demographic and Economic Change in Developed Countries. Columbia University Press, 1960. P. 209—240.
- Becker G. S.* A Treatise on the Family. London; Cambridge: Harvard University Press, 1991. 424 p.
- Becker G. S., Murphy K. M., Tamura R.* Human capital, fertility, and economic growth // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98, № 5. Pt. 2. P. S12—S37.
- Biryukova S., Makarentseva A.* Estimates of the motherhood penalty in Russia // Population and Economics. 2017. Vol. 1, № 1. P. 50—70.
- Bittman M., England P., Sayer L., Folbre N., Matheson G.* When Does Gender Trump Money? Bargaining and Time in Household Work. 2003. URL: <https://ro.uow.edu.au/artspapers/85> (дата обращения: 10.03.2021).
- Chesnais J. C.* Fertility, family, and social policy in contemporary Western Europe // Population and Development Review. 1996. Vol. 22, № 4. P. 729—739.
- Coltrane S.* Research on household labor: modeling and measuring the social embeddedness of routine family work // Journal of Marriage and the Family. 2000. Vol. 62, № 4. P. 1208—1233.
- Da Rocha J. M., Fuster L.* Why are fertility rates and female employment ratios positively correlated across OECD countries? // International Economic Review. 2006. Vol. 47, № 4. P. 1187—1222.
- Duvander A.-Z., Lappegård T., Andersen S. N., Garðarsdóttir Ó., Neyer G., Viklund I.* Parental leave policies and continued childbearing in Iceland, Norway, and Sweden // Demographic Research. 2019. Vol. 40. P. 1501—1528.
- Engelhardt H., Prskawetz A.* On the changing correlation between fertility and female employment over space and time // European Journal of Population / Revue Européenne De Démographie. 2004. Vol. 20, № 1. P. 35—62.
- Galor O., Weil D. N.* The gender gap, fertility, and growth // American Economic Review. 1996. Vol. 86, № 3. P. 374—387.
- Gauthier A. H.* The impact of family policies on fertility in industrialized countries: a review of the literature // Population Research and Policy Review. 2007. Vol. 26, № 3. P. 323—346.
- Goldin C.* The quiet revolution that transformed women's employment, education, and family // AEA Papers and Proceedings. Ely Lecture. American Economic Association Meetings. Boston (MA), 2006. P. 1—21.
- Gronau R.* Leisure, home production, and work — the theory of the allocation of time revisited // The Journal of Political Economy. 1977. Vol. 85, № 6. P. 1099—1123. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0022-3808%28197712%2985%3A6%3C1099%3ALHPAWT%3E2.0.CO%3B2-4> (дата обращения: 10.03.2021).
- Kabeer N.* Gender equality and women's empowerment: a critical analysis of the third millennium development goal 1 // Gender & Development. 2005. Vol. 13, № 1. P. 13—24.

-
- Kalwij A. S.* Household Consumption, Female Employment and Fertility Decisions: a Microeconomic Analysis. Center for Economic Research, 1999.
- Kolk M.* Weak support for a U-shaped pattern between societal gender equality and fertility when comparing societies across time // *Demographic Research*. 2019. Vol. 40. P. 27—48.
- Lacalle-Calderon M., Perez-Trujillo M., Neira I.* Fertility and economic development: quantile regression evidence on the inverse J-shaped pattern // *European Journal of Population*. 2017. Vol. 33, № 1. P. 1—31.
- Mader K., Schneebaum A.* The Gendered Nature of Intra-Household Decision Making in and Across Europe / WU, Department of Economics. 2013. Working Paper № 15. URL: <https://epub.wu.ac.at/3995/1/wp157.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).
- Marks J., Bun L. C., McHale S. M.* Family Patterns of Gender Role Attitudes // *Sex Roles*. 2009. Vol. 61, № 3—4. P. 221—234.
- McDonald P.* Gender equity in theories of fertility transition // *Population and Development Review*. 2000. Vol. 26, № 3. P. 427—439.
- Myrskylä M., Kohler H. P., Billari F.* High Development and Fertility: Fertility at Older Reproductive Ages and Gender Equality Explain the Positive Link / MPIDR. 2011. October. Working Paper 2011-017. URL: https://www.researchgate.net/publication/254404965_High_Development_and_Fertility_Fertility_at_Older_Reproductive_Ages_and_Gender_Equality_Explain_the_Positive_Link (дата обращения: 10.03.2021).
- Neyer G.* Should governments in Europe be more aggressive in pushing for gender equality to raise fertility? The second “NO” // *Demographic Research*. 2011. Vol. 24. P. 225—250.
- Nisén J., Klüsener S., Dahlberg J. et al.* Educational differences in cohort fertility across sub-national regions in Europe // *European Journal of Population*. 2021. Vol. 37. P. 263—295.
- O’Hara C., Clement F.* Power as agency: a critical reflection on the measurement of women’s empowerment in the development sector // *World Development*. 2018. Vol. 106. P. 111—123.
- Oláh L. S.* Gendering fertility: second births in Sweden and Hungary // *Population Research and Policy Review*. 2003. Vol. 22, № 2. P. 171—200.
- Olivetti C., Petrongolo B.* The economic consequences of family policies: lessons from a century of legislation in high-income countries // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31. P. 205—230.
- Onozaka Y., Hafzi K.* Household production in an egalitarian society // *Social Forces*. 2019. Vol. 97, iss. 3. P. 1127—1154.
- Qian N.* Missing women and the price of tea in China: the effect of sex-specific earnings on sex imbalance // *Quarterly Journal of Economics*. 2008. Vol. 123, № 3. P. 1251—1285.
- Rindfuss R., Guzzo K., Morgan S.* The changing institutional context of low fertility // *Population Research and Policy Review*. 2003. Vol. 22, № 5—6. P. 411—438.
- Rowlands J.* Empowerment examined (“Empowerment” à l’examen / Exame do controle do poder / Examinando el apoderamiento (empowerment)) // *Development in Practice*. 1995. Vol. 5, № 2. P. 101—107. URL: <http://www.jstor.org/stable/4028929> (дата обращения: 10.03.2021).
- Schultz T. P.* An economic model of family planning and fertility // *Journal of Political Economy*. 1969. Vol. 77, № 2.
- Schultz T. P.* Changing world prices, women’s wages, and the fertility transition: Sweden, 1860—1910 // *Journal of Political Economy*. 1985. Vol. 93, № 6. P. 1126—1154.
- Seo S. H.* Low fertility trend in the Republic of Korea and the problems of its family and demographic policy implementation // *Population and Economics*. 2019. Vol. 3. P. 29—35.
- Siegel C.* Female employment and fertility — the effects of rising female wages // *CEP Discussion Papers dp1156*. Centre for Economic Performance, LSE, 2012.
- Tesch-Römer C., Motel-Klingebiel A., Tomasik M. J.* Gender differences in subjective well-being: comparing societies with respect to gender equality // *Social Indicators Research*. 2008. Vol. 85. P. 329—349.

- Van Bavel J., Klesment M. Educational pairings, motherhood, and women's relative earnings in Europe // *Demography*. 2017. Vol. 54. P. 2331—2349.
- Van De Kaa D. J. Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42, № 1. P. 1—59.
- Woolley R. F. Economic Models of Family Decision-Making, with Applications to Intergenerational Justice: a Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in Economics at the London School of Economics. 1990. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/46517948.pdf> (дата обращения: 10.03.2021).
- Zhou M., Kan M. Y. A new family equilibrium? Changing dynamics between the gender division of labor and fertility in Great Britain, 1991—2017 // *Demographic Research*. 2019. Vol. 40. P. 1455—1500.

References

- Audette, A. P., Lam, S., O'Connor, H., Radcliff, B. (2019) (E)Quality of life: A cross-national analysis of the effect of gender equality on life satisfaction, *Journal of Happiness Studies*, vol. 20, no. 7, pp. 2173—2188.
- Becker, G. S. (1960) An economic analysis of fertility, in: *Demographic and Economic Change in Developed Countries*, Columbia University Press, pp. 209—240.
- Becker, G. S. (1991) *A Treatise on the Family*, London, Cambridge: Harvard University Press.
- Becker, G. S., Murphy, K. M., Tamura, R. (1990) Human capital, fertility, and economic growth, *Journal of Political Economy*, vol. 98, no. 5, pt. 2, pp. S12—S37.
- Biriukova, S., Makarentseva, A. (2017) Estimates of the motherhood penalty in Russia, *Population and Economics*, vol. 1, no. 1, pp. 50—70.
- Bittman, M., England, P., Sayer, L., Folbre, N., Matheson, G. (2003) *When Does Gender Trump Money? Bargaining and Time in Household Work*, available from <https://ro.uow.edu.au/artspapers/85> (accessed 10.03.2021).
- Chesnais, J. C. (1996) Fertility, family, and social policy in contemporary Western Europe, *Population and Development Review*, vol. 22, no. 4, pp. 729—739.
- Coltrane, S. (2000) Research on household labor: Modeling and measuring the social embeddedness of routine family work, *Journal of Marriage and the Family*, vol. 62, no. 4, pp. 1208—1233.
- Da Rocha, J. M., Fuster, L. (2006) Why are fertility rates and female employment ratios positively correlated across OECD countries?, *International Economic Review*, vol. 47, no. 4, pp. 1187—1222.
- Duvander, A.-Z., Lappegård, T., Andersen, S. N., Gardarsdóttir, Ó., Neyer, G., Viklund, I. (2019) Parental leave policies and continued childbearing in Iceland, Norway, and Sweden, *Demographic Research*, vol. 40, pp. 1501—1528.
- Engelhardt, H., Prskawetz, A. (2004) On the changing correlation between fertility and female employment over space and time, *European Journal of Population / Revue Européenne De Démographie*, vol. 20, no. 1, pp. 35—62.
- Galor, O., Weil, D. (1996) The gender gap, fertility, and growth, *American Economic Review*, vol. 86, no. 3, pp. 374—387.
- Gauthier, A. H. (2007) The impact of family policies on fertility in industrialized countries: A review of the literature, *Population Research and Policy Review*, vol. 26, no. 3, pp. 323—346.
- Goldin, C. (2006) The quiet revolution that transformed women's employment, education, and family, in: *AEA Papers and Proceedings*, Ely Lecture, American Economic Association Meetings, Boston, MA, pp. 1—21.

-
- Gronau, R. (1977) Leisure, home production, and work — the theory of the allocation of time revisited, *The Journal of Political Economy*, vol. 85, no. 6, pp. 1099—1123, available from <http://links.jstor.org/sici?sici=0022-3808%28197712%2985%3A6%3C1099%3ALHPAWT%3E2.0.CO%3B2-4> (accessed 10.03.2021).
- Kabeer, N. (2005) Gender equality and women's empowerment: A critical analysis of the third millennium development goal 1, *Gender & Development*, vol. 13, no. 1, pp. 13—24.
- Kalabikhina, I. E. (2009) Gendernyi perekhod i demograficheskoe razvitiye [Gender transition and demographic development], *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal*, no. 2, pp. 540—554, available from <http://www.e-rej.ru/Articles/2009/Kalabikhina.pdf> (accessed 10.03.2021).
- Kalabikhina, I. E., Shaikenova, Zh. K. (2019) Zatraty vremeni na domashniuiu rabotu: determinanty gendernogo neravenstva [Time spent for household work: the determinants of gender inequality], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3, pp. 261—285.
- Kalwij, A. S. (1999) *Household Consumption, Female Employment and Fertility Decisions: A Microeconomic Analysis*, Center for Economic Research.
- Kolk, M. (2019) Weak support for a U-shaped pattern between societal gender equality and fertility when comparing societies across time, *Demographic Research*, vol. 40, pp. 27—48.
- Lacalle-Calderon, M., Perez-Trujillo, M., Neira, I. (2017) Fertility and economic development: Quantile regression evidence on the inverse J-shaped pattern, *European Journal of Population*, vol. 33, no. 1, pp. 1—31.
- Mader, K., Schneebaum, A. (2013) *The Gendered Nature of Intra-Household Decision Making in and Across Europe*, WU, Department of Economics, Working Paper no. 15, available from <https://epub.wu.ac.at/3995/1/wp157.pdf> (accessed 10.03.2021).
- Marks, J., Bun, L. C., McHale, S. M. (2009) Family Patterns of Gender Role Attitudes, *Sex Roles*, vol. 61, no. 3—4, pp. 221—234.
- McDonald, P. (2000) Gender equity in theories of fertility transition, *Population and Development Review*, vol. 26, no. 3, pp. 427—439.
- Myrskylä, M., Kohler, H. P., Billari, F. (2011) High Development and Fertility: Fertility at Older Reproductive Ages and Gender Equality Explain the Positive Link, MPIDR, Working Paper 2011-017, October, available from https://www.researchgate.net/publication/254404965_High_Development_and_Fertility_Fertility_at_Older_Reproductive_Ages_and_Gender_Equality_Explains_the_Positive_Link (accessed 10.03.2021).
- Neyer, G. (2011) Should governments in Europe be more aggressive in pushing for gender equality to raise fertility? The second “NO”, *Demographic Research*, vol. 24, pp. 225—250.
- Nisén, J., Klüsener, S., Dahlberg, J. et al. (2021) Educational differences in cohort fertility across sub-national regions in Europe, *European Journal Population*, vol. 37, pp. 263—295.
- O'Hara, C., Clement, F. (2018) Power as agency: A critical reflection on the measurement of women's empowerment in the development sector, *World Development*, vol. 106, pp. 111—123.
- Oláh, L. S. (2003) Gendering fertility: Second births in Sweden and Hungary, *Population Research and Policy Review*, vol. 22, no. 2, pp. 171—200.
- Olivetti, C., Petrongolo, B. (2017) The economic consequences of family policies: Lessons from a century of legislation in high-income countries, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 31, pp. 205—230.
- Onozaka, Y., Hafzi, K. (2019) Household production in an egalitarian society, *Social Forces*, vol. 97, iss. 3, pp. 1127—1154.
- Oshchepkov, A. Ju. (2020) Ottsy i deti: “premiia” za ottsovstvo na rossiiskom rynke truda [Fathers and children: The fatherhood receives “Premium” in Russia], *Ekonomicheskii zhurnal Vyssheĭ shkoly ekonomiki*, no. 2, pp. 157—190.

- Qian, N. (2008) Missing women and the price of tea in China: The effect of sex-specific earnings on sex imbalance, *Quarterly Journal of Economics*, vol. 123, no. 3, pp. 1251—1285.
- Rindfuss, R., Guzzo, K., Morgan, S. (2003) The changing institutional context of low fertility, *Population Research and Policy Review*, vol. 22, no. 5—6, pp. 411—438.
- Rowlands, J. (1995) Empowerment examined (“Empowerment” à l’examen / Exame do controle do poder / Examinando el apoderamiento (empowerment)), *Development in Practice*, vol. 5, no. 2, pp. 101—107, available from <http://www.jstor.org/stable/4028929> (accessed 10.03.2021).
- Schultz, T. P. (1969) An economic model of family planning and fertility, *Journal of Political Economy*, vol. 77, no. 2.
- Schultz, T. P. (1985) Changing world prices, women’s wages, and the fertility transition: Sweden, 1860—1910, *Journal of Political Economy*, vol. 93, no. 6, pp. 1126—1154.
- Seo, S. H. (2019) Low fertility trend in the Republic of Korea and the problems of its family and demographic policy implementation, *Population and Economics*, vol. 3, pp. 29—35.
- Siegel, Ch. (2012) Female employment and fertility — the effects of rising female wages, in: *CEP Discussion Papers*, dp1156, Centre for Economic Performance, LSE.
- Tesch-Römer, C., Motel-Klingebiel, A., Tomasik, M. J. (2008) Gender differences in subjective well-being: Comparing societies with respect to gender equality, *Social Indicator Research*, vol. 85, pp. 329—349.
- Van Bavel, J., Klesment, M. (2017) Educational pairings, motherhood, and women’s relative earnings in Europe, *Demography*, vol. 54, pp. 2331—2349.
- Van De Kaa, D. J. (1987) Europe’s second demographic transition, *Population Bulletin*, vol. 42, no. 1, pp. 1—59.
- Woolley, R. F. (1990) *Economic Models of Family Decision-Making, with Applications to Intergenerational Justice: A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in Economics at the London School of Economics*, available from <https://core.ac.uk/download/pdf/46517948.pdf> (accessed 10.03.2021).
- Zhou, M., Kan, M. Y. (2019) A new family equilibrium? Changing dynamics between the gender division of labor and fertility in Great Britain, 1991—2017, *Demographic Research*, vol. 40, pp. 1455—1500.

Статья поступила 02.04.2021 г.

Информация об авторе / Information about the author

Калабихина Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Department of Population, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 2. P. 17—27
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.2

Женщина в российском обществе
2021. № 2. С. 17—27
ББК 66.74(2Рос)
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.2

ДВА ВЕКА ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Н. Л. Пушкарева^a, И. М. Пушкарева^b

^a Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru

^b Институт российской истории, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Свыше двух веков истории женского движения в стране представлены как история сложной акцепции Россией социальных и интеллектуальных достижений Западной Европы, их переосмысления и перетолковывания, приспособления к нуждам женской части населения огромной страны. Авторы настаивают на значимости политики решения «женского вопроса» в годы Советской власти, предостерегают от недооценки достижений и дают краткую характеристику истории женского движения в стране после коллапса СССР и социалистической системы. Причины слабого влияния современного женского движения на государственную политику обнаружены именно в культурно-исторической традиции и отсутствии практик представительства разных общественных групп, слоев и интересов в структурах управления страной.

Ключевые слова: женское движение, женские организации, Россия, феминизм, марксизм, история женщин.

TWO CENTURIES OF WOMEN'S MOVEMENT IN RUSSIA AND ITS CURRENT STATE

N. L. Pushkareva^a, I. M. Pushkareva^b

^a N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, pushkarev@mail.ru

^b Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Over two centuries of the Russian women's movement history are presented as the history of complex acceptance of Western Europe's social and intellectual achievements, their integration and reinterpretation, as well as adaptation to the needs of the female population of the vast country. The authors insist on the importance of the "women's issue" solving policy during the years of Soviet power, warn against underestimating the achievements and give a brief description of the history of the women's movement in the country after the collapse of the USSR

© Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М., 2021

Исследование выполнено в соответствии с планом НИР ИЭА РАН.

and the socialist system. The reasons for the weak influence of the modern women's movement on state policy are found precisely in the cultural and historical tradition and the lack of practices of representing different social groups, strata and interests in the structures of government.

Key words: women's movement, women's organizations, Russia, feminism, Marxism, women's history.

XIX век был поворотным в мировой женской истории, поскольку породил «великое предприятие феминизма» [Фрассе, Перро, 2015: 423] — одно из важнейших общественных движений. Его целью было освобождение (эмансипация) от зависимости, неравноправия и асимметрий в распределении социальных прав, возможностей и обязанностей женщин.

Россия к началу XIX в. была территориально самой большой в мире, многонациональной и уже не унитарной (после 1815 г.) в административном отношении страной. Она мыслила себя как европейская держава, но оставалась слабоурбанизированной, крестьянской. Свыше 90 % ее населения проживало вне городов и было неграмотно. Ввиду сказанного у российского женского движения не было перспективы быстро стать массовым. Созданное обеспеченными и просвещенными общественными деятельницами середины XIX столетия, оно затронуло поначалу узкий, элитарный слой образованных горожанок и с трудом находило социальную поддержку, причем лишь в самых крупных городах. Социально-политические, экономико-правовые и культурно-исторические паттерны, обусловившие историю массовых общественных движений в России, заставляют размышлять об истории женского движения в ней как об истории, испытывавшей постоянное влияние Запада — и в то же время самостоятельной и по-своему уникальной.

В истории западного и российского женских движений было немало *общего*. У их истоков стояли обеспеченные жительницы крупных городов, представительницы «образованного общества», жертвовавшие средства на женские общественные нужды [Юкина, 2001], что меняло социальный состав участниц от зажиточных до беднеющих и бедных. Как и в Европе, в первые женские объединения, созданные зрелыми женщинами, вступала молодежь, мечтавшая избавиться от «ига семьи» и стать самостоятельной. Добиваясь признания за женщинами гражданских прав, первые русские активистки видели пути их обретения в доступе к высшему образованию и свободному выбору профессии.

Но *различий* с западноевропейским женским движением у российского было больше, чем общего. Имущественное положение россиянок было сравнительно прочным, процедура развода известна издревле, что помогло в XIX в. защите женских интересов в дискуссии об «адских мучениях немилого брака», получению права на гражданский союз и раздельное проживание с супругом [Семидеркин, 1982]. Россиянки в деревнях больше страдали не от отсутствия прав, а от незнания о них, обобщенных в «Полном своде законов Российской империи», и неумения ими пользоваться.

Женщины в России не имели многовекового опыта коллективных действий [Хасбулатова, Правкина, 1997: 14], как и навыков представления своих интересов в публичном пространстве (в Европе женщины участвовали в еретических и протестантском движениях, в создании клубов и салонов XVII в.,

в первых буржуазных и в Великой французской революциях). Влияние женского движения на власть в России было слабым, верхушечным. Движение затрагивало узкий слой горожанок; деревня ни о каком феминизме и не слыхивала.

Если западные феминистки стремились отделиться от мужской иерархической системы и создать свою, свободную от иерархий и авторитаризма, то русские деятельницы не противопоставляли себя мужчинам и полагали необходимым использовать в своих целях общественные структуры и движения, созданные мужьями, братьями, друзьями, в которых видели своих лидеров. В первую женскую организацию («Общество доставления дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга») входили в числе 300 членов несколько мужчин (Н. И. Ламанский, Н. С. Алеников, Н. И. Шамшин, А. А. Сабуров) [Философова, 1873; Дмитриевский, 1910], да и позже активистки утверждали, что «интеллигентная русская женщина ни в какой форме не желает обособления» [Шахматова, 1912: 13], используя в начале XX в. сочувствовавших идеям эмансипации государственных деятелей в качестве лоббистов женских интересов в органах власти.

После публикации романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в России началось создание женских трудовых коммун, подтвердившее, что в этой стране мужчина-литератор может дать ответ на женский вопрос [Паперно, 1996: 115]. Литература позволила сформироваться и вырваться на русской почве отношению к женщине как к «другу по общему делу». Такой взгляд на отношения полов был в известной степени выпестован и православной церковной книжностью, воспитавшей в русских женщинах культ преданности и самоотдачи. Социально значимые поступки женщин из века в век рассматривались как проявления женской жертвенности, а сходные поступки мужчин квалифицировались как доблестное, геройское [Пушкарева, 1998: 8].

Если в Германии и Франции благотворительные организации обучали женщин тому, как им стать лучшими матерями, женами, домохозяйками [Lindenmeyr, 1993: 578], то в России благотворительницы относились к женщинам как к самостоятельным труженицам. «Целесообразнейшая, единственно рациональная форма благотворительности должна состоять в предоставлении нуждающимся оплачиваемого труда, а не в даровой помощи», — утверждал созданный в 1900 г. журнал «Женское дело». Эмансипация трактовалась в России как профессиональная самореализация, принося благотворительницам опыт лидерства и повышения самооценки. Девиз «Помощь трудом!», начертанный на «Доме трудолюбия для образованных женщин» в Петербурге (1896) мог бы стать девизом всего женского движения в стране.

Меньшее значение (в сравнении с европейскими дискуссиями) придавалось российскими деятельницами женского движения и вопросам телесности и сексуальности, поскольку в самой русской истории почитание женственности не имело тех корней, которые можно обнаружить в средневековой европейской культуре с ее культом Прекрасной Дамы. Почитание женщины как воплощения женственности русские активистки именовали «духовным гетто» (А. В. Тыркова), «шелковыми силками» (М. Н. Покровская), которые удерживали женщин на привычных социальных ролях соблазнительницы, жены, домохозяйки. Эмансипация прочитывалась в России как освобождение от этих

стереотипов. К 1910-м гг. Россия опередила другие европейские страны по качеству и разнообразию профессий, доступных женщинам [Stites, 1978: 87].

Стремительное включение жительниц крупных городов начала XX в. в общественную жизнь позволило создать целое созвездие женских политических организаций — Союз равноправности женщин (1905), Женский политический клуб (1906), Женскую прогрессивную партию (1906), Российскую лигу равноправия женщин (1907), Петербургский женский клуб (1908), Общество охранения прав женщин (1910). Благодаря их активности в России с 1900 г. регулярно выходил политический журнал «Женское дело», а с 1904 г. знаменитый «Женский вестник», просуществовавший до запрета большевиками (1918) более 14 лет. Именно им (а вовсе не социал-демократам, не большевикам) женщины России могут быть благодарны за предоставление права участвовать в выборах без различия пола. Защитницы женских прав («равноправки») в буквальном смысле вырвали его у Временного правительства 20 июня 1917 г. — благодаря своей целеустремленности, разнообразию технологий взаимодействия с различными субъектами государственного управления, активной общественной деятельности [Хасбулатова, 2017].

Самая яркая отличительная черта русского феминизма — его связь с революционно-демократическим движением: в 1870-х гг. почти 20 женщин вошли в состав народнической «Земли и воли», немало женских имен можно найти в списках членов анархистских организаций. Но при всем влиянии леворадикальных идей на общественные движения в России ни о каком союзе (как выражаются западные феминистки, «браке марксизма с феминизмом») в России речи не было. В российском женском движении на рубеже XIX—XX вв. сформировались две ветви: *либеральная*, находившая поддержку образованной части дворянок, предпринимательниц, женщин из средних городских слоев, и *социал-демократическая*, испытывавшая в той или иной мере влияние социалистических, марксистских идей [Хасбулатова, Гафизова, 2003].

Либеральные деятельницы, сторонницы *феминизма различий*, ставили во главу угла индивидуальные женские интересы, обеспечение права на образование, профессию, на участие в общественной жизни через легальные способы оказания на нее влияния (участие в выборах, право быть избранными). Они именно в этом видели свой вклад «в женское движение для всех».

Для социал-демократической же ветви российского женского движения, которая была слабее либеральной (если говорить о защите артикулированно женских интересов), важным было не индивидуальное право гражданки, а создание общества, справедливого для всех. Эти защитницы женских прав отводили значимую роль государству и обобществлению домашнего труда (ясли, детсады, столовые, служба быта, проживание коммунарами). Сторонницы *феминизма равенства* настаивали на том, чтобы люди разного пола имели равный статус и их вклад в жизнь общества оценивался равным образом. Российские социал-демократы не спешили выделять «женский вопрос» в самостоятельное социально значимое направление политической агитации, не помогали женщинам вырабатывать гендерное самосознание. Работницы российских предприятий, сталкиваясь с обыденностью насилия, видели его исходящим не просто от мужчин,

но от администрации фабрик — и обретали скорее социальное, нежели гендерное самосознание [Пушкарева И., Пушкарева Н., 2020].

Участие российских работниц в освободительном движении на рубеже XIX—XX вв. было спорадическим, стихийным, носило случайный, временный характер и не сложилось в «пролетарскую ветвь» женского движения. Сторонницы феминизма равенства не нашли общего языка со сторонницами феминизма различий. Понятно, что это ничуть не умаляет значимости «женского фермента» (К. Маркс) для протестного освободительного движения в стране в целом, но в известном смысле объясняет, почему короткая история прежних женских групп, союзов, клубов была прервана вместе с приходом к власти большевиков. Новая власть предоставила женщинам формальную полноту гражданских прав и свобод, уравнив их с мужчинами перед лицом закона. По логике преобразователей страны, это и обеспечивало реальное социальное равенство женщин, давая основание забыть про феминизм различий и покончить с независимым женским движением, запретив все небольшевистские объединения, группы, издания.

История российского женского движения как части движения, оппозиционного власти, была прервана почти на полвека, однако если под женским движением иметь в виду всю совокупность женских организаций с фиксированным и нефиксированным членством, действовавших для обеспечения гендерного равноправия в различных социальных сферах, удовлетворения политических и социальных интересов, профессиональной и духовной самореализации, защиты семьи, материнства и детства [Хасбулатова, 2019], то никакого разрыва не было. Российское женское движение изменило свою социальную базу и организационные формы, перестало быть независимым, оказалось тесно связанным с государственной политикой. Советская власть реализовывала собственный проект эмансипации, лишенный чуткости к запросам самих женщин и нацеленный на политическую и экономическую мобилизацию женской части населения на строительство нового общества.

Специальные отделы по работе среди женщин при Центральном и местных комитетах РКП(б)/ВКП(б) — так называемые женотделы (число делегатов в которые превысило к концу 1920-х гг. 600 тыс. человек), создаваемые с 1919 г. с целью вовлечения женщин в коммунистическое строительство, неоднозначно воспринимались и самими женщинами, и частью идеологов. Жительницы некрупных городов, отдаленных от столиц регионов пытались протестовать против политики женотделов, полагая, что она разрушает семьи, провоцирует бездушное разделение родителей и детей (настаивая на использовании яслей, детсадов), учит воинствующему атеизму [Дубинина, 1981].

Руководители страны тоже опасались женотделов, возникших по настоянию женщин — членов партийной верхушки (во главе с И. Арманд), видя в них «создание некоторой почвы для феминистических уклонов», которые могут привести к «отрыву женской части трудящихся от общеклассовой борьбы» [Двенадцатый съезд РКП(б), 1968: 724]. В 1930 г. женотделы перестали существовать, их сменили женсекторы Отдела агитации и массовых кампаний при ЦК КПСС, с 1934 г. превратившиеся в делегатские собрания по отраслям профессиональной занятости [Stravakis, 1961], имевшие весьма условный доступ к властным рычагам. Как и женсоветы, делегатские собрания страдали не столько

от нехватки персонала и финансирования, сколько от отсутствия ясных целей и непонимания границ своих прав, нехватки опыта работы с рядовыми членами своих собраний.

И все же, пусть и созданная «сверху», это была одна из форм женского движения, привлечения широких женских масс к преобразованию быта. Трудовые коллективы на собраниях выбирали своих представительниц сроком на один год, давая им наказы. Представительницы объединялись в группы, именуемые «собрания» (работниц, батрачек, кустарок и др.) или «клубы» (клуб «Красная юрта» в Средней Азии), формально осуществляя демократическое представительство.

Складывавшейся тоталитарной системе мешал глубокий демократизм советского женского движения, он не соответствовал строгой вертикальной системе подчинения воле вождя. Именно после нового закрытия всех женских организаций получил распространение миф о решении «женского вопроса» в СССР и вместо демократических, возникавших снизу женсоветов возникла система назначаемых политотделами женорганизаторов (это были оплачиваемые должности в аппарате) [Харитоновна, 2007].

Однако опыт женсоветов, женсекторов, делегатских собраний стал мощной школой внесемейной общественной активности советских женщин. Опираясь на нее, спустя неполных десять лет — 7 сентября 1941 г. — на I Всесоюзном антифашистском митинге, проходившем в Москве, был создан Антифашистский комитет советских женщин, переименованный после Второй мировой войны в Комитет советских женщин.

С послевоенного времени женское движение в СССР может быть представлено двумя слоями (потоками). Комитет советских женщин был призван являть миру и зарубежным деятельницам женского движения глянцевою картину достижений и доказательства решенности «женского вопроса» в СССР. Вся деятельность его членов (имена которых не были известны почти никому из рядовых гражданок СССР) была нацелена вовне: на установление контактов с женскими организациями разных стран, борьбу за мир, демонстрацию солидарности с борцами за улучшение положения женщин и счастье детей в других странах, на пропагандистскую работу за рубежом [Курсковская, 1981; Галкина, 2013]. Между тем о несоответствии заявлений о решенности «женского вопроса» и реального положения женщин в стране говорить в самом СССР решались лишь диссидентки. Созданная ими на рубеже 1970—1980-х гг. первая феминистская группа, начавшая издавать женский политический журнал «Мария», была нацелена именно на опровержение тезиса о достижениях страны в плане обеспечения реальной (а не формальной) эмансипации, обнажала неудовлетворенность женщин своим «неравным равенством» и потребность в самозащите прав и интересов в обстановке экономической стагнации [Алексеева, 1984; Чуйкина, 1996].

В начале 1990-х гг., вместе с коллапсом СССР, распадом социалистической системы и обесцениванием завоеваний социализма (который дал женщинам немало: свободный доступ в университеты и сферу науки, к мужским профессиям, доступность детсадов, яслей, бесплатность школьного обучения детей, стремление к полному равенству в зарплатах на одной и той же должности и др.), в России, обновленной перестройкой, ожило и возродилось независимое женское либеральное движение. Как и за 100 лет до того, оно охватило, как это

было в XIX в., образованную часть российских горожанок [Мельникова, 1999]. Опять же, как и в XIX в., это возрождение развернулось под влиянием западноевропейской и, в особенности, американской интеллектуальной мысли — феминисток, заявивших себя лидерами феминистского движения в мире и призвавших перестать критиковать капитализм как источник гендерного неравенства. Вместо капитализма главным врагом ими был объявлен *патриархат*.

С начала 1990-х и на протяжении более 15 лет женское движение в обновленной России оказывало влияние на государственную политику, позволив заново поставить и сам «женский вопрос», и сформировать думскую фракцию «Женщины России», и создать целый консорциум возникших на основании низовой инициативы женских организаций (их было свыше 1000, в том числе и общероссийские) [Женские неправительственные организации... , 1998; Лахова, 1998]. Однако, как и в начале XX в., когда «равноправки» пытались создать общероссийскую женскую организацию, единства взглядов у деятельниц независимого женского движения в постсоветской России не обнаружилось. Не было общей идеи, объединяющей женщин всех регионов страны и всех социальных слоев [Великая, Овчарова, 2019]. Как и ранее, в стране отсутствовала устойчивая традиция женского представительства от разных социальных групп и вообще представительства всего спектра общественных интересов в сфере управления. Российская партийно-управленческая система никогда к такой представленности не стремилась и не ставила задач реальной инклюзии. Даже объединяясь в женские группы, клубы или союзы, россиянки (в силу общей неподготовленности и пробелов в образовании) не вполне понимали основы работы демократических структур, задействованных в принятии решений, деятельности ветвей власти, а также механизмов законотворчества. Основные надежды в знаменитые «гендерные 90-е» возлагались на финансовую поддержку со стороны крупных западноевропейских грантодателей [Кон и др., 2000; Жеребкина, 2003]. Вследствие этого эффективное участие женщин в партийной жизни (построенной в нашей стране к тому же в сильной зависимости от сложившихся традиций) оставалось редким, как и получение опыта и квалификации, необходимых для выполнения руководящих функций в партии или в высшем аппарате управления страной.

Не подпитываемое финансово зарубежными фондами и мировой женской солидарностью, независимое либеральное женское движение в России, по сути, захлебнулось в начале 2000-х гг., уступив место тем организациям, которые продвигали не либеральные идеи в их западноевропейском и американском прочтении, но идеи, созвучные государственным интересам Российской державы. Это доказал Второй всероссийский женский съезд 2008 г., созданный через 100 лет после первого (1908 г.) и явивший серьезное идейное размежевание его участниц [Воронина, 2008; Гапова, 2009].

В последние полтора десятилетия женское движение в стране остается малозаметной политической силой, хотя отдельные акции вызывают подчас живой отклик в обществе. Вместо финансовой подпитки западных фондов и программ женские НКО получили возможность участвовать в ежегодных конкурсах президентских и региональных грантов, поддерживающих различные женские организации. Благодаря таким общим усилиям власти и женских НКО решаются текущие вопросы в регионах, в том числе направленные на укрепление семейных

связей и отношений. Однако многие критические действия, на которые женщин подвигают отдельные активистки либерального толка (в том числе протестуя против декриминализации домашнего насилия, запретов на усыновление детей иностранцами, а также поддерживаемой отдельными религиями практики калечащих операций на женском теле), часто встречают непонимание то властей, то глав разных конфессий, то сторонников сохранения устоев и духовных скреп, побуждая к алармистским призывам и обращению к зарубежному общественному мнению. Неопатриархат и попытка найти устойчивость через обращение к традиционализму, устоям — черта текущего момента не только в России, но и во множестве европейских стран [Гутерриш, 2020]. Повышение статуса женщин в российском обществе, нелинейный характер изменений на этом пути отражают сложную и противоречивую историю взаимоотношений женской части населения страны и тех, кто считает себя идеологами «женского вопроса».

Библиографический список

- Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Benson (VT): Khronika Press, 1984. 427 с.
- Великая Н. М., Овчарова О. Г.* Феминизм в информационном пространстве современной России: парадоксы гендерного дискурса // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика / отв. ред. О. А. Хасбулатова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. С. 25—32.
- Воронина О. А.* Съезд всех съест // Гендерные исследования. 2008. № 18. С. 349—356.
- Галкина Г. Н.* Комитет советских женщин: страницы истории (1941—1992). М.: Изд. дом Тончу, 2013. 663 с.
- Гапова Е. И.* Итоги съезда: еще раз о классовом вопросе постсоветского феминизма // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7, № 4. С. 465—484.
- Гутерриш А.* Гендерный дисбаланс во властных полномочиях // Независимая газета. 2020. 2 марта.
- Двенадцатый съезд РКП(б), 17—25 апреля 1923 года: стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. 903 с.
- Дмитриевский И. Д.* Пятидесятилетие высочайше утвержденного Общества доставления дешевых квартир, 1859—1909. СПб., 1910.
- Дубинина Н. И.* Победа Великого Октября и первые мероприятия партии в решении женского вопроса // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М.: Мысль, 1981. С. 14—34.
- Женские неправительственные организации России и СНГ: справочник. М.: Эслан, 1998. 365 с.
- Жеребкина И. А.* Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует. СПб.: Алетейя, 2003. 252 с.
- Кон И. С., Жеребкина И. А., Пушкарева Н. Л., Темкина А. А., Крипс Г.* Проблемы и перспективы развития гендерных исследований в бывшем СССР // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 8—43.
- Курсовская Е. И.* Комитет советских женщин. М.: Новости, 1981. 34 с.
- Лахова Е. Ф.* Женское движение в годы реформ: проблемы и перспективы. М.: Информатик, 1998. 78 с.
- Мельникова Т. А.* Женское движение России в политических процессах современного общества. М.: СИМС, 1999. 186 с.

- Паперно И. Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 208 с.
- Пушкарева И. М., Пушкарева Н. Л. Становление женского политического движения в России (1891—1914 гг.) // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 2. С. 114—128.
- Пушкарева Н. Л. Ценностные ориентации русских в доиндустриальную эпоху: (на примере образа идеальной супруги) // *Женщины и общество: вопросы теории, методологии и социальных исследований*. Ижевск: Ижев. гос. ун-т, 1998. С. 3—8.
- Семидеркин Н. А. Введение гражданского брака в России // *Вестник Московского государственного университета*. Сер. 11, Право. 1982. № 1. С. 3—7.
- Философова А. П. Заявление председательницы «Общества дешевых квартир». СПб., 1873. 2 с.
- Фрассе Ж., Перро М. Великое предприятие феминизма // *История женщин на Западе*. СПб.: Алетейя, 2015. Т. 4: Возникновение феминизма / науч. ред. перевода Н. Л. Пушкарева. С. 423—425.
- Харитоновна С. Б. Создание специального аппарата для работы среди женского населения в 1920—1930-е годы: (региональный опыт) // *Вестник Чувашского университета*. 2007. № 3. С. 70—79.
- Хасбулатова О. А. Женское движение в России как фактор социального прогресса (1900—1917 гг.) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 2. С. 5—14.
- Хасбулатова О. А. Женское движение в современной России // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 3. С. 14—26.
- Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б. Женское движение в России (вторая половина XIX — начало XX в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 256 с.
- Хасбулатова О. А., Правкина И. А. Традиции женского движения в России: история и современность // *Женщина в российском обществе*. 1997. № 1. С. 14—22.
- Чуйкина С. Участие женщин в диссидентском движении (1956—1986) // *Гендерное измерение социальной и политической активности (1956—1986)* // Центр независимых социологических исследований. СПб.: [б. и.], 1996. С. 61—81.
- Шахматова Н. А. Что такое феминизм?: реферат, читанный 17 марта 1912 года в Московском отделении Российской лиги равноправия женщин. М., 1912. 24 с.
- Юкина И. И. «Новые женщины»: мотивы участия в женском движении // *Российские женщины и европейская культура* / отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб.: Санкт-Петербург. филос. о-во, 2001. С. 118—126.
- Lindenmeyr A. Public life, private virtues: women in Russian Charity, 1762—1914 // *Signs*. 1993. Spring. P. 562—592.
- Stites R. Women's Liberation's Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860—1930. Princeton: Princeton University Press, 1978. 464 p.
- Stravakis B. Women and the Communist Party in the Soviet Union 1918—1935: Ph. D. Thesis / Western Reserve University. Cleveland (OH), 1961.

References

- Alekseeva, L. (1984) *Istoriia inakomyслиia v SSSR. Noveishii period* [History of Dissent in the USSR. Recent period], Benson, Vermont: Khronika Press.
- Chui'kina, S. (1996) Uchastie zhenshchin v dissidentskom dvizhenii (1956—1986) [Women's participation in the Dissident Movement (1956—1986)], in: *Gendernoe izmerenie sotsial'noi i politicheskoi aktivnosti v perekhodnyi period*, St. Petersburg, pp. 61—81.
- Dmitrievskii, I. D. (1910) *Piatidesiatiletie vysochaishhe utverzhdennogo Obshchestva dostavleniia deshëvykh kvartir, 1859—1909* [Fiftieth anniversary of the most highly approved Society for the delivery of cheap apartments, 1859—1909], St. Petersburg.

- Dubinina, N. I. (1981) Pobeda Velikogo Oktiabria i pervye meropriiatiia partii v reshenii zhenskogo voprosa [The victory of the Great October and the first events of the party in solving the women's issue], in: *Opyt KPSS v reshenii zhenskogo voprosa*, Moscow: Mysl', pp. 14—34.
- Dvenadtsatyĭ s'ezd RKP(b), 17—25 apreliia 1923 goda: Stenograficheskiĭ otchët* (1968) [The Twelfth Congress of the RCP(b), April, 17—25, 1923: Verbatim report], Moscow: Politizdat.
- Filosofova, A. P. (1873) *Zaiavlenie predsedatel'nitsy "Obshchestva дешёвых kvartir"* [Statement of the chairwoman of the "Society of Cheap Apartments"], St. Petersburg.
- Frasse, Zh., Perro, M. (2015) Velikoe predpriiatie feminizma [Great feminism initiative], in: *Istoriia zhenshchin na Zapade*, vol. 4: Vozniknovenie feminizma, St. Petersburg: Aleteĭia, pp. 423—425.
- Galkina, G. N. (2013) *Komitët sovetskikh zhenshchin: Stranitsy istorii (1941—1992)* [Committee of Soviet Women: Pages of history (1941—1992)], Moscow: Izdatel'skiĭ dom Tonchu.
- Gapova, E. I. (2009) Itogi s'ezda: eshchë raz o klassovom voprose postsovetskogo feminizma [The results of the congress: once again about the class issue of Post-Soviet feminism], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 7, no. 4, pp. 465—484.
- Guterrish, A. (2020) Gendernyi disbalans vo vlastnykh polnomochiiakh [Gender power imbalance], *Nezavisimaia gazeta*, 2 marta.
- Iukina, I. I. (2001) "Novye zhenshchiny": motivy uchastiia v zhenskom dvizhenii ["New women": motives for participation in the women's movement], in: *Rossiiskie zhenshchiny i evropeiskaia kul'tura*, St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, pp. 118—126.
- Kharitonova, S. B. (2007) Sozdanie spetsial'nogo apparata dlia raboty sredi zhenskogo naseleniia v 1920—1930-e gody: (Regional'nyi opyt) [Creation of a special apparatus for working among the female population in the 1920s and 1930s: (Regional experience)], *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 3, pp. 70—79.
- Khasbulatova, O. A. (2017) Zhenskoe dvizhenie v Rossii kak faktor sotsial'nogo progressa (1900—1917 gg.) [Women's movement in Russia as a factor of social progress (1900—1917)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 5—14.
- Khasbulatova, O. A. (2019) Zhenskoe dvizhenie v sovremennoi Rossii [Women's movement in modern Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 14—26.
- Khasbulatova, O. A., Gafizova, N. B. (2003) *Zhenskoe dvizhenie v Rossii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)* [Women's movement in Russia (second half of the XIX — beginning of the XX c.)], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Khasbulatova, O. A., Pravkina, I. A. (1997) Traditsii zhenskogo dvizheniia v Rossii: istoriia i sovremennost' [Traditions of the women's movement in Russia: history and modernity], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 14—22.
- Kon, I. S., Zherebkina, I. A., Pushkareva, N. L., Temkina, A. A., Krips, G. (2000) Problemy i perspektivy razvitiia gendernykh issledovaniĭ v byvshem SSSR [Problems and prospects of development of gender studies in the former USSR], in: *Gendernye issledovaniia*, no. 5, pp. 8—43.
- Kurskovskaia, E. I. (1981) *Komitët sovetskikh zhenshchin* [Committee of Soviet women], Moscow: Novosti.
- Lakhova, E. F. (1998) *Zhenskoe dvizhenie v gody reform: problemy i perspektivy* [Women's movement in the years of reform: problems and prospects], Moscow: Informatik.
- Lindenmeyr, A. (1993) Public life, private virtues: women in Russian Charity, 1762—1914, *Signs*, Spring, pp. 562—592.

- Mel'nikova, T. A. (1999) *Zhenskoe dvizhenie Rossii v politicheskikh protsessakh sovremenno obshchestva* [The Russian women's movement in the political processes of modern society], Moscow: SIMS.
- Paperno, I. (1996) *Nikolaï Chernyshevskii — chelovek èpokhi realizma* [Nikolai Chernyshevsky — a man of the era of realism], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Pushkareva, I. M., Pushkareva, N. L. (2020) Stanovlenie zhenskogo politicheskogo dvizheniia v Rossii (1891—1914 gg.) [The formation of the women's political movement in Russia (1891—1914)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 114—128.
- Pushkareva, N. L. (1998) Tsennostnye orientatsii russkikh v doindustrial'nuu èpokhu: (Na primere obraza ideal'noï suprugii) [Value orientations of Russians in the Pre-industrial era: (By the example of the image of the ideal spouse)], in: *Zhenshchiny i obshchestvo: voprosy teorii, metodologii i sotsial'nykh issledovaniï*, Izhevsk: Izhevskii gosudarstvennyi universitet, pp. 3—8.
- Semiderkin, N. A. (1982) Vvedenie grazhdanskogo braka v Rossii [Introduction of civil marriage in Russia], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia 11, Pravo, no. 1, pp. 3—7.
- Shakhmatova, N. A. (1912) *Chto takoe feminizm?: Referat, chitannyï 17 marta 1912 goda v Moskovskom otdelenii Rossiiskoi ligi ravnopravii zhenshchin* [What is feminism?: Abstract, read on March 17, 1912 in the Moscow branch of the Russian League of Women's Equality], Moscow.
- Stites, R. (1978) *Women's Liberation's Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860—1930*, Princeton: Princeton University Press.
- Stravakis, B. (1961) *Women and the Communist Party in the Soviet Union 1918—1935*: Ph. D. Thesis, Western Reserve University, Cleveland, OH.
- Velikaia, N. M., Ovcharova, O. G. (2019) Feminizm v informatsionnom prostranstve sovremennoi Rossii: paradoksy gendernogo diskursa [Feminism in the information space of modern Russia: paradoxes of gender discourse], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naiia politika*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 25—32.
- Voronina, O. A. (2008) S'ezd vsekh s'est [The congress will eat everyone], *Gendernye issledovaniia*, no. 18, pp. 349—356.
- Zhenskie nepravitel'stvennye organizatsii Rossii i SNG: Spravochnik* (1998) [Women's non-Governmental organizations in Russia and the CIS: Directory], Moscow: Èslan.
- Zherebkina, I. A. (2003) *Gendernye 90-e, ili Fallosa ne sushchestvuet* [Gender 90's, or the Phallus does not exist], St. Petersburg: Aleteïia.

Статья поступила 08.11.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of Women and Gender Studies Department, N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Пушкарева Ирина Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 2. P. 28—46
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.3

Женщина в российском обществе
2021. № 2. С. 28—46
ББК 66.74(2Рос)
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.3

**РОССИЙСКИЕ ЖЕНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА
И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА
В МОДУСАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СТАНОВЛЕНИЯ
НОВОГО ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА**

Г. Г. Силласте

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия,
galinasillaste@yandex.ru

С позиции социологического подхода раскрываются особенности развития различных социальных форм женского сообщества, их сущностное содержание, специфика категорий «женское движение» и «женская организация», их модификация в условиях социальной динамики российского общества, обусловленная сменой экономической и политической парадигмы его развития, образованием новых форм женской консолидации при отсутствии распавшихся в начале 2000-х гг. «управленческих центров» поддержки деятельности российских женских организаций. Анализируется процесс перестройки региональных социальных женских организаций и образования новых гендерных сообществ, вопросы их учета и институционализации, траектории возможных качественных изменений в российском женском неформальном сообществе на протяжении 2020—2030 гг.

Ключевые слова: женское сообщество, социальное движение, женские организации, новый гендерный порядок, социальное время, социальные изменения, глобализация, сообщество.

© Силласте Г. Г., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00519 А «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России».

RUSSIAN WOMEN'S ORGANIZATIONS AS A FORM OF SOCIAL COMMUNITY AND ITS SOCIAL DYNAMICS IN THE MODES OF GLOBALIZATION AND THE FORMATION OF A NEW GENDER ORDER

G. G. Sillaste

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation, galinasillaste@yandex.ru

The article from the standpoint of sociological approach brings to light the peculiarities of the various social forms of female community, their features and essential content, the specificity of the categories of “women’s movement” and “women’s organization”, the modification of their forms in terms of the social dynamics of Russian society caused by the change of economic and political paradigm of its development, the formation of new forms of women’s consolidation in the absence of the disintegrated in the early 2000s “administrative centres” support and solidarity in the work of Russian women’s organizations. The article analyzes the process of “reformatting” regional social women’s organizations and the formation of new gender communities, issues of their integration and institutionalization, and the trajectory of possible qualitative changes in the Russian women’s informal community over the period of 2020—2030.

Key words: female community, social movement, women’s organization, a new gender order, social time, social change, globalization, community.

Социальные изменения как результат течения социального времени

Прошло 30 лет с начала кардинальных перестроечных процессов, которые в итоге перекроили карту советского государства, сменили политический и экономический режим развития и сформировали качественно новые, непохожие на советские условия, противоречивую социальную реальность, к которой общество с трудом адаптируется уже третье десятилетие. На протяжении всего этого крайне сложного исторического этапа развития российского общества, помимо экономических, социальных, духовных трансформаций, протекал пока слабо изученный процесс смены норм советского гендерного порядка новым, непосредственным образом переплетавшийся с глубинными изменениями форм жизни и деятельности женщин в политической, трудовой, семейной, образовательной и морально-нравственной среде.

Многочисленные женские организации, образованные на волнах демократизации и перестройки конца 1980-х начала 1990-х гг. (их к концу XX в. в России насчитывалось свыше 35 тыс.), постепенно распадались, будучи не в состоянии развиваться по старым нормам и принципам в новом времени. Создавались организации, отвечавшие запросам нового социального и гендерного порядка, они выдвигали своих женских лидеров и определяли новые цели. Менялись формы женской социальной активности, ее динамика и тактика деятельности женских сообществ.

В 2000 г. из управленческого пространства координации деятельности женских организаций было выведено центральное звено этой работы — Комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ. Не прошло на вторых выборах в Госдуму и политическое движение «Женщины России». Женское движение в российском обществе осталось один на один со сложной политической и экономической ситуацией.

2000 г. стал временем перелома в российском женском движении и ре-адаптации женских организаций к тяжелым кризисным условиям перехода российского общества к транзитивной рыночной экономике. Женские организации осваивали тактику «мелких дел самостоятельного выполнения». Сами искали союзниц-исполнительниц, волонтеров и желающих непосредственно участвовать в поддержке нуждающихся семей и детей, близких и чужих, привыкали к вынужденной автономии и за последующие 20 лет научились ею пользоваться.

Что именно изменилось в сообществе российских женских организаций и женского движения? Как они изменились за прошедшие десятилетия? И каковы тенденции их развития? Эти вопросы и легли в основу предлагаемых социологических размышлений.

Теория — лучший инструмент для эффективной практики

Опираясь на концептуальные основания четырех теорий — *модусов социального времени* и *теории социальных изменений*, *социологии организаций* и *теории становления*, проанализируем эволюцию женских социальных организаций за период с появления на карте мир-системы постсоветской России до настоящего времени.

Согласно теории социальных изменений, социальные процессы в каждый исторический период меняют свои приоритеты, которые всегда полезно выделять, чтобы не жить в новое социальное время с повернутой назад головой — по нормам и правилам уходящего социального порядка, одним из видов которого является порядок гендерный.

В этом контексте опора на теорию социальных изменений П. Штомпки связана с применением теории социального становления [Штомпка, 1996], объясняющей сложный процесс смены старого гендерного порядка новым, изменяющим сложившийся уклад жизни. *В модусе настоящего социального времени выделю ряд принципиальных особенностей в деятельности российских женских организаций.*

Особенность 1. *Социальное пространство деятельности женских организаций изменилось:* из хаотического и разрушающего оно превратилось в регулируемое социально-правовое, определяемое нормами Федерального закона «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ. Этот законодательный регулятор установил нормы, цели, средства и формы создания новых социальных субъектов действия, к которым относятся женские социальные организации и объединения. Новое социальное пространство, построенное на основе норм права, стало пространством активной общественной самоорганизации женщин, их объединений и союзов.

Вместе с процессом правового конструирования социального пространства, создания порядка образования, контроля и регуляции деятельности новых социальных организаций произошло и политическое размежевание акторов на «своих» и «чужих» субъектов социального действия. Иначе говоря, «внутренних» и «внешних». Если «внутренние» социальные субъекты — это организации, финансовая деятельность которых осуществляется на основе национальной валюты, а сами организации находятся под контролем государства, то к группе «внешних» социальных субъектов относятся организации, чья деятельность поддерживается грантами зарубежных партнеров (или другой формой их финансовых отчислений).

Так государством была выделена новая типологическая группа социальных организаций, идентифицированная как «иностранные агенты». Понятие появилось в законодательстве в 2012 г., и соответствующие изменения были внесены в Закон «О некоммерческих организациях».

Следует признать, что если бы такая типологическая группировка была выделена государством в годы расцвета российских неправительственных организаций (НПО, как их называли), когда многие женские НПО развивались благодаря активной финансовой, грантовой поддержке западных фондов, то в эту типологическую группу попали бы очень многие женские организации — и творческие, и научные, и образовательные. Кстати, само введенное в те времена понятие НПО было синонимично американскому «неприбыльная организация» и французскому «сектор социальной экономики».

На данное время женских организаций среди «внешних» акторов не зафиксировано. Государство, с одной стороны, само стало уделять больше внимания женским некоммерческим социальным организациям (в том числе оказывать финансовую, грантовую поддержку). С другой — женские НКО, в меру осторожные и конструктивные, нашли иные пути внутренней кооперации для своего развития.

Особенность 2. Вторая особенность заключается в *расширении социальных целей и мотивации создания женских организаций при неизменной доминанте социальной направленности их деятельности*. Мотиватором создания женской НКО является, как правило, индивидуальная инициатива потенциального лидера, который в конечном счете и возглавляет эту организацию. Но если в траектории создания женских НКО изменения несущественные, это не относится к их качественному составу и социальному портрету лидеров. В них произошли значительные изменения, главное из которых — повышение уровня образования и существенное увеличение доли женщин из научной сферы, имеющих ученое звание кандидатов и докторов наук. Лидеров женских организаций такого уровня в стране раньше не было.

Если упростить определение женского движения до трактования его как совокупности женских организаций, разнородных по направленности, целям и социальному составу, то можно прийти к выводу, что к настоящему времени в России сформировалось самое образованное женское сообщество лидеров общественных организаций, обладающих социальным и профессиональным опытом. Это качественно новая характеристика городского сообщества женских общественных организаций, особенно в мегаполисах.

Особенность 3. *Произошла поколенческая смена лидеров женских НКО*. Их можно назвать социально активными самовыдвиженками, способными отстаивать инициативу, собрать вокруг нее заинтересованных и умелых женщин (говоря феминистской лексикой — сестер и подруг) для проведения любой социальной акции: от вечера встречи с интересными людьми в женклубе до значимых социально-политических действий в рамках избирательной кампании, акций протеста или солидарности.

Произошла поколенческая смена и женского движения в целом. Причем смена, описываемая не слоганом «Молодым везде у нас дорога, Старикам везде у нас почет», а политикой социальной преемственности: лидеров и активистов

1990-х гг., ставших старшим поколением женского постсоветского российского движения, сменило социально зрелое поколение 35—50-летних женских лидеров, которые приобретали свой социальный, образовательный и профессиональный опыт в 2000-х гг. в условиях транзитивной экономики и формирования нового социального порядка в России. Можно сказать, что это поколение женских лидеров представляет собой поколение-синтез, поколение, соединяющее особенности советского и постсоветского развития, советского и формирующегося постсоветского гендерного порядка, поколение женщин-лидеров без социальных иллюзий, но и без отрицания или очернения прошлого.

В 1990-х гг. лидеры — инициаторы создания женских организаций в своем большинстве были женщинами с высшим образованием, личным организаторским опытом (во многом приобретенным в партийных и комсомольских организациях советского времени), хорошими коммуникативно-психологическими способностями для «работы с людьми». В новом социальном времени социальная база женских лидеров изменилась. Женские организации (особенно в крупных городах и мегаполисах) возглавили, с одной стороны, ученые разного статусного положения в науке, с другой — женщины, которые за 1990—2000-е гг. приобрели свой практический предпринимательский опыт, умение реализовывать социальные проекты и деловые замыслы, поддерживать инициативу и помогать нуждающимся. Среди этой группы женских лидеров немало и кандидатов экономических наук, продолжающих свое дело и одновременно активно участвующих в деятельности женского сообщества.

Особенность 4. *Образовалось женское предпринимательское сообщество как часть российского женского социального движения и повысилась деловая активность женщин.* Это качественно новая составляющая сообщества женских общественных организаций в постсоветской России. Своего рода его предпринимательское крыло, обладающее большим социальным ресурсом и связями. Если же посмотреть на этот процесс шире, то приходишь к выводу о том, что в России формируется качественно новая экономическая женская элита, которая стала неотъемлемой частью новой экономической российской элиты, играющей возрастающую роль в политической и экономической жизни общества.

В 1994 г. в своей первой работе по женским элитам, опубликованной в журнале «Общественные науки и современность», я выделяла три этапа эволюции и циркуляции женских политических элит в российском обществе: досоветский, советский и перестроечно-трансформационный, когда отмирали старые политические элиты и формировались новые [Силласте, 1994]. Эти элиты не обладали тремя качествами, известными в теории как концепция трех «С» Мейзела: групповым сознанием, сплоченностью и согласием.

Новая экономическая женская элита — это преимущественно «бизнес-элита», которая развивается в производственной и непроизводственной сферах: здравоохранения, образования, торговли, рекламы, индустрии развлечений, туризма и ухода за собой (спорт, косметология). Эту часть экономической женской элиты представляют преимущественно две возрастные когорты: молодежная (до 35 лет) и ранняя предпенсионная (51—55 лет). Если, по данным социологических исследований, в 1992 г. россиянки, имеющие собственное дело, составляли немногим более 1 % опрошенных [Силласте, 1991], то в 2020 г. —

37 %¹. Женская экономическая элита, хотя и формировалась быстрее, динамичнее, чем политическая, в социальном плане представляет собой еще более разнородную общность, чем женская элита в сфере политической жизни.

Анализ показывает, что за период реформирования целей и задач женских НКО сменилось гендерное лидерство в организациях, повысился профессиональный уровень женщин-лидеров, возглавляющих сегодня женские социальные организации, союзы, ассоциации. Не преувеличу, если скажу, что за последние 25 лет в российском социальном пространстве, образованном обновленным сообществом женских организаций, сформировалось первоклассное по своему профессионально-образовательному составу лидерское сообщество женщин с высоким удельным весом членов, имеющих академический статус. Эту когорту дополняют успешные представительницы предпринимательских кругов, обладающие разносторонним коммуникативным опытом, предпринимательской хваткой и деловой активностью.

Таким образом, качественными особенностями женских лидеров российских НКО, сформировавшихся на этапе реформирования женских организаций и женского движения в целом, к 2020 г. стали: высокий уровень образования и разносторонняя профессиональная компетентность, деловой опыт и развитые менеджерские способности, умение работать в женских коллективах и личный авторитет, а также созданные межведомственные и корпоративные связи. Этот тип лидерства можно назвать самодостаточным гендерным лидерством в отличие от лидерства зависимого, которое при советском гендерном порядке базировалось преимущественно на авторитете занимаемой должности и связанных с ним возможностях влияния.

Особенность 5. Доминантной социальной функцией женских организаций по традиции остается социальная поддержка нуждающихся слоев и групп населения. Тактика малых дел и адресной помощи является визитной карточкой женских общественных организаций на всем региональном пространстве России.

Наряду с этим направлением, стали активно развиваться *креативные формы межличностной поддержки* в виде различных неформальных мероприятий, предлагаемых членам женских организаций. Это вечера встреч с интересными людьми — учеными, политиками, спортсменами, актерами и предпринимателями; мастер-классы по обучению женщин разным ремеслам и навыкам. Креативная составляющая в деятельности женских организаций вызвана стремлением женщин к расширению межличностного взаимодействия и удовлетворению коммуникативных гендерных потребностей, которые у них развиты значительно сильнее, чем у мужчин.

Дополнительным фактором развития креативного направления стала пандемия и вынужденная самоизоляция. Технологии онлайн-контактов значительно расширили возможности обмена информацией между участниками проводимых мероприятий вне зависимости от территориальных границ. Сфера свободного времени, социокультурного досуга и общения в настоящее время является очень востребованным направлением удовлетворения духовных потребностей женщин. Это касается как крупных городов, так и сельской местности.

¹ Индекс женской предпринимательской активности, 6-я волна. URL: <https://nafii.ru/analytics/indeks-zhenskoyepredprinimatelskoy-aktivnosti-6-volna/> (дата обращения: 15.03.2021).

В концепции глобального города и «транснациональной сети городов» американского социолога С. Сассен «городские возможности» играют очень важную роль в создании креативной гендерной среды [Sassen, 1991]. По моим оценкам, к настоящему времени научно созрела интересная и перспективная исследовательская задача изучения «глобального города» как сообщества женских организаций и места удовлетворения креативных гендерных потребностей.

В целом социальная реальность характеризуется плюрализмом социальных женских объединений (организации по защите прав женщин, феминистские, экологические, предпринимательские, по защите жертв насилия, благотворительные и др.). Миссия всех этих женских неформальных сообществ одна — поддержка женщин, семей и детей в трудных для них жизненных ситуациях и оказание помощи в удовлетворении их досуговых и креативных потребностей.

Особенность 6. Эта особенность связана с влиянием на развитие женских организаций двух тесно взаимосвязанных геофакторов: глобализма [Валлерстайн, 2001] и формирующегося в мире нового гендерного порядка [Силласте, 2019а, 2019б]. Однако типичной чертой работ российских ученых, посвященных глобализму, является игнорирование в этом сложном процессе влияния социогендерного фактора на смену форм деятельности активной социальности движений и организаций, включая женские.

Новый гендерный порядок привносит и новые формы развития женской и мужской социогендерных общностей, их интеграции в сферы труда и производства, занятости и распределения, поведения на рынке профессий, а также развития институтов семьи, образования и культуры. В этом контексте новой социогендерной характеристикой социальных организаций в России стало образование мужских гендерных союзов и ассоциаций, например Союза отцов. Это новое социальное сообщество, созданное мужчинами-отцами, активно работает в мужской среде, распространяя идеи участия мужчин и отцов в семейном воспитании детей, в формировании самосознания и поведения мальчиков и юношей как будущих мужчин и защитников. Образование мужских сообществ такого рода — явление прогрессивное, точно отражающее одну из особенностей нового гендерного порядка — расширение гендерной нейтральности во взаимодействии мужских и женских общественных организаций.

Что касается особенностей, сущности и функций нового гендерного порядка, его влияния на социальные гендерные роли и формы самореализации мужчин и женщин, то эти вопросы подробно раскрыты в предыдущих статьях автора, опубликованных в данном журнале (2019—2020 гг.). Важно добавить, что закрепляется гендерный порядок в той или иной стране посредством исторически сложившихся образцов властных отношений между мужчинами и женщинами, которые обусловлены особенностями признака пола, с одной стороны, и социокультурными традициями взаимодействия мужчин и женщин — с другой.

Женские организации и движения: общее и особенное

Вопрос соотношения категорий «женские организации» и «женские движения» — принципиальный. С позиции социологического подхода женская общественная организация является, с одной стороны, *видом социальной организации* [Социологический энциклопедический словарь, 1998: 214]. С другой — это *вид социальной деятельности*, обладающей определенной внутренней

упорядоченностью и согласованностью, а также целью, совокупностью статусов и ролей, правилами и регуляторами отношений [там же: 70]. В широком понимании социальная женская организация может рассматриваться как система объединенных в единое сообщество формальных и неформальных гендерных групп, различающихся по признаку пола. Это могут быть и женские группы, и мужские, и юношеские, и группы девушек или девочек.

В любом случае организация содержит ядро членов, оказывающих активное влияние на динамику развивающихся в ней социальных отношений. В целом любая женская общественная организация представляет собой определенную социальную общность, члены которой объединены одинаковыми социальными интересами, целями, ценностями и нормами. Все женские или мужские НКО базируются на общественной форме собственности и на совместной деятельности. Главной функцией женских социальных организаций является развитие активности их членов в процессе реализации жизненно важных для женщин социальных интересов во всех сферах жизни общества.

Что касается категории «женское социальное движение», то оно бифункционально, так как, с одной стороны, согласно социологии социальных институтов и организаций как частной социологической теории, социальное движение — это организованное единство людей, ставящих перед собой определенную цель, связанную с каким-либо изменением социальной действительности. С другой стороны, социальное движение представляет собой массовые коллективные организационные действия (митинги, забастовки, протесты, форумы и т. д.) различных слоев населения, предпринимаемые для объединения социальных групп и организаций в выражении своих интересов и защиты прав и свобод, обеспечивающих гендерное равноправие. Цель любого социального движения состоит в том, чтобы оказывать давление на органы власти и управления в процессе защиты своих социальных интересов и конституционных гражданских прав, а также развивать формы сотрудничества женских организаций и властных институтов для упреждения или разрешения конфликта интересов. В социальные движения могут входить женщины или мужчины, вообще не являющиеся членами каких-либо женских организаций, но поддержавшие лозунг (призыв) движения, образовавшегося по инициативе женщин. В социальном движении в отличие от социальной организации без ограничений могут принимать участие не только его формальные члены, но и просто заинтересованные женщины и мужчины, которые самим фактом участия в акции выражают свою гражданскую позицию и солидарность с заявленным лозунгом, призывом или акцией [Российская социологическая энциклопедия, 1998].

Иначе говоря, женское движение может рассматриваться как объединение женских организаций, различных по форме, целям, территориальному расположению и тематической направленности. В нем принимают участие и женщины и мужчины, формально не входящие в состав членов общественной организации, но поддерживающие идею или призыв лидера. Примером является движение в защиту законопроекта о предотвращении насилия в семье или движение Комитета солдатских матерей против дедовщины в армии (1990-е гг.). В любом случае каждое социальное движение имеет свой лозунг, призыв и лидера. Женщины могут объединяться и для участия в межстрановых акциях интернационального женского движения, что активно развивалось при советском гендерном порядке, однако к настоящему времени почти ушло из практики женского мирового и российского движения.

На данном этапе развиваются как неинституциональные (незарегистрированные), так и институциональные женские сообщества, юридически зарегистрированные в статусе «движение». Например, такие как движение «Солдатские матери», Межрегиональное движение рабочих предприятий Всероссийского общества слепых, движение «Демократическая Россия», Всецерковное православное молодежное движение (братство).

Как показывают социологические исследования, членами общественных движений в большинстве случаев являются женщины и мужчины среднего возраста, имеющие высшее образование. Причем женщины преобладают. Однако лидерами большинства общественных объединений (как движений, так и организаций) выступают мужчины.

Для участия в крупных социальных акциях, организуемых общественными движениями, широко привлекаются волонтеры из среды пенсионеров и студентов, большинство из которых девушки и женщины. Чтобы женские социальные движения получали поддержку населения, требуются определенные действия со стороны самих женских организаций и их лидеров.

Что готовы предпринять женские организации для того, чтобы население поддержало их деятельность? Как показали результаты исследования, прежде всего увеличить число публичных акций (31 %), усилить свою медиаактивность (30 %) и просветительскую деятельность (18 %), а также адресное информирование населения о том, что для этого предпринимает сама организация (6 %).

Актеры действий в территориальном пространстве

Анализируя деятельность женских общественных организаций и их место в социальной жизни регионов, буду использовать категорию теории Парсонса «актор» (от лат. *actor* — деятель, термин римского и немецкого права) как *действующий субъект* [Parsons, 1978]. Учитывая усиление субъектности женских организаций и движений в условиях глобализации и становления нового гендерного порядка, обращение к категории «актор» в анализе вполне уместно.

Актер как субъект может быть или *индивидуальным* (в случае лидера социальной организации/движения), или *коллективным*, каковой является сама женская организация как социогендерная общность членов разного пола. Актором может являться и социальный институт, и социальное женское движение как общности, совершающие конкретные социальные действия, направленные на других. В любом случае речь идет о субъекте политики. Сколь масштабен он сегодня, 30 лет спустя?

Сообщество российских женских организаций и движений в цифрах гендерной статистики

Сколько женских организаций сегодня в российском обществе? Единого ответа на этот вопрос нет. Поэтому а priori будем исходить из того, что данные о количестве женских НПО в разных российских источниках расходятся, и весьма существенно. Чтобы получить некое систематизированное обобщение, проведем количественный анализ по двум критериям: территориальному и типологическому.

Анализ по территориальному критерию. В «Аналитическом обзоре общественных движений» признается, что определить количество существующих общественных организаций и общественных движений сложно ввиду того, что последняя версия Закона РФ «Об общественных объединениях» (с изменениями на 30 декабря 2020 г.) предусматривает положение, согласно которому «граждане имеют право создавать по своему выбору общественные объединения без предварительного разрешения органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также право вступать в такие общественные объединения на условиях соблюдения норм их уставов». В соответствии с законом, «создаваемые гражданами общественные объединения могут регистрироваться в порядке, предусмотренном действующим Федеральным законом, и приобретать права юридического лица, функционировать без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица»². Иначе говоря, закон позволяет официально не регистрировать общественное объединение. Однако каждый пятый россиянин (по данным общероссийских социологических опросов) не только знает о существовании НПО, но и считает их деятельность полезной для таких людей, как он сам. В работе с документами удалось выделить несколько источников регистрации общественных женских объединений. Среди них:

- реестр женских организаций, представленный на портале Союза женских сил, в котором приводятся данные о 1363 женских организациях в 70 регионах РФ³;
- база данных «Женские неправительственные объединения России», созданная в 2012 г. в исследовательской работе Е. Л. Тимшиной [Тимшина, 2012: 15—16];
- Единый государственный реестр юридических лиц⁴;
- реестр общественных объединений Минюста РФ⁵;
- Единый реестр благотворительных организаций России⁶;
- данные о 2500 женских НКО, содержащиеся на информационно-коммуникационном интернет-портале Евразийского женского сообщества⁷. Однако этот источник содержит много организаций, не относящихся к категории «женские НКО».

Приходится констатировать, что в каждом источнике свои критерии, свои количественные показатели, свой, не всегда понятный подход к отбору включенных в список организаций. Предлагаю опереться на два, по моим оценкам, наиболее квалифицированно разработанных информационных источника:

² Аналитический обзор общественных движений. URL: [https://ad.doubleclick.net/ddm/trackimp/N394003.3522413GOOGLEDV360/B25668861.300730190;dc_trk_aid=493831018;dc_trk_cid=149217102;ord=\[timestamp\];dc_lat=;dc_rdid=;tag_for_child_directed_treatment=;tfua=;gdpr=0;gdpr_consent=;ltd=?](https://ad.doubleclick.net/ddm/trackimp/N394003.3522413GOOGLEDV360/B25668861.300730190;dc_trk_aid=493831018;dc_trk_cid=149217102;ord=[timestamp];dc_lat=;dc_rdid=;tag_for_child_directed_treatment=;tfua=;gdpr=0;gdpr_consent=;ltd=?) (дата обращения: 10.05.2021).

³ Реестр женских организаций. Регионы РФ. URL: <https://Союзженскихсил.РФ/Reestrorg/> (дата обращения: 19.05.2021).

⁴ Единый государственный реестр юридических лиц. URL: <https://vypiska-nalog.com/chto-takoe-egrul/> (дата обращения: 19.05.2021).

⁵ Информация о зарегистрированных НКО Минюста РФ. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 10.05.2021).

⁶ Единый реестр благотворительных организаций России. URL: <https://detdomvidnoe.ru/organizations-rus/120.htm> (дата обращения: 10.05.2021).

⁷ Global Women Media. URL: <http://eawfpress.ru/about/> (дата обращения: 10.05.2021).

— результаты серьезного исследования, проведенного А. А. Букиной, «Женские некоммерческие организации современной России: опыт классификации», в котором сформирован перечень из 3447 женских НКО и дана их классификация [Букина, 2017];

— реестр женских организаций, приведенный на портале Союза женских сил, в котором содержатся данные о 1363 женских НКО в различных регионах РФ. Проведенная автором группировка этих данных представлена в таблице 1.

Таблица 1

Группировка российских регионов по распространенности в них женских общественных некоммерческих организаций (N = 1363 ед.)

Место на шкале	Регионы	Количество организаций
<i>Высокий уровень</i>		
1	Магаданская обл.	135
2	Омская обл.	80
3	Сахалинская обл.	58
4	Новгородская обл.	51
5	Республика Адыгея	48
6	Краснодарский край	43
7	Забайкальский край	42
8	Мурманская обл.	40
9	Псковская и Ульяновская обл.	По 38
10	Алтайский край	36
<i>Средний уровень</i>		
11	Ивановская обл.	33
12	Тверская, Пензенская, Рязанская и Владимирская обл.	По 30
13	Курская обл.	29
14	Новосибирская обл.	27
15	Тамбовская обл.	25
16	Тюменская обл., Приморский и Ставропольский края	По 24
17	Республика Тыва	23
18	Иркутская и Тульская обл.	По 22
19	Орловская обл., Красноярский край	По 21
20	Самарская и Томская обл.	По 20
<i>Низкий уровень</i>		
21	Калининградская обл., Камчатский край, Брянская обл.	По 19
22	Вологодская обл., Республика Бурятия	По 18
23	Воронежская и Волгоградская обл., Республика Хакасия	По 17
24	Чувашская Республика	16
25	Республики Калмыкия и Мордовия	По 15
26	Ленинградская обл.	14
27	Нижегородская обл., Республика Карелия	По 12
28	Московская и Саратовская обл.	По 11
<i>Минимальный уровень</i>		
	Республики Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Коми, Мари Эл, Удмуртская, Саха (Якутия) Ростовская, Калужская Кемеровская, Кировская, Белгородская, Липецкая, Ярославская, Оренбургская обл. Хабаровский край	От 10 до 2

Вызывает сомнение количество общественных женских организаций в Магаданской области — 135. Можно предположить, что произошла техническая ошибка и гипотетическое число женских НКО находится в диапазоне 13—35. По насыщенности женскими акторами диапазон разброса — от 80 организаций (Омская обл.) до 2 (Республика Саха).

Согласно регистрации и контролю НКО Министерством юстиции РФ, среднее количество членов в женских организациях колеблется в пределах 50 чел. Однако можно предположить, что имеются и незарегистрированные женские организации, которые, тем не менее, активно участвуют в общественно полезной деятельности на местах. Мы ведем речь прежде всего об официально зарегистрированных женских НКО.

Анализ по типологическому критерию. А. А. Букина выделяет в классификаторе женских организаций 19 типологических групп в зависимости от их направленности, а также некоторые одиночные организации [там же: 29]. Если построить их полную иерархию, то можно понять степень распространенности женских организаций в России и их лидирующие группы, т. е. востребованные женщинами направления их работы.

Таблица 2

Перечень типологических направлений деятельности женских организаций

Направление	Количество организаций
Сообщества родителей, в том числе многодетных	779
Женские благотворительные организации (в которых женщина — актор благотворительной деятельности)	592
Женские религиозные организации	372
Женские советы и союзы разных регионов	348
Организации по социальной поддержке материнства	219
Сообщества матерей и родственников лиц, жизнь и здоровье которых подвергаются опасности	184
Организации социальной поддержки женщин, их инициатив и борьбы за равноправие	177
Спортивные женские организации	160
Центры развития женского предпринимательства	101
Женские политические организации	94
Женские клубы	91
Семейные центры, детские образовательные учреждения	77
Женские профессиональные союзы	59
Женские организации здоровья	49
Организации матерей и родителей против наркотиков	47
Женские образовательные организации	36
Национальные объединения женщин	32
Объединения сельских женщин	17
Гуманитарные женские объединения культуры	13
Женские патриотические организации	3
Женские экологические организации	2
Общественная организация женщин — участниц локальных войн, вдов и матерей погибших офицеров и солдат, детей-сирот	1

Таким образом, пять групп женских НКО работают по самым востребованным у россиянок направлениям: сообщества родителей, благотворительные и религиозные организации, сохранившиеся по традиции прошлого женские советы и организации по социальной поддержке материнства.

Куда бы могли направить свои силы социальные организации, женские особенно, чтобы содействовать реализации национальных целей развития? Результаты социологической диагностики, полученные по итогам исследования Высшей школы экономики, представлены на рисунке.

Потенциальные направления работы социально ориентированных НКО для достижения целей национального развития

Куда пришло женское движение

30-летний опыт развития российских женских организаций и в целом женского движения в сложных, зачастую экстремальных кризисных условиях многому научил. Женские организации стали характеризоваться высокой степенью адаптивности к изменяющимся социальным условиям, они создаются тогда, когда возникает острая потребность в объединении коллективных усилий для решения важных социальных, культурных, коммуникативных, житейских или хозяйственных проблем.

Социальная мобильность женских организаций выросла и стала более упорядоченной, так как они отказываются от неопределенности и растерянности и исходят из ранее приобретенного социального опыта. Можно сказать, что в России женские организации и женское движение стали прагматичнее. Тематическое распределение интересов в кооперации активных женщин в целом определилось, и организации будут «обрастать» новыми членами на созданных площадках преимущественно за счет интеграции в их деятельность женщин в возрасте 35+.

Есть среди женских организаций и «долгожители», развивающиеся не один десяток лет. Это крупные сообщества типа Союза женщин России или Союза женских сил. Первая организация создана на основе преемственной связи, хорошо зарекомендовавшей себя в эпоху советского гендерного порядка, и следует

принципам управления «из центра». Другая — организационный продукт перехода от старого гендерного порядка к новому, для нее характерны гибкие формы адаптации к новым социальным условиям и запросам женщин, высокая степень демократичности и кооперации при проведении общих мероприятий. Причем мероприятий очень широкой тематической направленности: от благотворительных акций, конференций, вечеров с интересными людьми до оказания оперативной помощи членам своего союза. Лидер этого женского очень многогранного сообщества Инга Легасова, опытный управленец с богатым стажем предпринимательской деятельности, кандидат экономических наук.

Тенденция инициативной групповой консолидации женских организаций посредством их интеграции в состав крупных и авторитетных женских союзов и в поле их деятельности будет укрепляться.

Что остается неизменно слабым местом в развитии женских организаций и женского движения в целом? С одной стороны, налицо тенденция усиления субъектности женских организаций как активных акторов социального действия. С другой — гендерная инертность органов управления в политическом продвижении женщин, которые плотно заполнили средний должностной управленческий уровень (свыше 72 %), но не продвигаются в органы исполнительной и политической власти, как центральной, так и региональной. Образно говоря, опущенный в начале 2000-х гг. перед женщинами политический и экономический шлагбаум на пути их продвижения «во власть» в России все еще не поднят.

Уровень представленности женщин в органах политической власти и управления остается предметом регулярной критики России со стороны ООН и ее структуры «ООН-женщины». По данному показателю Российская Федерация занимает одно из последних мест в мировом рейтинге гендерного неравенства (неравенства) [The Global Gender Gap... , 2021].

В обществе сформировался и будет поддерживаться устойчивый электоральный запрос на реализацию женской гражданской активности в ходе избирательных кампаний. Это вполне закономерный запрос, если учитывать гендерную структуру российского электората, в котором женщины преобладают, и особенно в возрастных когортах 65+.

Продолжится процесс ювенизации женских организаций. Они постепенно омолаживаются. Создаются новые, технологичные формы коммуникации женских организаций, которые построены на обмене информацией, контактами, связями. Более того, сами связи с «нужными» людьми приобрели форму специфического коммуникативного товара, обладающего стоимостью и пользующегося высоким спросом, особенно в деловых кругах, как предпринимательских, так и политических. Это активизировало создание разнообразных женских клубов, одной из целевых установок которых является организация круга общения, встреч с «полезными» людьми, профессионалами, общественными деятелями.

Возможности *онлайн-коммуникации* существенно раздвинули рамки оперативного обмена информацией между женскими организациями, проведения научных конференций с регионами, налаживания связей с зарубежными коллегами, женскими организациями. Этот технологичный информационно-коммуникативный канал, апробированный и отработанный во время пандемии, в настоящее время находится на подъеме и обладает очень большим ресурсом гендерной коммуникации.

Усилилась самостоятельность и инициативность женщин, особенно в молодой и средневозрастной когорте до 50 лет. Женские организации стали более независимыми и инициативными в поисках форм своей самореализации. И что не менее важно — они молодеют по своему составу. Объясняется это рядом причин — стремлением выйти из зоны одиночества и отчуждения, создать круг близких по духу друзей, быть полезной. Руководствуясь этими социальными и общечеловеческими мотивами, женщины объединяются не в мелкие партии, а в женские организации, союзы, проверенные временем коммуникативные формы. В крупных городах возрастает интерес молодых женщин к феминизму, его идеологии в области гендерного равенства, историческим течениям, связанным с борьбой женщин за свои права, к новым нормам гендерного порядка и их проявлениям в России, усиливается осуждение дискриминации и сегрегации, насилия и жестокости в отношении женщин.

Вновь внимание молодежи стал привлекать радикальный феминизм, его формы, ценности, идеология, поведенческие модели (особенно это видно на примере вузовской студенческой молодежи). Чем это можно объяснить? В частности, тем, что он раскрывает формы возможного выражения женского недовольства, эпатажного протеста радикальных феминисток, привлекающих к себе общественное внимание свободой самовыражения.

Отмечается слабый уровень компетентности женщин в вопросах новой гендерно-нейтральной политики, распространяющейся в мире вместе с новыми нормами гендерного порядка; непонимание изменений, происходящих в области гендерной политики. Актуализируется интерес к практическому воплощению идей теорий киберфеминизма и трансгуманизма. В этих вопросах женским лидерам необходимо разбираться, чтобы с развитием новых норм гендерного порядка и их проникновением в повседневность отличать прогрессивное влияние данных концепций на женское сознание, семейные ценности и поведение от регрессивного.

Современное развитие российских женских организаций связано с международным контекстом «гендерного вопроса». В условиях агрессивной политики Запада в отношении России особое значение в странах — членах ЕС придается социально-правовому механизму продвижения и закрепления норм нового гендерного порядка. Гендерный мейнстриминг⁸ позволяет более полно учитывать различные интересы и условия жизни мужчин и женщин в силу выполнения ими разных социальных и культурных гендерных ролей в обществе.

Что день грядущий нам готовит: векторы социологического прогноза

Если прогностически пунктиром обозначить основные векторы развития женских организаций в России предстоящего десятилетия, то напрашиваются следующие гипотезы.

1. Что касается создания каких-либо новых структур для работы с женскими организациями, то они вряд ли будут сформированы в нашем обществе, пока в Госдуме не образуется новая женская политическая фракция. Женские организации продолжают развивать свою самостоятельность и внутреннюю кооперацию, расширяя социальные институты гражданского общества.

⁸ Немецкая теория комплексного гендерного подхода, принимающего во внимание социальные, культурные, экономические и политические различия между мужчинами и женщинами во всех сферах деятельности [Шпилев, 2013].

2. Очевидна перспектива расширения сообщества деловых женщин, женщин-предпринимательниц, которая становится все привлекательнее для социально активных женщин. Укрепится траектория развития гендерно-нейтрального предпринимательства, каковым является семейное предпринимательство, вовлекающее в экономическую деятельность детей и молодежь.

3. Возрастет запрос женщин на расширение знаний и повышение квалификации, что будет стимулировать рост женских организаций на рынке образовательных услуг, заинтересованность женских НКО в обучении, расширении социальной информированности и профессиональных навыков женщин. Этот процесс будет сопровождаться стремлением к проведению различных, все более специализированных малогрупповых семинаров в сочетании с клубными формами отдыха и релакса для их участников.

4. Сильного единого консолидированного и хорошо организованного женского движения в России к 2030-м гг., скорее всего, не сформируется. Это не хорошо и не плохо. Это социальная данность, реакция женских организаций, женского населения на сложившуюся социальную ситуацию, на специфику социального времени в условиях глобализации. Женские организации хотят самостоятельности, имеют ее и по-своему ею пользуются. Когда считают нужным, объединяются, действуют самостоятельно и инициативно.

5. На практике в гибких формах идет самостоятельное объединение женских организаций вокруг сильных и авторитетных женских союзов. Это конструктивный процесс, отражающий приобретение женскими организациями социального опыта, развитие инициативности и способности находить союзников в общем деле. По сути, это модель женского делового мира и новой формирующейся, в том числе женской, корпоративной культуры.

6. Сохранится главная тактика женских организаций — тактика малых и нужных дел в оказании социальной помощи нуждающимся.

7. Возможен некоторый рост интереса женщин-ученых к созданию женских исследовательских организаций. Причем чем глубже исследовательницы осознают сложный для России страновой переход от исторически отработанной концепции «женского вопроса» к концепции нового гендерного порядка и его ценностям и привносимым крайностям, тем современнее будут исследования и практичнее их выводы.

8. Просматривается еще одна тенденция — стремление гендерных мужских организаций кооперироваться с женскими сообществами в достижении общих целей гендерного равноправия.

9. Будет усиливаться и стремление к солидаризации в определенных акциях, объединению в сообщества и альянсы на правах независимого партнерства (не предполагающего институционального объединения или слияния), так как для женских организаций и для женской психологии это наиболее естественная коммуникативная форма взаимодействия. Она позволяет развивать индивидуальное социальное продвижение, общественную мобильность и самоорганизацию, что влечет социально активных женщин, особенно в возрасте от 30 до 55 лет.

Существует ли в мир-системе центр координации страновой гендерной политики

Мир-система, по И. Валлерстайну, включает в себя страны центра, периферии и полупериферии [Валлерстайн, 2006]. В странах центра (ядра) происходит накопление капитала, концентрируется политика его распределения и перераспределения, управления и координации действий. На роль такого центра в области формирования мировой гендерной политики и ее странового развития, координации социальных и политических целей борьбы женщин за гендерное равноправие претендует Европейский союз и специально образованная ООН в 2010 г. структура «ООН-женщины». Последняя сотрудничает с правительствами всех стран и гражданским обществом при разработке законов, стратегии политики, услуг для обеспечения эффективной реализации гендерных норм и оказания действенной помощи женщинам и девочкам. Хотя документы структуры «ООН-женщины» носят рекомендательный характер, ее авторитет, престиж ООН, компетентность ее специалистов оказывают серьезное влияние на коррекцию гендерной политики и гендерных подходов к ней во всех странах. Фактически «ООН-женщины» выполняет регулятивную функцию процесса реализации платформы гендерного равенства в общемировом и межстрановом масштабах. Комиссией разработаны расчетные критерии определения индексов гендерного неравенства во всех странах, в том числе России, что позволяет оценивать успешность их продвижения к гендерному равенству (в нашем контексте — равноправию).

Основным назначением структуры «ООН-женщины» является содействие государствам — членам ООН в их стремлении к новым стандартам в достижении гендерного равенства. Деятельность организации направлена на претворение в жизнь глобальной программы по достижению Целей устойчивого развития и на содействие равноправному и эффективному участию женщин во всех сферах жизни общества и государства.

В этом контексте реализуемый нами при поддержке РФФИ исследовательский проект «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России» позволил сконструировать страновой гендерный политической ландшафт и дать характеристики гендерных порядков в ряде стран. Думаю, это поможет российским общественным женским организациям лучше ориентироваться в направлениях и формах нового гендерного порядка, его специфике, механизме влияния на положение женщин и гендерное равноправие, учитывать социальные риски действующих в странах гендерных норм, стать своего рода компасом в мировом социальном пространстве гендерного порядка третьего тысячелетия и открыть еще одно новое направление в развитии отечественной гендерной социологии.

Библиографический список

- Букина А. А. Женские некоммерческие организации современной России: опыт классификации // *Право и современные государства*. 2017. № 4. С. 25—38.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Унив. кн., 2001. 416 с.

- Валлерстайн И. Мир-системный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. 517 с.
- Российская социологическая энциклопедия. М.: Норма: ИНФРА-М, 1998. 664 с.
- Силласте Г. Г. Женщины и демократизация: общественное мнение женщин по актуальным социально-политическим вопросам. М.: Луч, 1991. 106 с.
- Силласте Г. Г. Женские элиты в России, их особенности // *Общественные науки и современность*. 1994. № 1. С. 104—117.
- Силласте Г. Г. Социальные транзичии и формирование нового гендерного порядка // *Женщина в российском обществе*. 2019а. № 2. С. 3—16.
- Силласте Г. Г. Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски // *Женщина в российском обществе*. 2019б. № 3. С. 4—13.
- Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / под ред. акад. РАН Г. В. Осипова. М.: Норма: ИНФРА-М, 1998. 608 с.
- Тимшина Е. Л. Женское движение в общественно-политической жизни современной России (1991—2011): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 32 с.
- Шпилев Д. А. Использование комплексного гендерного подхода в современной немецкой социологии // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 1. С. 52—60.
- Штомпка П. Социология социальных изменений М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
- Parsons T. *Action Theory and the Human Condition*. New York: Free Press, 1978. 464 p.
- Sassen S. *The Global City: New York. London. Tokyo*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1991. 480 p.
- The Global Gender Gap Report 2021. 2021. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021> (дата обращения: 15.04.2021).

References

- Bukina, A. A. (2017) *Zhenskie nekommercheskie organizatsii sovremennoï Rossii: opyt klassifikatsii* [Women's non-profit organizations of modern Russia: classification experience], *Pravo i sovremennye gosudarstva*, no. 4, pp. 25—38.
- Osipov, G. V. (ed.) (1998) *Sotsiologicheskii éntsiklopedicheskii slovar': Na russkom, angliiskom, nemetskom frantsuzskom i cheshskom iazykakh* [Sociological encyclopedia: In Russian, English, German, French and Czech], Moscow: Norma, INFRA-M.
- Parsons, T. (1978) *Action Theory and the Human Condition*, New York: Free Press.
- Rossiiskaia sotsiologicheskaia éntsiklopediia* (1998) [Russian sociological encyclopedia], Moscow: Norma, INFRA-M.
- Sassen, S. (1991) *The Global City: New York. London. Tokyo*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Shpilev, D. A. (2013) *Ispol'zovanie kompleksnogo gendernogo podkhoda v sovremennoï nemetskoï sotsiologii* [The use of an integrated gender approach in modern German sociology], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 52—60.
- Shtompka, P. (1996) *Sotsiologiia sotsial'nykh izmenenii* [Sociology of social change], Moscow: Aspekt Press.
- Sillaste, G. G. (1991) *Zhenshchiny i demokratizatsiia: obshchestvennoe mnenie zhenshchin po aktual'nykh sotsial'no-politicheskim voprosam* [Women and democratization: women's public opinion on current socio-political issues], Moscow: Luch.
- Sillaste, G. G. (1994) *Zhenskie élitы v Rossii, ikh osobennosti* [Women's elites in Russia their features], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 104—117.

- Sillaste, G. G. (2019a) Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poriadka [Social transitions and the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—16.
- Sillaste, G. G. (2019b) Stranovoi gendernyi landschaft kak faktor formirovaniia novogo gendernogo poriadka i ego sotsial'nye riski [Country gender landscape as a factor in the formation of a new gender order and its social risks], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 4—13.
- Timshina, E. L. (2012) *Zhenskoe dvizhenie v obshchestvenno-politicheskoi zhizni sovremennoi Rossii (1991—2011)*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Women's movement in the socio-political life of modern Russia (1991—2011): Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Moscow.
- Vallerstaïn, I. (2001) *Analiz mirovykh sistem i situatsiia v sovremennom mire* [Analysis of world systems and the situation in the modern world], St. Petersburg: Universitetskaia kniga.
- Vallerstaïn, I. (2006) *Mir-sistemnyi analiz: Vvedenie* [World system analysis: Introduction], Moscow: Territoriia budushchego.

Статья поступила 20.05.2021 г.

Информация об авторе / Information about the author

Силласте Галина Георгиевна — заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, научный руководитель департамента социологии, истории и философии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия, galinasillaste@yandex.ru (Honored Scientist of the Russian Federation, Dr. Sc. (Philosophy), Scientific Director of the Department of Sociology, History and Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 2. P. 47—64
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.4

Женщина в российском обществе
2021. № 2. С. 47—64
ББК 60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.4

**МОДЕЛИ СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТАХ
ПО СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКЕ И В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ И РАСХОЖДЕНИЯ**

М. А. Кашина^а, И. С. Клецина^б

^а Северо-Западный институт управления — филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург, Россия, kashina-ma@ganepa.ru

^б Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия

Несмотря на большое количество отечественных исследований по семейной политике и семейным ценностям населения, в частности студенчества, пока недостаточно работ, в которых бы анализировался уровень и конкретные параметры соответствия целей государства и представлений населения о желаемой модели семьи. Авторы, используя метод анализа официальных (концепции семейной политики) и личных документов (139 эссе студентов — будущих юристов и журналистов), определяют такие параметры и приходят к выводу, что модели семьи и семейных отношений государства и студентов совпадают по форме семьи (полная семья с детьми), но отличаются по ее главной функции (репродуктивная функция против эмоционально-психотерапевтической). Представления молодежи об образе благополучной семьи характеризуются противоречивостью: черты традиционалистской модели соседствуют с чертами эгалитарной. При этом только 6 % студентов считают, что главой семьи должен быть мужчина, 45 % выступают за равноправное разделение ролей в семье.

Ключевые слова: семейная политика, модели семейных отношений, традиционалистская (патриархатная) модель семьи, современная (эгалитарная) модель семьи, молодежь.

**MODELS OF FAMILY AND FAMILY RELATIONS
IN GOVERNMENTAL DOCUMENTS OF FAMILY POLICY
AND IN THE VIEWS OF STUDENT YOUTH:
POINTS OF CONVERGENCE AND DIVERGENCE**

M. A. Kashina^a, I. S. Kletsina^b

^a North-West Institute of Management — Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation, Kashina_soc@inbox.ru

^b Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

There are many Russian studies about governmental family policy and family values of the population, in particular the students. But there are few works in which the level and specific parameters of the correspondence between the goals of the state and the perceptions of the population in relation to the desired family model are analyzed. The authors, using the method of analysis of official (the concepts of family policy) and personal (139 essays by students — future lawyers and journalists) documents, determine such parameters. They say that the models of family and family relations between the state and students coincide in terms of the family form (complete family with children) but differ in the main family function (reproductive function versus emotional and psychotherapeutic function). The perceptions of young people in relation to the image of a prosperous family are characterized by inconsistency: the features of the traditionalist model coexist with the egalitarian one. At the same time, only 6 % of students believe that a man should be the head of the family, 45 % are in favor of an equal division of roles in the family.

Key words: family policy, models of family relations, traditionalist (patriarchal) family model, modern (egalitarian) family model, youth.

Введение

Необходимость изучения желаемой модели семейных отношений, имеющейся в сознании молодежи, в особой аргументации не нуждается. Именно этой возрастной группе предстоит создание семей, от качества семейно-брачных отношений, которые сложатся у ее представителей, зависит будущее страны и государства.

В научной литературе по семейной проблематике приводятся описания двух основных моделей семьи и семейных отношений, существующих в современном обществе [Задворнова, 2013; Захаров, 2007; Клецина, Векилова, 2020; Кон, 2011].

В *традиционалистской (патриархальной) модели семейных отношений* семья состоит из разнополых родителей и их родных детей. Она возникает на основе любовного чувства, вслед за которым следует официальная регистрация брака со всеми присущими ему атрибутами. Рождение первого и последующих детей является «закономерным» следствием приобретения мужчиной и женщиной официального брачного статуса. Отличительная особенность традиционалистской модели семьи — характер распределения супружеских и родительских

ролей: мужчина всегда исполняет роль «кормильца», а женщина — хозяйки дома и воспитательницы детей независимо от того, имеет ли она работу вне дома или нет. Взаимодействие между мужем и женой осуществляется в системе доминантно-зависимых отношений. Статусная позиция мужа в семье существенно выше, чем позиция жены, поскольку именно он обеспечивает семью материально, осуществляет связи семьи с другими социальными институтами. Позиция жены в такой семье, как правило, подчиненная и зависимая.

В системе традиционалистских взглядов «правильная» модель мужчины прежде всего связана с его работой и успехом как «кормильца» семьи: мужчина должен работать без устали, делать карьеру, зарабатывать деньги, по возможности иметь успех и в семье. Но главное — кормить ее. Сознательно или подсознательно мужчины следуют данной модели, она руководит ими. При этом ограничиваются возможности мужчин для освоения других моделей ролевого поведения [Кон, 2009].

Материнство для женщины в системе традиционных взглядов — главный смысл ее жизни. Каждая женщина должна родить несколько детей и «хорошо» их воспитать. Отсутствие у женщины детей оценивается как нездоровое и ненормальное состояние, такие женщины считаются несчастными. Содержание материнской роли определяется особым врожденным «материнским инстинктом», который обеспечивает заботу о ребенке, поэтому женщина наделяется сверхответственностью за благополучие своих детей в разных сферах жизни. Для женщины должна быть вполне естественной ее жертвенная позиция в роли матери. В общественном сознании прочно закреплены представления о том, что женщина не может быть хорошей матерью, если она не жертвует собой ради своих детей [Микляева, Румянцева, 2018].

В *современной (эгалитарной) модели семейных отношений* брак — это свободное партнерство, основу которого составляют равноправные отношения представителей разного пола. Такая семья отвечает потребности человека в личном жизненном пространстве и независимости, членов семьи объединяют взаимные чувства и потребность в близости и приватности. Предпочтительно, но необязательно вступать в брак, желательно иметь детей, но и бездетность не представляется аномалией. В современных семьях больше справедливости в распределении домашних обязанностей. И мужчины и женщины принимают на себя ответственность за материальное обеспечение семьи, воспитание и развитие детей, выполнение хозяйственных работ. Принцип взаимодополнительности при исполнении семейных ролей уступает место принципу взаимозаменяемости, т. е. обязанности в семье не закреплены за людьми определенного пола, а выполняются любым членом семьи в зависимости от сложившихся обстоятельств. Глава семьи, как правило, отсутствует, а важные для семьи решения принимаются согласованно, с учетом мнений каждого. Психологическая сторона отношений приобретает особую ценность и значимость; современные семейные отношения строятся преимущественно на психологической основе. Сохраняется индивидуальное своеобразие супругов, существует право на автономию, которое выражается в том, что интересы мужа и жены разнообразнее семейных, а потребности и круг общения каждого из супругов выходят за рамки брака, повышается автономия и значимость каждого члена семьи, ценится взаимная

поддержка индивидуализации каждого, проявление личностного потенциала, развитие и самореализация личности [Голод, 1996, 1998; Кон, 2011].

Следует отметить, что при этом «институт семьи в России характеризуется значительной мозаичностью, многообразием моделей, включающих и патриархальную, и современную модели» [Кучмаева, 2019: 72].

В отечественной литературе проблематика, связанная с представлениями и установками молодежи, в том числе студенческой, касательно будущей семейной жизни, желаемыми моделями семейных отношений, находит широкое отражение (см. напр.: [Гурко, 2019; Гурко, Тарченко, 2019; Нечаева, 2018; Ростовская, Заярская, 2017]). Однако совсем немного исследований, в которых эти представления и модели соотносились бы с нормативным образом семьи, закрепленным в документах по государственной семейной политике. Особую актуальность приобретает поиск ответа на вопрос о том, какие именно черты этой нормативной модели семейных отношений не востребованы у молодежи, по каким параметрам расхождение между моделями семьи наибольшее.

В данном исследовании будет предпринята попытка оценить степень согласованности представлений о желаемой (нормативной) семье, репрезентированных в официальных документах по семейной политике, и представлений молодежи. Понятно, что чем более схожи эти представления, тем выше будет эффективность государственных мер, направленных на развитие института семьи.

Литературный обзор

Модели семьи и семейных отношений, а также семейные ценности исследовались российскими учеными в разных аспектах: рассматривалось влияние макросоциальных изменений на семью [Малимонов и др., 2016; Настоящее и будущее семьи... , 2015], новые формы семьи и семейных отношений [Гурко, 2017a], межпоколенческая динамика ценностей детей, родительства и родительской культуры [Безрукова, 2016, 2017], образ семьи и родительства у современных матерей [Андреева, 2016] и др. Большой пласт исследований посвящен представлениям молодежи и студентов о семье и родительстве [Багирова, Шубат, 2017; Вишневецкий, Ячменева, 2018; Назарова, Зеленская, 2017; Попова, Шишкина, 2016; Ростовская, Кучмаева, 2015]. Отдельный блок составляют работы, исследующие представления молодежи о социальных ролях женщин и мужчин [Ковтун, Куперман, 2017] и гендерные стереотипы в сфере семейных отношений [Калачикова, Груздева, 2019].

Основной вывод данных работ состоит в том, что молодое поколение по-прежнему ценит семью и семейный образ жизни, при этом различия в представлениях юношей и девушек о модели будущих семейных отношений невелики, большее влияние на взгляды относительно семейных и родительских ролей оказывают другие социальные факторы, например этническая и религиозная принадлежность [Гурко, Тарченко, 2019: 102]. В то же время в обществе существуют и противоположные тенденции, например развитие движения чайлдфри [Белинская, 2018]. В России оно пока не является массовым, но, как отмечают исследователи, его особенность — распространенность в Интернете и более быстрое продвижение в виртуальной реальности ценностей сознательной бездетности, чем традиционных семейных ценностей [Вильданова и др., 2017: 24].

Таким образом, в отечественной литературе проблематика, связанная с семейными ценностями, с представлениями молодежи о будущей семейной жизни и установками на нее, желаемыми моделями семейных отношений, хорошо изучена.

Цели, задачи и методы государственной семейной политики также неоднократно становились объектом научного анализа. Они изучались как в исторической ретроспективе [Хасбулатова, Смирнова, 2008], так и в связке с развитием брачно-семейных отношений [Гурко, 2013, 2017b]. Не подвергая сомнению цели семейной политики, ученые достаточно критически относятся к ее методам. Как отмечает Т. А. Гурко, «социальные программы по повышению рождаемости в большей мере привлекают бедные слои населения, но, воспользовавшись “стимулами”, сами они не предпринимают активных усилий по повышению своего уровня жизни» [Гурко, 2017а: 108]. Другими словами, такие семьи не демонстрируют качеств субъектности в отношении своей жизни, оставаясь просто получателями материальной помощи от государства. Для повышения эффективности семейной политики необходимо превратить семью из объекта в субъект социальной политики, выстроив партнерские отношения между семьей и государством, преодолев отношения социально-экономической зависимости. Это предполагает «существенное перераспределение прав и взаимной ответственности между семьей и государством» [Азизова, 2016: 38].

Новые социальные реалии в семейной политике связаны с «массовым запросом на высокое качество личной и социальной жизни; с иной регуляцией брачного и репродуктивного поведения; плюрализмом способов организации внутрисемейной жизни; новыми жизненными ценностями и приоритетами; изменениями в функционировании социального государства» [Носкова, 2016: 121]. Л. В. Чхутиашвили формулируя направления современной семейной политики, одну из ее задач видит в том, чтобы «принять комплекс мер по воспитанию у детей и подростков уважительного отношения к семье как к базовой ценности общества» [Чхутиашвили, 2017: 47]. При этом, говоря о модели семьи, представленной в государственных документах, исследователи отмечают ее оторванность от социальной реальности [Кучмаева, 2019] или даже направленность в прошлое, апелляцию к уже пройденным этапам общественного развития [Гурко, 2013].

Таким образом, государственная нормативная модель семьи в научной литературе не только проанализирована, но и подвергнута обоснованной критике, обозначены тенденции ее дальнейшего развития в направлении повышения социальной субъектности семьи, перехода от отношений патернализма между семьей и государством к отношениям партнерства и сотрудничества [Носкова, 2016].

Опираясь на эти два массива данных, *проблему исследования* можно сформулировать следующим образом. Анализ литературы показывает, что система представлений о благополучной, счастливой семье в сознании молодежи характеризуется набором противоречивых, не согласующихся между собой представлений и нормативных установок, включающих характеристики, присущие как традиционалистской модели семьи и семейных отношений, так и эгалитарной (современной). В то же время в документах по государственной семейной политике предлагается преимущественно единственная нормативная модель

семейных отношений с основными характеристиками традиционалистской модели. Это приводит к тому, что далеко не все призывы государства будут услышаны молодежью, а значит, снижается эффективность семейной политики. Данное противоречие выступает в качестве основной проблемы исследования.

Цель исследования — показать точки совпадений и расхождений отдельных аспектов модели семейных отношений, репрезентированной в документах по государственной семейной политике, и желаемой модели семейных отношений, существующей в представлениях студенческой молодежи.

Методология исследования

Большинство исследований представлений молодежи о семье и семейных отношениях выполнены с применением опросных методов (анкетные опросы, интернет-опросы, социально-психологические опросники и т. п.). В данном исследовании использована другая методология — качественно-количественный анализ документов. Анализировались две группы документов: государственные и личные. Первую образуют официальные документы — государственные концепции, связанные с семейной политикой. Вторая группа представлена текстами эссе, подготовленными студентами — участниками исследования на тему «Счастливая семья в XXI веке: что сохранить, а от чего отказаться?»¹. Каждое эссе содержит небольшой блок личных данных — пол, возраст, направление подготовки и место детской социализации автора эссе (сельская местность, малый, средний город или мегаполис). Жанр эссе предполагает изложение собственной точки зрения без опоры на какие-либо варианты ответа и установления тех или иных границ, в этом смысле оно выступает методом качественной социологии, близким по духу свободному интервью.

Сформулированная тема задает конкретные параметры содержания текстов. *Во-первых*, речь в тексте должна идти о современной семье, в которой счастливы все ее члены, т. е. должен быть выделен аспект социального и психологического благополучия в семейных отношениях; *во-вторых*, в тексте должна присутствовать конкретизированная информация о том, чего не может быть в современной семье по сравнению с распространенными предшествующими моделями семейных отношений; *в-третьих*, описание современной счастливой семьи должно быть наполнено конкретным содержанием, т. е. включать характеристики семейных отношений. Описание должно быть не фрагментарным, а целостным, структурированным, затрагивающим разные стороны семейной жизни.

Материалы эссе позволяют ответить на следующие вопросы.

1. Какие представления о счастливой современной семье характерны для молодежи?

2. Какие особенности семейных отношений не принимаются, отвергаются молодыми людьми? Что для них неприемлемо в семейной жизни?

3. Что принимается, поощряется, поддерживается в современных семейных отношениях? Является ли описываемая модель счастливой семьи ориентиром для построения своей будущей семьи?

¹ Эмпирический материал собирался путем проведения открытого конкурса эссе, организованного РОО «Центр возрождения “Счастливая семья”», а также на практических занятиях по курсу «Социология права», которые велись одним из авторов статьи.

Эмпирическая база исследования имела свои особенности. Выборка студентов для написания эссе была не репрезентативной, а целевой. Студенты — участники исследования обучались в одном из петербургских вузов на гуманитарных направлениях подготовки — «Журналистика» и «Юриспруденция». В своей будущей профессиональной деятельности они выступят субъектами формирования общественного мнения, в том числе по вопросам семейных отношений. Журналисты будут делать это напрямую — через статьи и передачи, а юристы опосредованно — через адвокатскую, судебную и другую деятельность. В силу этого исследование представлений о семье студентов данных направлений подготовки является особенно значимым.

Всего было получено 139 эссе. 77 участников являлись студентами — будущими журналистами (возраст 18—19 лет, девушек 67, юношей 10), 62 человека — студентами — будущими юристами (возраст 18—19 лет, девушек 45, юношей 17).

Результаты исследования

Модель семьи и семейных отношений в концепциях семейной политики.

Точкой отсчета современной семейной политики в России принято считать Послание Президента России Федеральному собранию РФ 2006 г., в котором впервые было заявлено о том, что в стране существует демографический кризис и необходима государственная поддержка семей с детьми, а также специальные меры по повышению рождаемости².

В Концепции государственной политики в отношении молодой семьи 2007 г.³, разработанной в развитие этих идей, появляется развернутое определение того, какой видится благополучная молодая семья государству⁴:

«Модель благополучной молодой семьи как субъекта социальных отношений отражает:

— юридическую оформленность: благополучной считается та семья, члены которой проживают в зарегистрированном браке;

— полноту семьи: благополучная семья должна быть полной и состоять из супружеской пары (родителей) и детей;

— детность семьи: благополучная семья должна иметь такое количество детей в семье, которое обеспечивает расширенное воспроизводство населения по данному региону;

— экономическую обеспеченность: среднедушевой доход на каждого члена семьи должен быть не ниже среднего душевого дохода в целом по данному региону;

² Послание Президента В. В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 г. // Российская газета. 2006. 11 мая (федер. вып. № 4063).

³ Концепция государственной политики в отношении молодой семьи: приложение к Письму Минобрнауки России от 8 мая 2007 г. № АФ-163/06. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902060617> (дата обращения: 02.02.2021).

⁴ «Молодая семья — семья, возраст каждого из супругов в которой не превышает 30 лет, либо неполная семья, состоящая из одного молодого родителя, возраст которого не превышает 30 лет, и одного и более детей» (Там же. Разд. 2: Основные понятия и принципы государственной политики в отношении молодой семьи).

— социальную активность: благополучная семья самостоятельно решает свои проблемы при получении законодательно закрепленной ее государственной поддержки;

— социальную направленность: основные направления и содержание жизнедеятельности молодой успешной семьи в основном должны совпадать с тенденциями развития российского государства и общества, соответствовать преобладающим в стране нормам нравственности и ценностям культуры»⁵.

Таким образом, основные черты благополучной семьи, с точки зрения государства, это зарегистрированный брак, наличие не менее двух детей, доходы не ниже средних по региону, самостоятельное решение возникающих проблем, но с опорой на государство. При этом жизненные цели и ценности молодой семьи должны совпадать с преобладающими в стране нормами нравственности. Пока государство не формулирует эти ценности, ограничиваясь констатацией того, что они не идут вразрез со сложившимися нормами культуры и морали.

Спустя семь лет появляется Концепция семейной политики в РФ на период до 2025 г., которая является действующим документом государственного стратегического планирования в этой области. В ней в качестве приоритетов называются «утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи»⁶.

Однако, как справедливо отмечает О. В. Кучмаева, когда «речь заходит о значении возрождения традиционной семьи, не всегда ясно, что понимается под традиционной семьей, какие аспекты берутся в расчет: исключительно демографические параметры — количество детей в семье, ее структура — или же распределение ролей, масштабность экономической функции, самостоятельность членов семьи как малой группы в принятии решений» [Кучмаева, 2019: 72].

В Концепции семейной политики до 2025 г. к традиционным семейным ценностям относятся «ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению»⁷.

В сравнении с нормативной моделью семьи 2007 г. появилось несколько новых моментов. Уходит тема доходов семьи и ее самостоятельности в решении возникающих проблем, вместо этого акцентируются морально-нравственные аспекты семейных отношений — забота и уважение друг к другу членов семьи,

⁵ Там же.

⁶ Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

⁷ Там же. Разд. 3: Цели, принципы, задачи и приоритетные направления государственной семейной политики.

стремление к сохранению совместного быта. Акцентируется гетеросексуальность супругов, в качестве цели создания семьи провозглашается рождение и воспитание детей, лучше нескольких. Однако о разделении домашнего труда в семье между супругами и их взаимной ответственности за ее благополучие (материальное и психологическое) ничего не говорится. Хотя, как уже отмечалось в начале статьи, именно этот параметр является водоразделом разных моделей семьи: существует ли жесткое закрепление ролей в семье, или принцип взаимодополнительности сменяется принципом взаимозаменяемости.

Модель семьи и семейных отношений в эссе студентов. Важно отметить, что все участники исследования продемонстрировали заинтересованность при выполнении задания. В текстах эссе присутствовало много личных моментов, связанных с обстоятельствами жизни в своей семье, а также мнения и оценки по поводу ситуации в семьях своих друзей и знакомых. В целом при анализе текстов было видно, что студенты отнеслись к заданию неформально, об этом свидетельствует наличие выраженного эмоционального и личностного отношения к теме эссе.

В соответствии с целью исследования в качестве категорий для контент-анализа были выбраны темы, конкретизированные в официальных документах в качестве показателей результативности семейной политики, а также основные характеристики семейных отношений, дифференцирующие модели семьи на традиционалистскую (патриархатную) и современную (эгалитарную).

Начнем с результатов анализа эссе, свидетельствующих о *согласованности* представлений студентов о семье с идеями, зафиксированными в концепциях семейной политики. Параметрами для сравнения явились темы, которые наиболее часто акцентировались в текстах студентов и отражали именно личное мнение авторов по конкретному вопросу.

1. Дети как неотъемлемая часть семьи. В Концепции политики в отношении молодой семьи отмечается, что благополучная семья должна иметь такое количество детей, которое обеспечивает расширенное воспроизводство населения по данному региону. В 76 % текстов эссе говорилось о детях как обязательной составляющей семьи. Например:

...в семье мерилом счастья выступают дети (ж., 18 лет);

Если появляется ребенок — появляется и семья. Все остальное может быть вне семьи (ж., 18 лет);

Семья не может существовать без детей (ж., 19 лет).

Однако в работах студентов не указывалось количество детей, но поскольку слово «дети», как правило, использовалось во множественном числе, можно предположить, что счастливая семья — это не однодетная семья.

2. Семья как важная ценность в жизни каждого человека. Семейный образ жизни как ценность. В Концепции семейной политики до 2025 г. подчеркивается такая значимая идея, как утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни. В 85 % мужских эссе и в 24 % женских текстов четко обозначалось принятие идеи о семье как важной ценности в жизни каждого человека, о семейном образе жизни как ценности. Например:

Семья — это важнейшая опора для любого человека, которая должна оставаться с ним всегда, это крепость, это тыл. Именно семья спасает человека в трудные минуты его жизни, ни друзья, ни приятели, ни знакомые,

а только в семье всегда поймут, простят и помогут решить все проблемы и недопонимания (ж., 18 лет);

Неоценимый вклад в развитие личности вносит именно семья (м., 18 лет);

Семья — это настоящий подарок судьбы, ведь без самых родных и близких нам людей мы никто (ж., 18 лет);

Каждый человек мечтает быть счастливым, и кто, если не семья, сможет помочь ему стать таким (ж., 18 лет);

Семья нужна человеку, чтобы научиться любви и отношениям у родителей, перенять их опыт, обрести свободу... лучше понять свои ценности и слабости (м., 19 лет);

Семья является фундаментом для формирования личности человека, первейшим фактором его социализации, образцом поведения (м., 18 лет).

Можно заключить: большое число молодых людей осознают, что семья является значимой жизненной ценностью.

3. Качественные характеристики семьи. В Концепции семейной политики до 2025 г. говорится, что брак должен быть основан на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризоваться добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению. Для большинства студентов семья воспринимается прежде всего как психологическое убежище, как психологическая общность, основанная на эмоциональной связи между людьми и позволяющая находиться в эмоционально комфортном состоянии. В 63 % текстов эссе студентов подчеркивалась *высокая значимость любви, взаимопонимания и взаимоуважения*, в 43 % текстов акцент был сделан на важности честности и доверия в отношениях, а в 37 % — на внимании, заботе, взаимопомощи. Например:

Современный институт семьи вбирает в себя все лучшее из прошлого, избавляясь от худшего, и совершенствуется. Семья становится не обязательной условностью, а осознанным решением человека, основанным на индивидуальном подходе, ответственности, взаимоуважении между членами малой социальной группы, близких отношениях, желании и выборе (ж., 18 лет);

Счастливой семьей можно назвать ту семью, в которой царит полная гармония в отношениях между родителями и детьми, всегда уделяется должное внимание проблемам и заботам каждого члена семьи, уважается труд и эмоциональные потребности всей семьи (м., 18 лет).

Теперь рассмотрим результаты анализа эссе, свидетельствующие о *расхождении* представлений студентов с идеями, зафиксированными в концепциях семейной политики.

1. Структурные характеристики семьи. В концепциях выделен аспект, связанный с формальными характеристиками семьи: ее составом и юридической оформленностью брака. В работах 17 % студентов внимание специально акцентировалось на том, что *семья — это союз мужчины и женщины*. В остальных эссе речь шла о семье, как о двух любящих друг друга людях. Из контекста можно было понять, что партнеры — это люди разного пола. В работах, где подчеркивался пол супругов (партнеров), авторы писали о том, что допускаются однополые союзы, если есть любовь (при этом не имея в виду себя). Такие мнения встречались у 13 % авторов. Например:

Семья теперь может быть полной или неполной, с детьми или без, однополной или традиционной, но при этом оставаться счастливой (м., 18 лет).

Затрагивая вопрос о составе семьи, в которой есть дети, авторы отмечали обязательное наличие родителей разного пола:

...люди могут строить любые отношения между собой, но это не должно негативно сказываться на ребенке, у него в любом случае должно быть воспитание обоих родителей, забота и пример «правильной», любящей семьи (ж., 17 лет).

Важность юридически оформленного брака подчеркивали только 9 % студентов, о том, что брак может быть и незарегистрированным, написали 7 % студентов.

Итак, приведенные данные свидетельствуют о том, что для студентов формальные характеристики семьи не являются значимыми показателями семейного благополучия.

2. Распределение ролей и властные полномочия в семье. В концепциях семейной политики не затрагиваются вопросы, касающиеся хозяйственно-бытовых аспектов семейной жизни. В работах студентов акцент сделан на равноправии супругов при выполнении всех семейных обязанностей, этот аспект был выделен в работах 45 % студентов:

Счастливая семья в XXI веке — партнерская, равноправная семья, каждый из членов которой относится с уважением и пониманием к другому, включая младшее и старшее поколение (ж., 19 лет).

Следует специально подчеркнуть внутреннюю несогласованность некоторых параметров модели семейных отношений, описанной в эссе студентов. На рисунке показана частота упоминания в текстах отдельных черт этой модели.

Частота упоминания в текстах эссе студентов отдельных черт модели семейных отношений, %

На гистограмме хорошо видна противоречивость представлений студентов о благополучной/счастливой семье. Официально зарегистрированный брак называют в качестве важной черты счастливой семьи 9 % студентов, практически столько же (7 %) считают, что брак может быть и незарегистрированным. 17 % полагают, что семья — это гетеросексуальный союз, 13 % допускают возможность однополых союзов, если люди любят друг друга. 20 % хотят личной автономии интересов и увлечений, а 22 % выступают за совместное проведение досуга. Но есть и единство во мнениях. Только 6 % студентов (будущих юристов и журналистов) считают, что главой семьи должен быть мужчина, 45 % выступают за равноправное разделение ролей в семье. Абсолютное большинство (76 %) считают, что дети — это необходимое условие для того, чтобы семья была счастлива.

Проведенный выше анализ показывает, что модели семьи и семейных отношений государства и студентов совпадают по параметру формы семьи (полная семья с детьми), но отличаются по ее главной функции (репродуктивная функция против эмоционально-психотерапевтической). Для студентов семья — это в первую очередь психологическое благополучие и комфорт, они идеализируют семейные отношения, проявляют своего рода эгоцентризм, не видя роли и значения семьи для общества. Для них семья — это просто группа людей, которым хорошо живется вместе. Они понимают необходимость работы над семейными отношениями, но только в психологическом ключе, у них отсутствует представление о семье как социальном субъекте (субъекте социальных отношений). Они не видят семью как долгосрочный социальный проект, не придают особого значения межпоколенным связям, довольствуясь нуклеарной моделью «дети — родители».

Для государства семья — это социальный институт воспроизводства будущих поколений на благо страны, при этом идеалом выступает расширенная семья, в которой вместе проживают несколько поколений. Семья служит обществу и именно по этой причине может рассчитывать на поддержку государства. В данной модели акцентируются проблемы материального обеспечения семей с детьми, но совсем нет видения необходимости обеспечения психологического комфорта, взаимопонимания, эмоциональной близости членов семьи. Тем самым появляется точка расхождения в представлениях о значимости психологических и социальных функций семьи, преодолеть которую можно через развитие ее социальной субъектности (подробнее об этом см.: [Носкова, 2016]).

В этом смысле Концепция государственной политики в отношении молодой семьи 2007 г., акцентирующая внимание на самостоятельности молодой семьи в разрешении своих проблем, давала больше возможностей для развития качеств социальной субъектности. Сейчас государство принимает на себя все больше обязательств по оказанию материальной помощи семьям с детьми, что развивает психологию социально-экономической зависимости от государства. Доказательством могут служить результаты выполнения Плана мероприятий на 2015—2018 гг. по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики РФ до 2025 г. Анализируя их, Т. А. Гурко приходит к неутешительным выводам. Активного участия молодых матерей в повышении профессионального образования не наблюдается, молодые семьи не спешат воспользоваться грантовыми программами для создания собственного дела, численность детей, посещающих детские сады, практически не увеличилась, использование средств

материнского капитала нельзя признать эффективным. Лишь небольшая часть матерей тратит их на свое образование или образование детей, в основном все идет на улучшение жилищных условий. Льготное налогообложение для родителей/опекунов практически не работает [Гурко, 2017b: 60—63].

Студенты — авторы эссе являются очень молодыми представителями среднего класса, им всего 18—19 лет, поэтому их равнодушие к материальной стороне жизни семьи вполне объяснимо, хотя, с другой стороны, экономическая компетентность, которую они могли приобрести еще на этапе обучения в школе, стала бы хорошим фундаментом развития социальной субъектности их будущих семей.

Таким образом, присущая молодежи социальная незрелость дополняется патерналистской семейной политикой государства. Действуя вместе, эти факторы негативно сказываются на развитии такого важного параметра молодой семьи, как социальная субъектность, и не способствуют повышению качества брачно-семейных отношений.

Заключение

Определение точек расхождения в представлениях о нормативной модели семьи авторов официальных документов по семейной политике и студенческой молодежи — это только первый шаг. Дальше необходимо понять причины этого расхождения, лежит ли в его основе ценностно-смысловой конфликт поколений, или ситуация определяется факторами, не связанными с возрастом и историческими особенностями этапа первичной социализации.

Другое важное направление — анализ вариативности представлений о семье, например поиск ответов на вопросы: как на формирование у молодежи осознанных представлений о своей семейной жизни и установок на нее влияют различные социокультурные факторы; какие модели семьи представлены в сознании молодежи, не имеющей высшего образования; какова связь характеристик модели семьи с этническими параметрами, а также с уровнем доходов молодых людей, типом места их проживания и т. д. Анализ и учет этих факторов позволит «заземлить» государственную семейную политику, сделать ее более адресной и восприимчивой к социальным характеристикам населения.

Авторы статьи осознают прогностические ограничения полученных в исследовании результатов, которые связаны с численной и возрастной ограниченностью выборки: возраст авторов эссе 18—19 лет, поэтому у них есть опыт жизни в родительской семье, но пока нет жизненного опыта семейных отношений в собственном брачном союзе. Хотя эти результаты не претендуют на универсальные обобщения, однако выявленные тенденции четко обозначены и согласуются с результатами социологических исследований, полученными другими авторами.

Библиографический список

- Азизова Н. Р.* Государственная семейная политика на современном этапе развития российского государства // *Социальное воспитание*. 2016. № 1. С. 32—40.
- Андреева А. Д.* Образ семьи и родительства у современных матерей: кросс-культурное исследование // *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2016. Т. 9, № 2. С. 17—30.

- Багирова А. П., Шубат О. М.* Семья и родительство сквозь призму мнений студенток // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 126—131.
- Безрукова О. Н.* Ценности родительства: структура, типы, ресурсы // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 118—127.
- Безрукова О. Н.* Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 1. С. 88—110.
- Белинская Д. В.* Социальный портрет чайлдфри // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Общественные науки. 2018. Т. 4, № 13. С. 12—19.
- Вильданова С. М., Граничная А. А., Мингалиева А. Р., Салыхиева Л. М.* Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 192—205.
- Вишневецкий Ю. Р., Ячменева М. В.* Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям: (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 125—141.
- Голод С. И.* Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3—4. С. 99—108.
- Голод С. И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272 с.
- Гурко Т. А.* О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 33—52.
- Гурко Т. А.* Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017а. № 11. С. 99—110.
- Гурко Т. А.* Развитие брачно-семейных отношений в России и реализация семейной политики // Социологическая наука и социальная практика. 2017б. Т. 5, № 3. С. 51—71.
- Гурко Т. А.* Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 2. С. 65—80.
- Гурко Т. А., Тарченко В. С.* Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 102—113.
- Задворнова Ю. С.* Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 32—40.
- Захаров С. В.* Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: Независим. ин-т соц. политики, 2007. С. 75—126.
- Калачикова О. Н., Груздева М. А.* Гендерные стереотипы в современной семье: женщины и мужчины: (на материалах социологического исследования) // Женщина в российском обществе. № 1. 2019. С. 64—76.
- Клещина И. С., Векилова С. А.* Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформаций // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 78—91.
- Ковтун Г. С., Куперман А. А.* Гендерные представления современной студенческой молодежи: (на материале г. Владивостока) // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 53—63.
- Кон И. С.* Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
- Кон И. С.* Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 1. С. 51—65.
- Кучмаева О. В.* Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни // Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12, № 2. С. 70—82.

- Малимонов И. В., Синьковская И. Г., Король Л. Г., Рахинский Д. В. Современные семейные ценности в контексте макросоциальных изменений // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 5. С. 24—27.
- Микляева А. В., Румянцева П. В. «Онажемать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 67—77.
- Назарова И. Б., Зеленская М. П. Репродуктивные установки студенческой молодежи: ценностный аспект: (обзор эмпирических исследований) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2017. Т. 17, № 4. С. 555—567.
- Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире: коллективная монография. М.: Экон-Информ, 2015. 318 с.
- Нечаева Н. А. Представления студенческой молодежи о гендерных и семейно-брачных отношениях // Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая: монография / под ред. И. И. Елисеевой. СПб.: Реноме, 2018. С. 114—141.
- Носкова А. В. Новые подходы в семейной политике в контексте меняющихся социальных реалий // Социальная политика и социология. 2016. Т. 15, № 5. С. 117—126.
- Попова Л. А., Шишкина М. А. Брачно-семейные и репродуктивные установки современной молодежи // Проблемы развития территории. 2016. № 5. С. 57—71.
- Ростовская Т. К., Заярская Г. В. Семейные установки и семейные практики в современной российской студенческой среде // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 75—85.
- Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Представления молодых россиян о семейной жизни: социологический ракурс // Вопросы управления. 2015. № 3. С. 85—90.
- Хасбулатова О. А., Смирнова А. В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX — начале XXI века: (историко-социологический анализ) // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 3—14.
- Чхутияшвили Л. В. Основные направления реализации новой семейной политики государства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 46—49.

References

- Andreeva, A. D. (2016) *Obraz sem'i i roditel'stva u sovremennykh matereĭ: kross-kul'turnoe issledovanie* [Family and parenting images of modern mothers: a cross-cultural study], *Teoreticheskaia i ėksperimental'naia psikhologĭia*, no. 2, pp. 17—30.
- Azizova, N. R. (2016) *Gosudarstvennaia semeĭnaia politika na sovremennom ėtape razvitiia rossiĭskogo gosudarstva* [State family policy at the present stage of development of the Russian state], *Sotsial'noe vospitanie*, no. 1, pp. 32—40.
- Bagirova, A. P., Shubat, O. M. (2017) *Sem'ia i roditel'stvo skvoz' prizmu mnenĭ studentok* [Family and parenting through the prism of students' opinions], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 126—131.
- Belinskaya, D. V. (2018) *Sotsial'nyĭ portret chaĭldfri* [Childfree's social portrait], *Vestnik Tambovskogo universiteta, seriia Obshchestvennye nauki*, vol. 4, no. 13, pp. 12—19.
- Bezrukova, O. N. (2016) *Tsennosti roditel'stva: struktura, tipy, resursy* [Parenting values: structure, types, resources], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 118—127.
- Bezrukova, O. N. (2017) *Tsennosti deteĭ i roditel'stva: mezhpokolencheskaia dinamika* [Values of children and parenting: intergenerational dynamics], *Sotsiologicheskiĭ zhurnal*, no. 1, pp. 88—110.

- Chkhutiashvili, L. V. (2017) Osnovnye napravleniia realizatsii novoi semeinoi politiki gosudarstva [The main directions of the implementation of the new family policy of the state], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 5, pp. 46—49.
- Golod, S. I. (1996) Sovremennaiia sem'ia: pliuralizm modelei [Modern family: pluralism of models], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3—4, pp. 99—108.
- Golod, S. I. (1998) *Sem'ia i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz* [Family and marriage: a historical and sociological analysis], St. Petersburg: Petropolis.
- Gurko, T. A. (2013) O Kontseptsii gosudarstvennoi semeinoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda: ekspertnaia otsenka [On the Concept of State Family Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025: expert assessment], *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, no. 3, pp. 33—52.
- Gurko, T. A. (2017a) Novye semeinye formy: tendentsii rasprostraneniia i poniatiiia [New family forms: distribution trends and concepts], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 99—110.
- Gurko, T. A. (2017b) Razvitie brachno-semeinykh otnoshenii v Rossii i realizatsiia semeinoi politiki [The development of marriage and family relations in Russia and the implementation of family policy], *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, vol. 5, no. 3, pp. 51—71.
- Gurko, T. A. (2019) Predstavleniia studentov v otnoshenii roditel'stva i sotsial'nykh rolei muzhchin i zhenshchin [Students' perceptions of parenting and the social roles of men and women], *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, no. 2, pp. 65—80.
- Gurko, T. A., Tarchenko, V. S. (2019) Dinamika brachnykh ustanovok i planov studentov [Dynamics of marital attitudes and plans of students], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 102—113.
- Kalachikova, O. N., Gruzdeva, M. A. (2019) Gendernye stereotipy v sovremennoi sem'e: zhenshchiny i muzhchiny: (Na materialakh sotsiologicheskogo issledovaniia) [Gender stereotypes in the modern family: women and men: (Based on the materials of a sociological study)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 64—76.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, A. V. (2008) Ėvoliutsiia gosudarstvennoi politiki v otnoshenii sem'i v Rossii v XX — nachale XXI veka: (Istoriko-sotsiologicheskii analiz) [Evolution of state policy in relation to the family in Russia in the XX — early XXI century: (Historical and sociological analysis)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—14.
- Kletsina, I. S., Vekilova, S. A. (2020) Gendernye otnosheniia v rossiiskoi sem'e: tendentsii transformatsii [Gender relations in the Russian family: trends in transformation], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 78—91.
- Kon, I. S. (2009) *Muzhchina v meniaiushchemsia mire* [A man in a changing world], Moscow: Vremia.
- Kon, I. S. (2011) Tri v odnom: seksual'naia, gendernaia i semeinaia revoliutsii [Three in one: sexual, gender and family revolutions], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 14, no. 1, pp. 51—65.
- Kovtun, G. S., Kuperman, A. A. (2017) Gendernye predstavleniia sovremennoi studencheskoi molodëzhi: (Na materiale g. Vladivostoka) [Gender representations of modern student youth: (Based on the material of Vladivostok)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 53—63.
- Kuchmaeva, O. V. (2019) Ideal'naia model' sem'i v glazakh rossiian i strategiia po povysheniiu tsennosti semeinogo obraza zhizni [The ideal family model in the eyes of Russians and a strategy to increase the value of the family lifestyle], *Ėkonomika. Nalogi. Pravo*, vol. 12, no. 2, pp. 70—82.
- Malimonov, I. V., Sin'kovskaia, I. G., Korol', L. G., Rakhinskiĭ, D. V. (2016) Sovremennye semeinye tsennosti v kontekste makrosotsial'nykh izmenenii [Contemporary family

- values in the context of macrosocial changes], *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5, pp. 24—27.
- Mikliaeva, A. V., Rumiantseva, P. V. (2018) “Onazhemat’’: implitsitnye sotsial’nye predstavleniia o materinstve v sovremennom rossiiskom internet-diskurse [“To crush’’: implicit social ideas about motherhood in modern Russian Internet discourse], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 67—77.
- Nastoiashchee i budushchee sem’i v meniaiushchemsia mire: Kollektivnaia monografiia* (2015) [The present and future of the family in a changing world], Moscow: Èkon-Inform.
- Nazarova, I. B., Zelenskaia, M. P. (2017) Reproduktivnye ustanovki studencheskoï molodëzhi: tsennostnyï aspekt: (Obzor èmpiricheskikh issledovaniï) [Reproductive attitudes of student youth: the value aspect: (Review of empirical research)], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov, seriia Sotsiologiia*, vol. 17, no. 4, pp. 555—567.
- Nechaeva, N. A. (2018) Predstavleniia studencheskoï molodëzhi o gendernykh i semeïno-brachnykh otnosheniakh [Students’ perceptions of gender and family and marriage relations], in: Eliseeva, I. I. (ed.) *Novaia znachimost’ sem’i i mezhpokolennykh otnosheniï dlia Rossii i Kitaia*, St. Petersburg: Renome, pp. 114—141.
- Noskova, A. V. (2016) Novye podkhody v semeïnoï politike v kontekste meniaiushchikhsia sotsial’nykh realiï [New approaches in family politics in the context of changing social realities], *Sotsial’naia politika i sotsiologiia*, vol. 15, no. 5, pp. 117—126.
- Popova, L. A., Shishkina, M. A. (2016) Brachno-semeïnye i reproduktivnye ustanovki sovremennoï molodëzhi [Marital and family and reproductive attitudes of modern youth], *Problemy razvitiia territorii*, no. 5, pp. 57—71.
- Rostovskaia, T. K., Zaiarskaia, G. V. (2017) Semeïnye ustanovki i semeïnye praktiki v sovremennoï rossiiskoi studencheskoï srede [Family attitudes and family practices in the modern Russian student environment], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 75—85.
- Rostovskaia, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2015) Predstavleniia molodykh rossiian o semeïnoï zhizni: sotsiologicheskii rakurs [Ideas of young Russians about family life: a sociological perspective], *Voprosy upravleniia*, no. 3, pp. 85—90.
- Vil’danova, S. M., Granichnaia, A. A., Mingalieva, A. R., Saliakhieva, L. M. (2017) Tendentsii rasprostraneniia tsennostei chaildfri v Rossii i ikh vliianie na krizis instituta sem’i [Trends in the spread of childfree values in Russia and their impact on the crisis of the institution of the family], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: èkonomicheskie i sotsial’nye peremeny*, no. 3, pp. 192—205.
- Vishnevskii, Iu. R., Iachmeneva, M. V. (2018) Otnoshenie studencheskoï molodëzhi k semeïnym tsennostiam: (Na primere Sverdlovskoi oblasti) [The attitude of student youth to family values: (On the example of the Sverdlovsk region)], *Obrazovanie i nauka*, vol. 20, no. 5, pp. 125—141.
- Zadvornova, Iu. S. (2013) Tendentsii transformatsii gendernykh roleï v sovremennoï rossiiskoi sem’e [Trends in the transformation of gender roles in the modern Russian family], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 32—40.
- Zakharov, S. V. (2007) Transformatsiia brachno-partnerskikh otnosheniï v Rossii: “zolotoï vek” traditsionnogo braka blizitsia k zakatu? [Transformation of marriage and partnership relations in Russia: is the golden age of traditional marriage coming to the end?], in: Maleva, T. M., Siniavskaia, O. V. (eds), *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem’e i obshchestve*, Moscow: Nezavisimyï institut sotsial’noi politiki, pp. 75—126.

Информация об авторах / Information about the authors

Кашина Марина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры связей с общественностью и социальных технологий, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург, Россия, Kashina_soc@inbox.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Public Relations and Social Technologies, North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation).

Клецина Ирина Сергеевна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, irinaklyotsina@mail.ru (Dr. Sc. (Psychology), Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 2. P. 65—79
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.5

Женщина в российском обществе
2021. № 2. С. 65—79
ББК 60.561.23
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.5

**WOMEN ENTREPRENEURS IN RUSSIA
AND OTHER COUNTRIES:
A COMPARATIVE PERSPECTIVE**

C. Nechemias^a, D. Bahry^b

^a School of Public Affairs, Pennsylvania State University,
Harrisburg, Middletown, PA, USA, c4n@psu.edu

^b Pennsylvania State University, University Park, PA, USA

This article addresses gender differences in entrepreneurship in Russia, with a focus on how the Russian case compares with a set of selected benchmark countries. Utilizing primarily GEM data, we examine aspects of entrepreneurial culture, individual attitudes and resources, rates of entrepreneurship, and barriers to starting a new business.

Key words: Russia, gender, female entrepreneurship, gender differences, gender equality, small and medium sized business, economic development.

**ЖЕНЩИНЫ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬНИЦЫ
В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

К. Нечемиас^a, Д. Бари^b

^a Школа по связям с общественностью, Университет штата Пенсильвания,
г. Гаррисберг, Миддлтаун (Пенсильвания), США, c4n@psu.edu

^b Университет штата Пенсильвания, Университетский парк (Пенсильвания), США

Рассматривается участие российских женщин в предпринимательской деятельности в сравнении с участием в ней женщин ряда зарубежных государств. В исследовании использованы данные международного мониторинга предпринимательства (Global Entrepreneurship). Изучены гендерные аспекты, динамика, достижения и проблемы женского предпринимательства. Авторы пришли к выводу, что, несмотря на высокий уровень образования и опыт профессиональной деятельности, женщинам не хватает

уверенности в своих способностях начать и вести собственное дело, сказывается недостаток информации и знаний в области предпринимательства. Отмечается, что правительство России придает большое значение этой проблеме, меры государственной поддержки женщин содержатся в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 гг. Однако, по мнению авторов, период коронавирусной пандемии крайне отрицательно повлиял на состояние малого и среднего предпринимательства. Еще одной проблемой недостаточного участия российских женщин в предпринимательской деятельности является необходимость создания баланса между работой и семейными обязанностями. Среди факторов, способствующих развитию женского предпринимательства, отмечаются влияние компьютеризации на сектор малого и среднего бизнеса, доступность платформы для электронной торговли, использование STEM-технологий, а также возможность повысить уровень профессионального образования с помощью проекта «Women Digital Academy», который совместно реализуют Google России и Комитет по развитию женского предпринимательства «Опоры России». Авторы предлагают комплекс мероприятий по развитию женского предпринимательства, что может способствовать экономическому росту и повышению уровня благосостояния населения.

Ключевые слова: Россия, гендер, женское предпринимательство, гендерные различия, гендерное равенство, малый и средний бизнес, экономическое развитие.

Research on entrepreneurship in Russia's SME (small and medium sized enterprises) sector not only attracts academic interest but carries increasing political and economic weight. As evidence, consider that in 2018, President Putin elevated the sector's standing by including the growth of SMEs in his 12 national projects aimed at transforming Russian society. Moreover, his 2018 presidential address to the Federal Assembly set the ambitious goal of raising the contribution of the SME sector from 20 % of GDP to over 40 % in 6 years [Putin, 2018a: 23—24]. That would bring Russia closer to, though still lagging, Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) benchmark countries. In a 2013 Report, the OECD noted that Russia's SME sector contributed 23 % of GDP, while comparable scores for OECD countries ranged from 48 % to 71 % [Russia... , 2013: 20]. The recent trajectory offers little encouragement, with Russia's SMEs contributing 19 % of GDP in 2014 [Feinberg, 2019], 22 % in 2017, and 20 % in 2018 [Russia's Small Businesses... , 2020].

If this situation is to be rectified, increasing the number of women-owned businesses can play a major role. There is growing international recognition that encouraging female entrepreneurship contributes significantly to economic growth, job creation, and poverty reduction. However, cross-national research on gender and entrepreneurship typically finds a gender imbalance: entrepreneurship skews male (cf.: [The Missing Entrepreneurs... , 2019]). Russia has also experienced an imbalance, with different measures suggesting that women make up between 27 and 37 % of entrepreneurs in small/medium businesses [Development of Women's Entrepreneurship... , 2017]. An enhanced understanding of the ways in which Russia's SME sector is "gendered" thus contribute to a rich body of research and also highlight policies that could boost women's successful SME involvement. To tackle this project, we expand on earlier efforts to place the Russian case in a cross-national framework, highlighting commonalities and distinctiveness regarding Russia's SME sector, with special

emphasis on gender patterns [Djankov et al., 2005; Tsyganova, Shirokova, 2010; Elam et al., 2019; Pin'kovetskaia, 2019].

We rely primarily on GEM (Global Entrepreneurship Monitor) data, with additional evidence from a range of other sources. GEM is an international consortium of leading business schools that conducts regular, cross-national population surveys (APS) with samples of at least 2000 adults aged 18 to 64. It also asks experts in participating countries to evaluate the national context for entrepreneurial activity¹. GEM focuses on the early stages of business start-ups and key aspects of the SME ecosystem like a conducive culture, availability of financing, and institutional and infrastructure factors. We explore GEM data on entrepreneurship and gender for the years 2018/2019, a span the World Bank characterizes for Russia as a post-recession return to slow economic growth, prior to the deep slowdown associated with the 2020 global pandemic [Modest Growth... , 2019]². We focus on three groups of countries as benchmarks: France, Germany, the U.K. and U.S. representing high-income Western states; Poland and Slovakia representing Visegrad countries; and Brazil, China and India, representing BRICS³.

Utilizing GEM data offers substantial methodological advantages, given its reliance on uniform survey instruments across countries⁴. Moreover, its conceptualization of SMEs as centering on new business activity bypasses the problems associated with the wide variety of country-specific SME definitions. GEM also offers an additional advantage, by including unregistered as well as registered entrepreneurial activity, while official statistics typically refer only to registered SMEs [Acs et al., 2008].

To explore how the Russian SME sector and its gendered patterns compare to benchmark countries, we focus on: the degree to which the public provides a welcoming entrepreneurial culture; the existence of individual social attitudes and resources such as confidence in one's capabilities, personal networks, and fear of failure; and individual perceptions of opportunity and willingness to start new businesses. We then turn attention to the context, or ecosystem for entrepreneurship, and the degree to which it helps or hinders new business development.

Entrepreneurship: a good and high-status career?

A culture supportive of entrepreneurship strongly influences decisions about whether to launch a new venture. Key issues center on whether the public believes that

¹ GEM defines entrepreneurship as any attempt at new business or new venture creation such as self-employment, a new business organization, or the expansion of an existing business. Available from: <https://gemconsortium.org/wiki/1149> (accessed 30.07.2019).

² We rely here on summary data from GEM project reports. GEM also provides full individual-level survey and expert rating datasets for all countries, with a 3-year lag. As of this writing, the data are available up through 2016. Given the new Russian government emphasis in 2018 on accelerating SME development, we focus mostly on data for that year. Of course, responses to questions can fluctuate from year to year, so our analysis should be considered a snapshot at a key juncture for the SME sector.

³ The Czech Republic and Hungary, the two other Visegrad countries, did not participate in the GEM wave analyzed here.

⁴ Information on the data collection and other details for the adult and expert surveys is available from: <https://www.gemconsortium.org/about/wiki> (accessed 05.11.2020).

starting a business is a good career choice and carries high status. For Russia, the evidence is mixed: the country has been known for the public's skepticism about business. Indeed, a 2018 poll found that 68 % of Russians thought it was "definitely not" or "probably not" possible to get rich while remaining honest [Kolesnikov, Volkov, 2019: 7]. But views toward private entrepreneurship are more positive, especially toward SMEs. A Levada Center survey showed that 81 % of the public held very good / mostly good opinions about owners of small businesses, a figure that slipped to 78 % for medium-sized firms, and to 57 % for big business and commercial networks [Business, 2014]. Moreover, the public's response to the question of women owners of SMEs appears to be quite positive. According to one report, 93 % of the public in 2016 expressed confidence in women's capacity to head small and medium-sized businesses [Poll... , 2016].

Turning to individual attitudes toward entrepreneurial careers, the data show a relatively high level of approval among both men and women in Russia (Table 1). Approval is gendered, however: among women, 69.9 % approve of entrepreneurship as a livelihood and 74.4 % attach a high status to that choice. Fewer men (53 %) consider entrepreneurship a good career, and 51.7 % see it as a high-status occupation.

Table 1

Societal attitudes on entrepreneurship

Countries	A. Good career			B. High status		
	Men	Women	Ratio W/M	Men	Women	Ratio W/M
Russian Federation	53.0 %	69.9 %	1.3	51.7 %	74.4 %	1.4
W. Europe / U. S.						
France	65.6 %	72.4 %	1.1	43.1 %	68.1 %	1.6
Germany	61.3 %	73.4 %	1.2	74.8 %	76.9 %	1.0
U. K.	55.2 %	81.9 %	1.5	74.9 %	71.5 %	1.0
U. S.	64.0 %	77.0 %	1.2	79.0 %	82.4 %	1.0
Visegrad						
Poland	52.2 %	54.3 %	1.0	60.9 %	82.4 %	1.4
Slovak Republic	48.8 %	54.8 %	1.2	73.9 %	72.8 %	1.0
BRICS						
Brazil	78.6 %	22.7 %	0.3	65.7 %	53.3 %	0.8
China	67.5 %	79.9 %	1.2	67.1 %	87.4 %	1.3
India	18.3 %	43.5 %	2.4	53.8 %	47.5 %	0.9

Source for Tables 1—4: [Elam et al., 2019: 74—99].

Cross-nationally, gender gaps characterize responses to these two questions, often in favor of women. Along with women in Russia, those in several benchmark countries are more likely than men to endorse the view that starting and owning a business constitutes a good and high-status career choice.

Capability, personal relationships and fear of failure

Other data, however, suggest that a positive view of business careers does not necessarily translate into stepping forward as an entrepreneur. It can also be important to have confidence in one's skills and knowledge to start a new business, a low fear of failing; and a personal connection to an entrepreneur — such as a friend or family member — who may be a motivator and/or source of encouragement.

Table 2

Personal relationships, capability and fear of failure

Countries	A Know an entrepreneur			B Perceived capability			C Fear of failure*		
	Men	Women	Ratio W/M	Men	Women	Ratio W/M	Men	Women	Ratio W/M
Russian Federation	38.8 %	32.8 %	0.8	33.1 %	22.2 %	0.7	39.6 %	49.6 %	1.3
W. Europe / U. S.									
France	37.6 %	28.8 %	0.8	46.2 %	28.9 %	0.6	33.2 %	41.3 %	1.2
Germany	25.9 %	21.0 %	0.8	44.6 %	31.0 %	0.7	33.7 %	46.0 %	1.4
U. K.	37.2 %	29.4 %	0.8	56.5 %	36.8 %	0.7	37.5 %	44.0 %	1.2
U. S.	43.5 %	33.7 %	0.8	62.1 %	49.5 %	0.8	37.3 %	45.4 %	1.2
Visegrad									
Poland	42.3 %	37.9 %	0.9	53.8 %	39.4 %	0.7	38.0 %	55.6 %	1.5
Slovak Republic	37.2 %	32.7 %	0.9	61.0 %	45.4 %	0.7	32.4 %	50.6 %	1.6
BRICS									
Brazil	40.2 %	28.7 %	0.7	59.5 %	49.2 %	0.8	39.3 %	49.5 %	1.3
China	46.9 %	44.5 %	0.9	28.6 %	19.6 %	0.7	39.4 %	43.6 %	1.1
India	36.9 %	25.9 %	0.7	59.9 %	43.9 %	0.7	42.4 %	43.5 %	1.0

*The question in column C was asked only of respondents who said they saw opportunities to start a business in their local area in the next 6 months. Column C percentages and W/M ratio have been inverted from their original form in the GEM so that the data here reflect the % who say "fear" [Elam et al., 2019].

Capability perceptions involve confidence in having the skills and knowledge to start a new business. Not counting respondents already involved in entrepreneurial activity, both male and female respondents in Russia offer a skeptical assessment: only 33.1 % of men and 22.2 % of women believe that they have such capability — figures below the levels typically exhibited by their cross-national peers (Table 2, column B). Thus, despite Russian women's impressive educational and work force credentials, the Russian case follows a common cross-national pattern: in all our cases, men are more certain of their ability to form and run a business than women.

Even with confidence in one's ability, however, fear of failure can prove to be an obstacle to becoming a budding entrepreneur. On this issue, not counting respondents already engaged in their own business, a substantial share of Russian men (39.6 %) and women (49.6 %) who perceive good opportunities for entrepreneurship in their locality express a fear of failing (Table 2, column C). In this respect, they are

similar on average to counterparts in benchmark countries; and women in almost all of the countries appear to be more concerned than men are about potential business failure.

In addition to self-confidence, social networks inspire individuals to take up entrepreneurship [Djankov et al., 2005]. One indicator of social connection is whether respondents personally know an entrepreneur. For Russia, 38.8 % of men and 32.8 % of women report having a friend or relative who is an entrepreneur. Russia falls in a middling position among our benchmark countries and conforms to the cross-national pattern of men being more likely on average to report having a friend or relative who is an entrepreneur.

Stages of entrepreneurship

GEM data also provide an opportunity to assess individuals' involvement across different stages of entrepreneurship. One question asks non-entrepreneurs whether they see good opportunities to start a firm in their local area in the next 6 months (Table 3, column B). On this issue, Russia lags well behind almost all of the other benchmark countries: only around 20 % of men and women feel that there are good opportunities for a startup, compared to roughly 30 to 70 % of men and women elsewhere. Not surprisingly, Russians' view that there is a dearth of opportunity strongly affects potential entrepreneurship. Only around 2 % of Russian men and women report that they intend to start a business within the next 3 years. These scores place Russia well below the benchmark countries, especially other BRICS (Table 3, column C).

Table 3

Ease of starting, perceived opportunity for, and intention to start a business

Countries	A Easy to start a business			B Opportunity in local area			C Intend to start a business		
	Men	Women	Ratio W/M	Men	Women	Ratio W/M	Men	Women	Ratio W/M
Russian Federation	33.1 %	22.2 %	0.7	22.3 %	23.3 %	1.0	2.1 %	2.3 %	1.1
W. Europe / U. S.									
France	35.9 %	35.5 %	1.0	43.8 %	26.5 %	0.6	23.6 %	14.1 %	0.6
Germany	56.0 %	49.5 %	0.9	45.7 %	37.9 %	0.8	8.2 %	3.5 %	0.4
U. K.	59.4 %	46.0 %	0.8	48.4 %	39.5 %	0.8	9.4 %	5.3 %	0.6
U. S.	48.5 %	68.2 %	1.4	74.0 %	65.7 %	0.9	12.8 %	11.6 %	0.9
Visegrad									
Poland	24.1 %	13.5 %	0.6	69.4 %	67.5 %	1.0	10.2 %	8.8 %	0.9
Slovak Republic	74.2 %	73.8 %	1.0	42.7 %	32.0 %	0.7	16.6 %	11.1 %	0.7
BRICS									
Brazil	53.0 %	49.9 %	0.9	33.6 %	29.3 %	0.9	26.3 %	25.8 %	1.0
China	19.4 %	13.3 %	0.7	38.2 %	31.7 %	0.8	16.7 %	13.8 %	0.8
India	18.3 %	17.6 %	1.0	54.7 %	44.4 %	0.8	21.8 %	19.6 %	0.9

GEM combines the startup stage of entrepreneurial activity — people in the process of starting a business and those with businesses operating less than 3 ½ years — into a measure of “total early entrepreneurial activity” (TEA). On this measure, men in Russia outdistance women, 7.3 % to 3.9 %, a pattern evident in all the benchmark countries (Table 4, column A). Much of the same pattern holds for other benchmark countries; but the difference with other BRICS is again notable. On average, about twice as many men, and more than twice as many women in BRIC countries are engaged in business startups, compared to men and women in Russia.

Table 4

Entrepreneurial activity

Countries	A. % Engaged in total early entrepreneurial activity (TEA)			B. % Operating an established business		
	Men	Women	Ratio W/M	Men	Women	Ratio W/M
Russian Federation	7.3 %	3.9 %	0.5	5.2 %	4.6 %	0.9
W. Europe / U. S.						
France	7.0 %	5.3 %	0.8	3.1 %	1.8 %	0.6
Germany	6.6 %	3.3 %	0.5	9.4 %	5.5 %	0.6
U. K.	11.1 %	5.4 %	0.5	8.8 %	4.0 %	0.5
U. S.	17.7 %	13.6 %	0.8	10.4 %	5.4 %	0.5
Visegrad						
Poland	6.0 %	4.5 %	0.8	15.6 %	10.4 %	0.7
Slovak Republic	15.2 %	9.0 %	0.6	6.2 %	3.0 %	0.5
BRICS						
Brazil	18.5 %	17.3 %	0.9	23.4 %	17.2 %	0.7
China	11.4 %	9.3 %	0.8	3.7 %	2.6 %	0.7
India	14.0 %	8.7 %	0.6	8.9 %	5.0 %	0.6

For TEA entrepreneurs, questions also include the motives that prompted people to start businesses, focusing on two general though not mutually exclusive reasons — necessity or opportunity. Necessity primarily involves the inability to find other paid work, while opportunity reflects a desire to be independent or to increase one’s income. The results [Bosma, Kelley, 2019: 23—24] show that the necessity motive is more common in countries with lower levels of national income. That is reflected in the data, as necessity looms larger among respondents in Russia and the other BRICS than it does in West European countries and the U. S. [Elam et al., 2019: 100—101]. (The data are not shown here.)

In nearly all cases, women are more likely than men to say necessity, and the rate for Russian women is higher at 51.2 % than all other benchmark countries. This can prove to be an inhibiting factor in SME development, since opportunity-driven motivation tends to spur business growth, while necessity-driven motives tend to do the opposite [Verkhovskaia et al., 2020: 60]. However, initial startup decisions are often driven by both types of motives, and opportunity tends to replace necessity as businesses become more established [Williams, 2008].

Survey responses on established businesses, those more than 3 ½ years old, resemble those for TEA. The 5.2 % participation rate for Russian men is lower than

most of their peers, while Russian women's participation rate is somewhat closer to the average for other benchmark countries (Table 4, column B). But the Russian case is closer to gender equality, with the ratio of women to men at 0.9.

Overall, men and women in Russia seem very favorable to business as a career and a high-prestige occupation, and their views are similar to those in many other benchmark countries. But the data suggest that starting a business in Russia poses a difficult task in citizens' minds. Only about a third of Russian men see it as easy; and only about 20 % of women say the same (Table 3, column A). Russians are relatively low on perceived opportunity, on intentions to launch a business; and on early and established entrepreneurial activity. And this raises questions about the context for starting up and running a business.

Barriers to entrepreneurship

Federal programs to overcome barriers and spur SME growth predate President Putin's elevation of SMEs as a national priority. These have involved subsidies to regional governments to establish business incubators and provide start-up grants, specialized training, assistance in securing leases and new equipment, and other supportive measures [Iakovleva et al., 2013]. But the SME sector, as Putin noted in 2018, has remained relatively underdeveloped. And there has been a continuing gender gap in entrepreneurship. Few government programs have focused specifically on women, and where women-oriented programs do exist, they have mostly been sponsored by Russian NGO's, international donors, and/or some western countries [Izyumov, Razumnova, 2000]⁵.

Thus, reducing barriers to starting new enterprises and to female entrepreneurship remain as major tasks for Russia. With respect to obstacles facing new SMEs, GEM's expert assessments provide a window onto elements of the ecosystem that are especially problematic. Experts' responses are combined into scales measuring whether countries encourage the development of small and medium-sized businesses. And a summary of the ratings, the "National Entrepreneurship Context Index" (NECI), combines scores on 12 key framework conditions, covering factors such as the level of government support and favorable policies; access to finance; and openness of the local environment (i.e., whether there is a level playing field for business startups), among others (Table 5, column E).

Russian expert ratings in 2019 were lower than those for benchmark countries on several key issues. Russia's national team assigned a negative mark (below 5 on a scale running from 1 to 9; Table 5, columns A—D) to all areas except for physical infrastructure and internal market dynamics. The team viewed government policy as the most important negative factor — the overgrown bureaucracy, high taxes coupled with harsh administration, frequent changes of the rules of the game, and more. Problems with corruption and lack of access to capital were also rated as serious concerns.

⁵ A notable exception is the training program "Mama Entrepreneur", organized by Opora's Committee on the Development of Women's Entrepreneurship. Offered in many localities, the program enjoys a partnership with the state, as its graduates are specifically cited as eligible for credit in the Federal Corporation MSP (Small and Medium Sized Enterprise)'s special program of credit guarantees for women entrepreneurs.

Accordingly, we will turn our attention to Russian entrepreneurs' interactions with state agencies and officials (including experiences with corruption), to gaining access to financing, and to the question of gender differences in these areas.

Table 5

Expert ratings of economic/institutional context for SMEs (2019)

Countries	A Entrepreneurial financing	B Government policies: Support & relevance	C Government policies: Taxes and bureaucracy	D Burdens or entry regulations	E National Entrepreneur- ship Context index
Russian Federation	3.30	3.74	3.30	3.17	4.6
W. Europe / U. S.					
France	4.68	5.86	5.34	3.92	5.6
Germany	4.75	4.28	4.34	5.14	5.4
U. K.	4.98	3.39	4.89	4.44	4.9
U. S.	5.95	4.17	4.68	4.74	6.0
Visegrad					
Poland	5.24	4.88	3.15	4.29	5.2
Slovak Republic	4.79	2.41	2.89	4.57	4.3
BRICS					
Brazil	4.80	2.77	2.03	3.65	4.2
China	4.60	4.79	4.46	4.41	5.6
India	5.65	6.33	4.71	5.26	6.2

Responses for questions in Columns A—D are scaled 1 to 9, where 1 = most negative, and 9 = most positive assessment. Column E is scaled 1 to 10, where 1 = most negative, and 10 = most positive score. Note that the scale in column E includes several other indicators besides those in columns A—D.

Source: [Bosma, Kelley, 2019: 58—59, 65—114].

Interactions with state agencies and officials

Entrepreneurs' accounts of red tape and confusing, conflicting or changing regulations are commonplace. While the past two decades have witnessed efforts to reduce bureaucratic burdens, such as simplifying registration procedures and imposing moratoria on inspections, some officials have quietly introduced new forms of reports and instructions [Putin, 2018b]. These include, for example, informal or unplanned inspections to circumvent limits on scheduled or formal inspections. This adds to other, persistent bureaucratic obstacles, involving various permits, accreditations, fire safety, sanitary conditions, office space, and interaction with tax officials [Krylova, 2018].

The 2019 World Bank Enterprise Survey of business owners and senior managers offers additional evidence on this score, and on potential differences in male and female owners/managers' interactions with government agencies. It asks respondents to report what percentage of time in a typical week over the past year was spent dealing with government regulations (taxes, licensing, completing forms, etc.). Russia's

score of 5.6 % (for small, medium and large enterprises combined) is within the range for the Visegrad countries and the BRICS, as scores in these benchmark countries ranged from the low single digits to nearly 17 % (Western European countries and the U. S. were not included in the study). And in virtually all the cases gender differences are minimal.

But this picture would not be complete without considering the extent to which bureaucratic contacts convey the threat of predatory behavior on the part of officials. For example, the 2019 Enterprise Survey asks owners/managers whether firms like theirs make informal payments or give gifts to public officials to “get things done” with respect to customs, taxes, licenses, regulations, services, etc. Here, the Russian case proves an outlier: 26.8 % of firms acknowledged bribe requests or payments, while the scores in most benchmark countries ranged from around 2 % to roughly 12 %⁶.

For Russia and for most benchmark countries, men and women report roughly identical responses regarding the role of extra payments or gifts as part of doing business [Compare economies... , 2020]. Although some studies argue that Russian female entrepreneurs are less inclined to engage in corrupt practices [Krylova, 2018], the Enterprise Survey data suggest that for those engaged in business ventures, adaptation — seeing to the survival of your business — compels similar behavior. What we cannot assess, however, is whether concerns about corruption have a differential gender impact on decisions to take initial steps toward entrepreneurship.

Access to financing

The availability of affordable capital is another major concern for entrepreneurs in Russia, as well as for their counterparts in most benchmark countries (Table 5, column A). Research on Russia notes that it can be particularly difficult to get external financing (i. e., funds from formal institutions or venture capitalists rather than using one’s own or family resources). Russia reportedly has fewer overall financial intermediaries available to provide funds than do other middle-to-high-income countries, so external financing comes predominantly from banks [Gorshkov, 2017]. And some research on SMEs reports that banks, mostly government-owned, tend to be relatively risk-averse when it comes to startups, preferring to fund more established firms instead [Iakovleva et al., 2013]. Prior research also notes other factors that dissuade entrepreneurs from seeking external sources of financing: high interest rates; complicated application procedures; fear of predation by some lenders; and more [Gorshkov, 2017]⁷.

Cross-national evidence on gender and SMEs notes that women entrepreneurs are less likely than men on average to seek external financing, due to more reluctance than men to take on debt; owning less collateral to put up for a loan; and launching and running somewhat smaller operations than men do (with fewer employees and lower revenue), requiring less up-front financing.

⁶ The data for Russia, Poland, and Slovakia are for 2019; for India, 2014; for China, 2012, for Brazil, 2009.

⁷ Note, though, that bankers and officials dealing with SMEs who were interviewed by Iakovleva, Solesvik and Trifilova expressed concern because many applicants for funding lacked systematic data on their firm’s operations and well-grounded projections of upcoming business activity, and/or had misfiled application documents [Iakovleva et al., 2013]. And they noted instances when funding was available but there were too few completed applications to support.

While evidence is rather sparse on gender differences in actual applications, loans received, and interest rates, fieldwork in Nizhny Novgorod and Moscow by Iakovleva, Solesvik and Trifilova suggests that women are less likely to apply for external funding [Iakovleva et al., 2013]. If they do apply, women are reportedly as likely as men to receive it. The authors do find one important exception, however: bankers who were interviewed for the project expressed reluctance to lend to single mothers with small children, out of concern that the ventures would not succeed.

Expert and owner/manager survey responses thus indicate that the ecosystem poses some serious challenges for budding entrepreneurs. While the context in many benchmark countries is also rated as relatively poor (Table 5), the ratings suggest that the context is especially difficult for SMEs in Russia. They also suggest that for many aspects of the context, men and women entrepreneurs face similar challenges.

Women, legal protections, and political empowerment

Other elements of the context can, however, have differential effects for women and men entrepreneurs — especially elements related to the legal system and to political empowerment. For example, demonstrate that countries ranking high on both rule of law and women’s political empowerment have the highest rates of female entrepreneurship [Goltz et al., 2015]. The authors suggest that greater political representation can increase access to key resources for women entrepreneurs and can potentially reduce the odds of discrimination by financial, legal and regulatory institutions. It can also generate networks of officials who might be particularly responsive to questions and concerns from female business owners. In addition, stronger rule of law can foster a more level playing field for SMEs, and reduce the odds of corruption.

As Goltz et al. demonstrate, Russia scores well below most benchmark countries on both political empowerment for women and rule of law [ibid.]. Additional evidence on the legal system shows Russia with fewer protections for women in the economic sphere than almost all other benchmark states.

Conclusion

In sum, compared to peers in the benchmark countries, both genders in Russia face more serious obstacles to launching a new business, from the availability of financing to internal market openness. Russia’s gender patterns, however, are somewhat distinctive: Russian women, unlike their benchmark counterparts, are just as likely as men to perceive (lack of) opportunity in their local area and to express similar (relatively low) levels of intention to start a business. But they do not follow through, trailing men as early-stage entrepreneurs; and they lack self-confidence in their ability to start and run a business to a greater extent than their benchmark counterparts. These gender patterns appear particularly anomalous in that Russian women have high levels of educational and labor force achievement and express a high regard for entrepreneurship as a good and as a high-status career.

Some recent statements and initiatives by the Russian federal government suggest an increasing recognition of the value of encouraging more women to become entrepreneurs. At the 2017 BRICS conference, President Putin (as cited in RIA “Novosti”, 2017) acknowledged that many countries around the world call for the development

of women's entrepreneurship, which he labeled "an important, correct thing". The Federal Corporation MSP (Small and Medium Sized Enterprises), an agency founded in 2015 to boost the SME sector, introduced a special program of credit guarantees in 2017 for women entrepreneurs. In addition, Russia's National Strategy for Women 2017—2022 includes a call for state support for women in the SME sector.

These steps have, however, met with a marked slowdown in the implementation of Russia's national projects, a rebooting that began in the context of slow economic growth in 2019 and was followed by the COVID pandemic with its devastating impact on economic well-being and the SME sector⁸. Budgetary shortfalls make it all the more imperative that federal programs not waste resources, that they be well-designed and serve to accelerate SME growth, with special attention directed toward women. Here, future public policy-oriented research can assist in ascertaining the most effective strategies.

One question, for example, is how regional and local conditions affect individuals' perceptions of business opportunities and engagement in entrepreneurship. Given the diversity across Russia's federal subjects in income levels, urbanization, employment, and quality of governance, and other conditions, systematic cross-region research can highlight the key factors that generate higher rates of entrepreneurship and possibly different ratios of women to men business owners. Such analyses could identify areas and models that have been more successful in promoting entrepreneurship, and in encouraging women to launch businesses⁹.

Another question relates to the incentives for individuals to start a business. Some research shows, for example, that women tend to cite flexibility of working conditions and hours as a main incentive for starting a business, to allow a balance between work and family life. And flexibility is seldom if ever mentioned as a motive by men with similar qualifications [DeMartino, Barbato, 2003]. If it is central to women's motives, it would help to explain why women-owned and operated businesses tend to be smaller in scale, since small size would afford an owner greater flexibility.

In addition, future research could explore the implications of digitalization for SMEs in general and for women's entrepreneurship. Some studies have noted the difficulties small businesses face in keeping technology updated, and in having sufficient staff to manage online reporting, advertising and other tasks (see, e. g.: [The Missing Entrepreneurs... , 2019]). But there is also another side to digitalization: the provision of access to ecommerce platforms for SMEs to sell their goods and services online. The emergence of multiple such platforms in other countries in recent years seems especially likely to benefit smaller and women-owned businesses. Russia's retail sales online were expanding rapidly pre-pandemic and now have soared due to the coronavirus. For women to take advantage of this source of potential growth, training programs like the Women Digital Academy, offered jointly by Opora's Committee on the Development of Women's Entrepreneurship and Google Russia, could play

⁸ As of this writing, in December 2020, the list of national projects has been reduced, and their target dates have been moved from 2024 to 2030. The national project to expand SMEs has been retained, with a 2030 target date [Rubchenko, 2020].

⁹ One recent study, for example, shows that improvements in the regulatory environment and a decrease in administrative barriers lead to a healthier SME sector [Krylova, 2019: 44—71].

a key role. That program provides a free series of webinars across a host of issues related to exploiting the internet as an important aspect of entrepreneurial activity.

However, analysis by the OECD suggests that any single initiative that tackles one particular issue is less effective than a multi-faceted set of policies implemented together [ibid.]. Such a package would include coordinating policies across banks, taxation, labor, and health; publicizing stories about entrepreneurs who started from scratch; publicizing government programs and how to access them and focusing the information in media outlets and other venues where women are most likely to see it; using diverse forms of outreach to get information to women about opportunities for training/consultation; and promoting support networks for women entrepreneurs. Publicity — throwing a spotlight — on existing opportunities as well as expanding those opportunities is crucial: surveys suggest that women generally are unaware of the options available to them.

Finally, greater efforts to tackle gender stereotypes could open a wider array of entrepreneurial opportunities for women¹⁰. That especially holds in STEM fields, where the government places a high priority on technological innovation and its contribution to economic policy [Ilimbetova, 2020; Savinskaia, Lebedeva, 2020]. The expansion of digital work from home could encourage women to start businesses in areas such as computer science and engineering.

All of these proposals may seem ambitious, but improvements in the context of entrepreneurship could deliver big dividends. Expanding the SME sector and drawing more women into starting their own businesses, can spur economic growth, employment and economic well-being. The population, particularly women, regard entrepreneurship as a good and prestigious career, as much as or more so than in the benchmark countries we studied. That foundation suggests that a concerted effort to encourage women entrepreneurs and to improve the context for SMEs could unleash considerable pent-up energy and talent.

References

- Acs, Z., Desai, S., Klapper, L. (2008) What does “entrepreneurship” data really show?, *Small Business Economics*, vol. 31, no. 3, pp. 265—281.
- Bosma, N., Kelley, D. (2019) *Global Entrepreneurship Monitor: 2018/2019 Global Report*, London, UK: Global Entrepreneurship Research Association, London School of Business, available from <https://www.gemconsortium.org/file/open?fileId=50213> (accessed 11.11.2020).
- Bosma, N. et al. (2020) *Global Entrepreneurship Monitor 2019/2020 Global Report*, London, UK: Global Entrepreneurship Research Association, available from <https://www.gemconsortium.org/report/gem-2019-2020-global-report> (accessed 11.11.2020).
- Business (2014), *Levada Center*, 13 November, available from <https://www.levada.ru/en/2014/11/13/business> (accessed 30.07.2019).
- Compare economies and topic (2020), *Enterprise Surveys*, World Bank, available from <https://www.enterprisesurveys.org/en/custom-query> (accessed 26.10.2020).

¹⁰ As Voronina notes, countering stereotypes would involve a shift in Russian policy, which currently places more emphasis on women as mothers [Voronina, 2020: 8].

- DeMartino, R., Barbato, R. (2003) Differences between women and men MBA entrepreneurs: exploring family flexibility and wealth creation as career motivators, *Journal of Business Venturing*, vol. 18, iss. 6, pp. 815—832, available from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S088390260300003X> (accessed 18.11.2020).
- Development of Women's Entrepreneurship is a Recognized Global Trend* (2017), 31 May, available from <http://eawfpress.ru/en/development-of-women-s-entrepreneurship-is-a-global-trend/> (accessed 18.09.2017).
- Djankov, S. et al. (2005) Who are Russia's entrepreneurs?, *Journal of the European Economic Association*, vol. 3, iss. 2—3, pp. 587—597.
- Elam, A. et al. (2019) *Global Entrepreneurship Monitor: 2018/2019 Women's Entrepreneurship Report*, London, UK: Global Entrepreneurship Research Association, London Business School, available from <https://www.gemconsortium.org/file/open?fileId=50405> (accessed 11.11.2020).
- Feinberg, A. (2019) Rosstat v pervye raskryl doliu malogo i srednego biznesa v ekonomike [Rosstat for the first time revealed the shares of small and medium-sized businesses in the economy], *Ėkonomika*, 5 fevralia, available from <https://www.rbc.ru/economics/05/02/2019/5c5948c59a794758389cfd7?from=newsfeed> (accessed 11.11.2020).
- Goltz, D. et al. (2015) Political empowerment, rule of law and women's entry into entrepreneurship, *Journal of Small Business Management*, vol. 53, iss. 3, pp. 605—626, available from <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jsbm.12177> (accessed 14.11.2020).
- Gorshkov, V. (2017) Financial inclusion in Russia: challenges for the promotion of long-term savings and investment, *Journal of Comparative Economic Studies*, vol. 12, pp. 121—133.
- Iakovleva, T., Solesvik, M., Trifilova, A. (2013) Financial availability and government support for women entrepreneurs in transitional economies: cases of Russia and Ukraine, *Journal of Small Business and Enterprise Development*, vol. 20, iss. 2, pp. 314—340, available from <https://core.ac.uk/download/pdf/52065235.pdf> (accessed 08.11.2020).
- Ilimbetova, A. A. (2020) Uchastie zhenshchin Rossii v STEM-biznese [Participation of Russian women in STEM business], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 52—61.
- Izyumov, A., Razumnova, I. (2000) Women entrepreneurs in Russia: learning to survive the market, *Journal of Developmental Entrepreneurship*, vol. 5, iss. 1, pp. 1—19.
- Kolesnikov, A., Volkov, D. (2019) Pragmatic paternalism: the Russian public and the private sector, *Carnegie Moscow Center*, available from <https://carnegie.ru/commentary/78155> (accessed 24.01.2019).
- Krylova, Yu. (2018) *Corruption and the Russian Economy: How Administrative Corruption Undermines Entrepreneurship and Economic Opportunities*, London: Routledge.
- Modest Growth; Focus on Informality: Russia Economic Report* (2019), World Bank Group, June, available from <http://hdl.handle.net/10986/31933> (accessed 23.11.2020).
- Pin'kovetskaia, Iu. (2019) Predprinimatel'skaia aktivnost' zhenshchin v sovremennoi ekonomike [Entrepreneurial activity of women in the modern economy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 40—51.
- Poll: Russians are certain women's business talents are in no way inferior to men's (2016), *TASS*, 4 March, available from <http://tass.ru/en/society/860623> (accessed 05.10.2018).
- Putin, V. (2018a) *Presidential Address to the Federal Assembly*, 1 March, available from <http://en.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed 12.11.2020).
- Putin, V. (2018b) *Small Business as a National Project Forum*, 23 October, available from <http://en.kremlin.ru/events/president/news/58879> (accessed 12.11.2020).
- Rubchenko, M. (2020) Putin otlozhil srok realizatsii natsproektov [Putin postponed the deadline for the implementation of national projects], *Vedomosti*, 14 July, available

from <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/07/13/834504-prezident-otlozhil-natsproekti> (accessed 05.12.2020).

Russia: Modernising the Economy (2013), Paris: OECD Publishing.

Russia's small businesses contribute just 20 % of economy (2020), *The Moscow Times*, 28 January, available from <https://www.themoscowtimes.com/2020/01/28/russias-small-businesses-contribute-20-percent-russia-economy-a69063> (accessed 05.02.2020).

Savinskaia, O. B., Lebedeva, N. V. (2020) Pochemu zhenshchiny ukhodiat iz STEM: rol' stereotipov [Why women leave STEM: the role of stereotypes], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 62—75.

The Missing Entrepreneurs: Policies for Inclusive Entrepreneurship (2019), Paris: OECD Publishing, available from <https://www.oecd.org/industry/the-missing-entrepreneurs-43c2f41c-en.htm> (accessed 05.11.2020).

Tsyganova, T., Shirokova, G. (2010) Gender differences in entrepreneurship: evidence from GEM data, *Organizations and Markets in Emerging Economies*, vol. 1, no. 1, pp. 120—141.

Verkhovskaia, O. R. et al. (2020) *Global'nyi monitoring predprinimatel'stva: Rossiia 2019/2020: Natsional'nyi otchet* [Global entrepreneurship monitoring: Russia 2019/2020: National report], available from <https://www.gemconsortium.org/file/open?fileId=50488> (accessed 11.11.2020).

Voronina, O. A. (2020) Post-Pekin: rossiiskaia gendernaia politika v mezhdunarodnom kontekste [Post-Beijing: Russian gender policy in the international context], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—13.

Williams, C. (2008) Beyond necessity-driven versus opportunity-driven entrepreneurship: a study of informal entrepreneurship in England, Russia and Ukraine, *International Journal Entrepreneurship and Innovation*, vol. 9, iss. 3, pp. 1—9.

Women, Business and the Law: Dataset (2020), World Bank, available from <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/women-business-and-law> (accessed 05.11.2020).

Статья поступила 14.01.2021 г.

Information about the authors / Информация об авторах

Nechemias Carol — Dr. Sc., Associate Professor Emerita of Political Science and Public Policy, School of Public Affairs, Pennsylvania State University, Harrisburg, Middletown, PA, USA, c4n@psu.edu (почетный доктор политических наук и государственной политики, Школа по связям с общественностью, Университет штата Пенсильвания, г. Гаррисберг, Миддлтаун, США).

Bahry Donna — Dr. Sc. (Political Science), Professor at Political Science Department, Pennsylvania State University, University Park, USA, DBahry@psu.edu (доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Университет штата Пенсильвания, Университетский парк, США).

Woman in Russian Society
2021. No. 2. P. 80—89
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.6

Женщина в российском обществе
2021. № 2. С. 80—89
ББК 72.6(2Рос)
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.6

ЖЕНЩИНЫ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ КАК ПОТЕНЦИАЛ ЕЕ РАЗВИТИЯ

В. Г. Доброхлеб^{a, b}

^a Институт социально-экономических проблем народонаселения,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, vdobrokhleb@mail.ru

^b Институт демографических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия

Целью исследования является рассмотрение современного кадрового потенциала российской науки с учетом его гендерного аспекта. 2021 год объявлен Годом науки и технологий в России. Проблемы и направления развития кадрового потенциала высокоактуальны. Показано, что существует четыре вызова в сфере кадрового потенциала российской науки: различие тенденций формирования научных кадров в России и за рубежом, их старение, недостаточный уровень оплаты труда, слабое внимание к гендерной составляющей научных кадров. При этом необходимо отметить, что в России женщин-исследовательниц значительно больше, чем в других странах. Например, в 2018 г. во всем мире только три исследователя из десяти (28,8 %) являлись женщинами. Однако и в России сложился гендерный дисбаланс научных кадров, при котором доля женщин, занятых исследованиями, меньше, чем доля мужчин. Этот разрыв продолжает нарастать. Например, в 2016 г. число женщин, работающих в сфере науки, составляло 66,8 % от числа мужчин, а в 2019 г. — уже 64,1 %. Особого внимания требует реализация рекомендаций ЮНЕСКО «О статусе научно-исследовательских работников».

Ключевые слова: вызовы для научно-технологического развития, кадровый потенциал российской науки, гендерный аспект.

WOMEN IN RUSSIAN SCIENCE AS A POTENTIAL FOR ITS DEVELOPMENT

V. G. Dobrokhleb^{a, b}

^a Institute of Socio-Economic Studies of Population,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, vdobrokhleb@mail.ru

^b Institute for Demographic Research,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

The purpose of this study is to consider the current human resource potential of Russian science, taking into account its gender aspect. The year 2021 has been declared the Year of Science and Technology in Russia. The problems and directions of human resources development are highly relevant. It is shown that there are four challenges in the field of human scientific potential of Russia, including: the difference in the vectors of the formation of scientific personnel in Russia and abroad; the aging of scientific personnel; the level of remuneration; insufficient attention to the gender component in science. At the same time, it should be noted that there are significantly more women researchers in Russia than in the world. For example, in 2018, only three out of ten (28,8 %) researchers worldwide were women. However, in Russia there is a gender imbalance of scientific personnel, in which the proportion of women is less than the proportion of men engaged in research. This gap continues to grow. For example, in 2016, women accounted for 66,8 % of the number of men employed in this field, and in 2019 this ratio was already 64,1 %. Special attention should be paid to the implementation of UNESCO guidelines: “On the status of research workers”.

Key words: challenges of scientific and technological development, human resources potential of Russian science, gender aspect.

Введение

Целью данного исследования является рассмотрение современного кадрового потенциала российской науки с учетом его гендерного аспекта. 2021 год объявлен Годом науки и технологий в России. Проблемы и направления развития кадрового потенциала высокоактуальны. Это обусловлено дополнительными возможностями общественных, научных и политических дискуссий о роли российской науки и повышении ее кадрового потенциала с учетом гендерного аспекта.

В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации показано, что, несмотря на существенный задел по ряду фундаментальных научных разработок, в целом направления научного поиска в большей степени соответствуют актуальным направлениям последних десятилетий XX в. В документе четко определены «большие вызовы» для научно-технологического развития России. Их семь¹:

— невозможность экономического роста, основой которого остается экстенсивная эксплуатация невозобновляемых сырьевых ресурсов;

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71451998/> (дата обращения: 10.02.2021).

— демографический переход, связанный в числе прочего с увеличением продолжительности жизни людей, изменением их образа жизни, трансформацией возрастной структуры населения, что обуславливает новые социальные и медицинские проблемы;

— возрастание антропогенных нагрузок на окружающую среду до масштабов, угрожающих экологическому разнообразию;

— необходимость обеспечения продовольственной безопасности России;

— изменение качества глобальных и локальных энергетических систем;

— новые внешние и внутренние угрозы национальной безопасности (военные угрозы, угрозы потери национальной и культурной идентичности российских граждан);

— потребность в эффективном освоении и использовании пространства и преодолении разрывов в социально-экономическом развитии регионов, усилении роли России в экономическом, научном и военном освоении космоса, воздушного пространства, Мирового океана, Арктики и Антарктики.

Определяющая роль в преодолении «больших вызовов» принадлежит российской науке. Основные направления и меры реализации государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации связаны с научными кадрами и человеческим капиталом. Особое внимание направлено на выявление талантливой молодежи, создание для этой возрастной группы приоритетных условий построения успешной карьеры в области науки, технологий, инноваций. Планируется поэтапное увеличение затрат на исследования и разработки и доведение их до уровня не менее 2 % от объема ВВП².

Некоторые результаты политики реализации Стратегии научно-технологического развития в нашей стране

Исследователи отмечают, что существует четыре группы наиболее востребованных показателей, характеризующих динамику научно-инновационной деятельности: данные об изменениях в сфере исследований и разработок (в том числе затраты на исследования и разработки, численность исследовательского персонала и др.); статистика регистрации патентов; сведения о научных публикациях и цитируемости; система платежей, показывающая международный трансфер инновационных технологий [Миндели и др., 2018: 5].

Выделим основополагающее, с нашей точки зрения, направление в структуре формирования инновационного знания. Ядром любого научно-технического прорыва являются кадры исследователей, их численность и качество, инфраструктурное обеспечение, уровень финансовых затрат, направленных на развитие человеческого капитала. В докладе Счетной палаты РФ за 2020 г. проанализировано финансовое обеспечение науки и показано, что оно недостаточно для вхождения России в пятерку ведущих научных стран мира. Так, по доле расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в объеме ВВП наша страна занимает 28-е место. В России в 2017 г. эти расходы составили 1,10 против 1,05 % в 2000 г. В Южной Корее — 4,55 %, в Японии — 3,21 %, в Германии — 3,04 %, в США — 2,79 %, в Великобритании — 1,66 %, в Китае — 2,15 %; в среднем по странам — членам ОЭСР — 2,37 %. Расходы

² Там же.

в России на исследования в 3—4 раза меньше, чем в странах, имеющих такой же объем ВВП³. При этом финансирование науки, например, в 2018 г. составило лишь около 86 % в сопоставимых ценах от этих затрат РСФСР в 1991 г.

При движении к электронно-цифровому обществу именно человеческий потенциал, его качество, становится основополагающим фактором социально-экономической эффективности. Повышается актуальность поддержания масштабов и структуры российского научного потенциала, необходимого для вхождения страны в число лидеров научной гонки. В настоящее время по общей численности исследователей (около 360 тыс. чел.) Россия и Германия делят четвертое-пятое место в мировом рейтинге. Вместе с тем высокое положение России по числу сотрудников, занятых исследованиями и разработками, сложно сохранять (99 человек на 10 тыс. работающих в экономике). Другой важнейшей характеристикой кадрового потенциала науки является возрастная структура исследователей⁴.

Рассмотрим динамику показателей кадрового обеспечения российской науки. Базовая проблема современной российской науки — уменьшение численности персонала, занятого исследованиями и разработками. *Первым существенным вызовом в сфере кадрового научного потенциала* является различие тенденций формирования научных кадров в России и за рубежом. Их численность в экономически развитых странах с начала XXI в. устойчиво увеличивалась. Самый существенный рост наблюдался в Ирландии, Корее, Португалии. В Германии, Великобритании и Франции он был умеренным — от 20 до 40 %. Наша страна стала исключением из мирового тренда, связанного с наращиванием кадрового научного потенциала. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в России за период 2005—2016 гг. уменьшилась более чем на 11 % [там же: 11]. Эта тенденция сохранилась и после принятия Стратегии, связанной с необходимостью преодоления «больших вызовов»: с 2016 по 2019 г. численность исследователей сократилась еще на 6 %.

Недостаточное внимание к гендерной составляющей

Второй существенный вызов в сфере формирования научных кадров, который характерен не только для России, это недостаточное внимание к их гендерной составляющей. В основополагающих документах по проблемам научно-технологического развития нашей страны гендерная тематика не рассматривается. Анализ показывает, что если за период 2016—2019 гг. число мужчин-исследователей уменьшилось на 4,5 %, то число женщин-исследовательниц сокращалось почти в два раза быстрее и достигло 8,3 % (табл. 1).

³ Отчет о промежуточных результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг хода реализации мероприятий национального проекта “Наука”, необходимых для выполнения задач, поставленных в указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 “О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года”» / Счетная палата Российской Федерации. 2020. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/5a5/5a58a9ddd73fefb7df5c0435b4a16d96.pdf> (дата обращения: 24.02.2021).

⁴ О реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и важнейших научных достижениях российских ученых в 2018 году. URL: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=5c5570fc-cc50-40e9-a703-2f118aaebb49> (дата обращения: 22.02.2021).

Таблица 1

**Численность в России аспирантов, докторантов, исследователей
и доля мужчин и женщин в их составе (2016—2019 гг.)⁵**

Численность	2016 г.	2019 г.	Отношение численности женщин к численности мужчин, %	
			2016 г.	2019 г.
Аспирантов	98352	84265	125,0	79,7
В том числе:				
мужчин	43709	46890		
женщин	54643	37375		
Докторантов	921	955	97,6	85,4
В том числе:				
мужчин	466	515		
женщин	455	440		
Исследователей	370379	348221	66,8	64,1
В том числе:				
мужчин	222043	212147		
женщин	148336	136074		
Докторов наук	27430	24844	35,3	37,2
В том числе:				
мужчин	20288	18097		
женщин	7142	6747		
Кандидатов наук	80958	75068	71,8	72,6
В том числе:				
мужчин	47096	43474		
женщин	33862	31594		

При этом необходимо отметить, что в России женщин-исследовательниц значительно больше, чем в других странах. Например, по сведениям ЮНЕСКО, в 2018 г. только три исследователя из десяти (28,8 %) во всем мире являлись женщинами⁶. Однако и в России сложился гендерный дисбаланс научных кадров: доля женщин, занятых исследованиями, меньше, чем доля мужчин. И этот разрыв продолжает расти. Например, в 2016 г. число женщин, работающих в сфере науки, составляло 66,8 % от числа мужчин, а в 2019 г. — уже 64,1 %.

⁵ Рассчитано по: Наука, технологии и инновации России, 2020: краткий статистический сборник / В. П. Заварухин, О. А. Соломенцева, М. А. Солопова и др. М.: Ин-т пробл. развития науки РАН, 2020. С. 31—33.

⁶ Женщин-ученых меньше, чем мужчин. Дело в дискриминации? Различиях полов? Или в чем-то еще? URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/6100463> (дата обращения: 10.02.2021).

В науке не преодолен «стеклянный потолок». Не достигнут паритет в соотношении численности среди наиболее квалифицированных научных кадров — докторов и кандидатов наук. В 2019 г. женщин — докторов наук было почти в три раза меньше, чем мужчин, женщин — кандидатов наук на треть меньше (табл. 2).

Таблица 2

Численность исследователей в России и динамика ее изменения за период 2016—2019 гг.⁷

Численность	Годы				Отношение численности в 2019 г. к численности в 2016 г., %
	2016	2017	2018	2019	
Исследователей	370379	359793	347854	348221	–6
В том числе:					
мужчин	222043	217503	211423	212147	–4,5
женщин	148336	142290	136431	136074	–8,3
Докторов наук	27430	26076	25288	24844	–9,5
В том числе:					
мужчин	20288	19260	18559	18097	–10,8
женщин	7142	6816	6729	6747	–5,6
Кандидатов наук	80958	77251	75042	75068	–7,3
В том числе:					
мужчин	47096	44986	43539	43474	–7,7
женщин	33862	32265	31503	31594	–6,7

В Российской академии наук доля женщин составляет 7 %. Из 1971 академика и члена-корреспондента лишь 157 женщин. Среди руководителей научных институтов их только 12 %, а среди ректоров вузов — 25 %⁸. Не в пользу женщин изменилось соотношение численности аспирантов и аспиранток, если в 2016 г. аспиранток было на четверть больше, то в 2019 г. их доля сократилась до 79,7 %. Несмотря на некоторый прогресс, «стеклянный потолок» по-прежнему препятствует карьерному росту женщин в научной среде.

Третий существенный вызов — старение научных кадров. В 2019 г. доктора наук в возрасте 60—69 лет составляли 33,8 % от их общего числа, а в возрасте 70 лет и старше — 36,7 %. Среди кандидатов наук наиболее многочисленной возрастной группой является группа 30—39 лет (27,4 %)⁹. Для российской науки ключевой задачей становится нахождение баланса между численностью исследователей разных возрастов. При этом эйджистские стереотипы в данной сфере особенно опасны.

Четвертым системным вызовом для развития кадрового потенциала науки остается недостаточный уровень оплаты труда. Характерным примером стало обсуждение оплаты труда, инициированное лауреатом престижной научной

⁷ Рассчитано по: Наука, технологии и инновации России... С. 31—33.

⁸ «Важные истории»: в Российской академии наук только 7 % женщин. URL: <https://www.svoboda.org/a/31017037.html> (дата обращения: 10.02.2021).

⁹ Наука, технологии и инновации России... С. 33.

премии А. Проскуриной¹⁰. Научный сотрудник может рассчитывать на оклад в пределах 22—26 тыс. руб., а главный научный сотрудник — на оклад 32—36 тыс. руб. По мнению участников дискуссии, оплата труда исследователя в первую очередь должна регулироваться федеральным законом, а не административной целесообразностью. При ином подходе формируется «наука без ученых»¹¹. Заострение вопросов по зарплатам ученых, которое возникло после данной дискуссии, вероятно, поможет решить проблему оплаты их труда. Правительству поручено подготовить новую государственную программу научно-технологического развития России, существенно скорректировать подход к финансированию науки из средств бюджета¹². Следует иметь в виду, что в оплате труда мужчин и женщин в России наблюдается существенная разница, которая составляет 28 %¹³.

Исследователи отмечают, что на преодоление дискриминационных различий в России направлены проекты федерального и регионального уровней. В этом отношении базовым документом является Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 гг., связанная с реализацией равных прав и свобод мужчин и женщин. Ключевым ограничением при решении проблем становится отсутствие взаимопонимания и взаимодействия между органами государственной власти, общественными организациями и бизнесом [Константинова, Кудяева, 2019].

Гендерные различия в оплате труда в науке выше среднего показателя на рынке труда и составляют 29 %¹⁴. По данным социологических опросов научных сотрудников, лишь 41,3 % женщин считают, что их работа достойно оплачивается. 51,1 % респондентов-мужчин указали, что оплата их труда должна быть выше¹⁵.

В чем причина того, что женщин в науке меньше, чем мужчин, особенно на высоких постах? С позиции гендерного подхода асимметрия занятости в науке в значительной мере объясняется социальным конструированием, сложившимися гендерными стереотипами, определяющими место женщины. Однако в современном мире решение вопроса паритета возможностей, реального использования человеческого капитала как мужчин, так и женщин в различных сферах, в том числе и в науке, расширяет и качество, и численность новых исследователей. При разработке стратегических приоритетов развития науки

¹⁰ Что грозит СО РАН после реакции Путина и какие зарплаты у новосибирских ученых. URL: https://ngs.ru/text/science/2021/02/09/69757323/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 11.02.2021).

¹¹ Зарплата по науке. Почему одна и та же работа в науке может оплачиваться по-разному. URL: <https://rg.ru/2021/02/23/pochemu-odna-i-ta-zhe-rabota-v-nauke-mozhet-oplachivatsia-po-raznomu.html> (дата обращения: 26.02.2021).

¹² Путин поручил кардинально изменить порядок финансирования науки в России. URL: <https://ria.ru/20210208/nauka-1596535222.html> (дата обращения: 21.02.2021).

¹³ Раскрыта разница в зарплатах мужчин и женщин в России. URL: <https://lenta.ru/news/2020/05/14/nespravedlivo/> (дата обращения: 26.02.2021).

¹⁴ Названы рабочие сферы с самой заметной гендерной разницей в зарплатах. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/735029-sfery-zarplata-gendernaya-raznica> (дата обращения: 26.02.2021).

¹⁵ Не только Мария Кюри: как женщины отвоевывают место в научном мире. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/5808387> (дата обращения: 22.02.2021).

существенным моментом является учет востребованности потенциала девушек и женщин, возможностей его формирования и использования.

Проблема гендерного диспаритета в науке характерна не только для России. Например, в США женщины получают больше половины всех бакалаврских степеней, в том числе половину по химии и почти половину по математике, но среди руководителей высокотехнологичных компаний они составляет 11 % [Криадо, 2020:136]. Гендерный разрыв в науке — это характерная черта современности, причем он увеличивается по мере продвижения женщин в академической карьере. Чем выше научная иерархия, тем меньшее число женщин представлено на каждом последующем уровне. Материалы Статистического института ЮНЕСКО показывают, что в целом женщины-ученые достигли численного паритета пока только на уровне бакалавриата и магистратуры (45—55 %) и находятся на пороге его достижения на уровне докторантуры (44 %) ¹⁶.

Зарубежные ученые считают, что недостаточная представленность женщин среди исследователей требует большего внимания к изменениям в образовании и политике [Ceci, Williams, 2011: 3157]. Гендерный разрыв в сфере STEM не может быть ликвидирован без серьезных реформ в области образования, наставничества и академических публикаций [Holman et al., 2018].

Выводы

Выявление и преодоление гендерных разрывов в науке связаны с их исследованиями. В России этими проблемами занимаются ученые различных научных направлений из разных регионов. Наиболее яркими их представительницами являются основатели современных научных школ Н. М. Римашевская, О. А. Хасбулатова, Н. Л. Пушкарева, З. Х. Саралиева и другие. Вклад этих исследовательниц состоит не только в ликвидации завесы молчания, которая делает женщин «невидимыми», но и в генерировании нового знания, подготовке научных кадров, активной общественной деятельности.

Следует согласиться с выводом наших зарубежных коллег о том, что линейный карьерный путь типичного мужчины-ученого прошлого — это не единственный путь к успеху. Безусловно, организации и университеты должны поощряться за поиск альтернативных вариантов жизненного пути ученого, в том числе за продвижение женщин в науке [Ceci, Williams, 2011: 3162].

Положение российской науки существенно влияет как на защищенность национальных интересов от внутренних и внешних угроз, так и на инновационное развитие страны [Черных, 2019]. Для адекватных ответов на большие вызовы, стоящие перед Российской Федерацией, особо важен 2021 год, объявленный Годом науки и технологий. Анализ проблем развития кадрового потенциала науки России с учетом его гендерных аспектов и поиск решений позволили определить вызовы, существующие в данной сфере:

— различие тенденций формирования научных кадров в России и за рубежом;

¹⁶ Исследования ЮНЕСКО показывают, что ученые-женщины по-прежнему сталкиваются с гендерными предвзвешенностями. URL: <https://ru.unesco.org/news/issledovaniya-yunesko-pokazyvayut-cto-uchenye-zhenshchiny-po-prezhnemu-stalkivayutsya-s> (дата обращения: 22.02.2021).

- старение научных кадров;
- недостаточный уровень оплаты труда;
- недостаточное внимание к гендерной составляющей.

Несмотря на сложности, которые есть у женщин в области общественного признания, их роль в науке важна. Различия мужчин и женщин в восприятии мира, его функционирования, ценностей и необходимости изменений могут быть эффективны, если в науке работают смешанные, гендерно-сбалансированные коллективы. При этом важнейшее направление достижения мирового лидерства в будущем связано с умением растить таланты и привлекать их к научным исследованиям. Снижение гендерного разрыва в науке имеет определяющее значение при переходе на траекторию устойчивого развития и выполнении его целей (см., напр.: [Шведова, 2019]). Важны усилия в области реализации пятой цели устойчивого развития, связанной с гендерными проблемами. В научной среде достижению гендерного баланса могут способствовать конкретные действия, в том числе по реформированию требований к академическим публикациям и экспертной оценке; обеспечению женщинам равного доступа к неформальным профессиональным сетям; гарантированию женщинам равных ресурсов на работе; обеспечению доступа к отпуску по уходу за ребенком и предоставлению целенаправленной помощи женщинам, вернувшимся на работу после перерыва в карьере; соблюдению репрезентативного гендерного соотношения приглашенных докладчиков на академических конференциях [Holman et al., 2018].

Повышается необходимость в создании национального механизма — специальных органов федерального и местного управления, деятельность которых совместно с гражданским обществом должна быть направлена на обеспечение гендерного баланса в цифровой экономике к 2030 г. [Хасбулатова, 2018]. В 2021 году, объявленном Годом науки и технологий в России, особого внимания требует реализация рекомендаций ЮНЕСКО «О статусе научно-исследовательских работников»¹⁷: воплощение в жизнь мер по созданию научным работникам условий труда и установлению его вознаграждения, в полной мере соответствующих их положению и заслугам, с учетом равных прав и возможностей женщин и мужчин разных возрастов.

Библиографический список

- Константинова Д. С., Кудаева М. М. Дискриминационные различия в заработной плате в России // *Дискуссия*. 2019. № 1. С. 38—46.
- Криадо Перес К. *Невидимые женщины*. М.: Альпина Паблишер, 2020. 496 с.
- Миндели Л. Э., Пипия Л. К., Чистякова В. Е. *Вопросы обеспечения интеллектуально-кадровой безопасности России*. М.: Ин-т пробл. развития науки РАН, 2018. 84 с.
- Хасбулатова О. А. *Российская государственная политика по преодолению гендерного разрыва в цифровой экономике: концептуальные подходы (2018—2030) // Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018—2030)*. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 19—24.

¹⁷ О статусе научно-исследовательских работников: рекомендации ЮНЕСКО, 17 октября — 23 ноября 1974 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902084640> (дата обращения: 21.02.2021).

- Черных С. И. Государственное управление российской наукой в условиях больших вызовов // *Инновации*. 2020. № 2. С. 29—36.
- Шведова Н. А. Высшая школа и наука: проблемы гендерного равенства // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 3. С. 40—54.
- Ceci S. J., Williams W. M. Understanding current causes of women's underrepresentation in science // *PNAS*. 2011. Vol. 108, № 4. P. 3157—3162.
- Holman L., Stuart-Fox D., Hauser C. E. The gender gap in science: How long until women are equally represented? // *PLoS Biology*. 2018. Vol. 16, № 4. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29672508/> (дата обращения: 24.02.2021).

References

- Ceci, S. J., Williams, W. M. (2011) Understanding current causes of women's underrepresentation in science, *PNAS*, vol. 108, no. 4, pp. 3157—3162.
- Chernykh, S. I. (2020) Gosudarstvennoe upravlenie rossiiskoi naukoj v usloviakh bol'shikh vyzovov [State management of Russian science in the face of great challenges], *Innovatsii*, no. 2, pp. 29—36.
- Holman, L., Stuart-Fox, D., Hauser, C. E. (2018) The gender gap in science: How long until women are equally represented?, *PLoS Biology*, vol. 16, no. 4, available from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/29672508/> (accessed 24.02.2021).
- Khasbulatova, O. A. (2018) Rossiiskaia gosudarstvennaia politika po preodoleniiu gendernogo razryva v tsifrovoj ehkonomie: kontseptual'nye podkhody (2018—2030) [Russian state policy on bridging the gender gap in the digital economy: conceptual approaches (2018—2030)], in: *Gendernoe izmerenie tsifrovoj ekonomiki: ot strategii k deistviu (2018—2030)*, Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, pp. 19—24.
- Konstantinova, D. S., Kudaeva, M. M. (2019) Diskriminatsionnye razlichia v zarabotnoj plate v Rossii [Discriminatory wage differences in Russia], *Diskussia*, no. 1, pp. 38—46.
- Kriado Peres, K. (2020) *Nevidimye zhenshchiny* [Invisible women], Moscow: Al'pina Publisher.
- Mindeli, L. È., Pipiia, L. K., Chistiakova, V. E. (2018) *Voprosy obespecheniia intellektual'no-kadrovoj bezopasnosti Rossii* [Issues of ensuring intellectual and personnel security in Russia], Moscow: Institut problem razvitiia Rossiiskoi akademii nauk.
- Shvedova, N. A. (2019) Vysshiaia shkola i nauka: problemy gendernogo ravenstva [Higher education and science: problems of gender equality], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 40—54.

Статья поступила 12.03.2021 г.

Информация об авторе / Information about the author

Доброхлеб Валентина Григорьевна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, vdobrokhleb@mail.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 2. P. 90—106
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.7

Женщина в российском обществе
2021. № 2. С. 90—106
ББК 66.4(0),612
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.7

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: «НАМ НУЖНЫ БОЛЬШИЕ СМЕЛЫЕ ШАГИ...»

Н. А. Шведова

Институт США и Канады, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru

Спустя четверть века после одобрения Организацией Объединенных Наций Пекинской декларации и Платформы действий (1995), которые определяли необходимые шаги для устранения всех препятствий на пути к гендерному равенству, улучшению положения женщин, расширению их прав и возможностей, поддержка гендерного равенства во всем мире внушает оптимизм. Это подтвердили результаты глобального опроса, проведенного Исследовательским центром Пью (апрель 2020 г.). Однако пандемия COVID-19, ее социальные и экономические последствия вызвали глобальный кризис, не имеющий аналогов в истории ООН, который требует реакции всего общества, соответствующей его масштабам и сложности. ООН призывает принимать во внимание гендерное измерение. Учитывая ключевые достижения в области гендерного равенства, расширения прав и возможностей женщин — важных выработанных мировым сообществом согласованных ориентиров, которые содержатся в целом ряде международных документов, ООН полагает необходимым продвигать приоритеты женщин и обеспечивать их равные права и участие в повестке дня, особенно в настоящее время, специфика которого связана с COVID-19. ООН оказывает морально-психологическое стимулирующее воздействие на политику национальных государств, призывая к систематическому включению гендерных аспектов в реализацию всесторонней повестки их жизнедеятельности.

Ключевые слова: Пекинская платформа действий, Пекинская декларация, структура «ООН-женщины», гендерное равенство, Цели устойчивого развития, коронавирусная пандемия, COVID-19, цель 5: достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек, документ ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года».

GENDER EQUALITY IN A CHANGING WORLD: “WE NEED BIG BOLD STEPS...”

N. A. Shvedova

Institute for the U. S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, n.shvedova2015@yandex.ru

A quarter century after the United Nations endorsed the Beijing Declaration and Platform for Action (1995), which identified the necessary steps to remove all barriers to gender equality and the advancement and empowerment of women, support for gender equality across the world inspires encouraging optimism, judging by the results of a global survey conducted by the Pew Research Center (April 2020). The COVID-19 pandemic and its social and economic impact have triggered a global crisis unparalleled in the history of the United Nations, requiring a response from the entire community to match its scale and complexity. The UN underscores the idea that responses, whether nationally or internationally, will become inadequate if they do not take into account the gender dimension. Taking into account the key achievements in the field of gender equality and the empowerment of women — important agreed benchmarks developed by the world community that are contained in a number of international documents, the UN considers it necessary to promote the priorities of women and ensure their equal rights and participation in the agenda, especially nowadays, the specificity of which is associated with COVID-19. The UN exerts a moral and psychological stimulating influence on the policies of nation-states, especially calling for the systematic inclusion of gender perspectives in the implementation of their comprehensive agenda for life, so that women play an equal role in shaping the future.

Key words: Beijing Platform for Action, Beijing Declaration, UN Women, gender equality, Sustainable Development Goals, coronavirus pandemic, COVID-19, Goal 5: Achieve Gender Equality and Empower All Women and Girls, UN document “Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development”.

Нам нужны большие смелые шаги, а не постепенные.

Фумзиле Мламбо-Нгжука

С оптимизмом — в будущее: глобальный опрос

Обоснованный оптимизм внушают результаты глобального опроса, проведенного в 34 странах Исследовательским центром Пью (Pew Research Center), которые демонстрируют медиану в 94 % респондентов, считающих, что женщинам в их стране важно иметь те же права, что и мужчинам, причем 74 % полагают, что это *очень* важно [Horowitz, Fetterolf, 2020]. Хотя данное исследование не стало всеобъемлющим, поскольку охватило лишь часть государств планеты, но, несомненно, его результаты показали, что на огромном пространстве мирового сообщества позитивный прогноз в отношении будущего гендерного равенства утвердился. Большинство опрошенных во многих странах Северной Америки,

Латинской Америки, Европы, Африки, Ближнего Востока, Азиатско-Тихоокеанского региона выразили поддержку этой позиции.

Напомним: гендерное равенство в обществе — это равенство женщин и мужчин, которые свободны развивать свои личные способности и делать выбор без каких-либо ограничений, проистекающих из различных стереотипов, гендерных ролей и предрассудков. Действительно, постепенно происходит осознание обществом важности гендерного равенства, ставшего проблемой с середины XX в. Подобное утверждение обосновано фактом согласованного одобрения международных договоренностей, в частности цели 5: достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек [Goal 5...] в рамках известного документа ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [Transforming our world... , 2015]. Этот международный документ поддержали в 2015 г. 193 государства — члена ООН, и он был принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. Появившийся документ пришел на смену Декларации тысячелетия от 2000 г., в которой были определены *Цели развития тысячелетия* (Millennium Development Goals) — дорожная карта до 2015 г.

Признав успех в достижении Целей развития тысячелетия и необходимость новой повестки дня на период после 2015 г., мировое сообщество в лице ООН выработало новую инициативу — *Цели устойчивого развития* (ЦУР). В этом документе достижение гендерного равенства выделено в качестве самостоятельной цели № 5 [Время глобальных действий... , 2015]. Причем в каждой из 17 целей и 169 задач женщинам отводится исключительно важная роль, поскольку признается равенство женщин и мужчин и содержится призыв к расширению прав и возможностей женщин. В документе подчеркнута: «Гендерное равенство — это не только основополагающее право человека, но и необходимая основа для мирного, процветающего и устойчивого мира. За последние десятилетия был достигнут определенный прогресс: все больше девочек посещают школу, все меньше девочек вынуждены вступать в ранние браки, все больше женщин работают в парламенте и занимают руководящие посты, а законы реформируются в целях обеспечения гендерного равенства» [Goal 5...].

При этом 46 % респондентов из 34 государств ответили, что в их странах жизнь мужчин лучше, а 15 % признали лучшей жизнь женщин. Треть респондентов заявили о том, что жизнь ни женщин ни мужчин нельзя назвать лучшей. Большинство опрошенных во Франции, Испании, Швеции, Великобритании, Канаде, США, Турции, Австралии и Нидерландах считают, что в их стране жизнь мужчин лучше, чем жизнь женщин. В преобладающем числе государств женщины чаще, чем мужчины, оценивают жизнь мужчин как лучшую по сравнению с жизнью женщин. Несмотря на то что большинство людей видят некоторые преимущества для мужчин, они выражают оптимизм в отношении будущего гендерного равенства в своей стране. В среднем 75 % опрошенных считают вероятным, что женщины в их стране в конечном итоге будут иметь те же права, что и мужчины, а 5 % убеждены, что женщины в их стране уже добились равенства [Horowitz, Fetterolf, 2020].

Мужчины, как правило, более оптимистичны, чем женщины, в отношении перспектив достижения гендерного равенства. Например, 77 % мужчин

в Японии — по сравнению с 58 % женщин — говорят, что женщины в их стране, скорее всего, в конечном итоге получают те же права, что и мужчины, или уже имеют их. Нигерия и Филиппины — единственные страны, где среди оптимистично относящихся к будущему гендерному равенству больше доля женщин, чем мужчин.

Почти во всех странах большинство опрошенных предпочитают эгалитарный брак. В среднем 72 % респондентов в каждой стране отдают предпочтение союзу, в котором оба супруга имеют работу и заботятся о доме и детях. Для них такой брак представляется «более удовлетворительным», чем тот, в котором муж обеспечивает семью, а жена заботится о доме и детях (самое низкое число приверженцев эгалитарного брака в Литве, Тунисе и Индонезии). Большинство опрошенных в европейских странах, а также в Японии, Южной Корее, Израиле, Австралии, Канаде и США признают, что мужчины в их странах имеют больше шансов, чем женщины, на получение высокооплачиваемой должности.

Несмотря на широкую поддержку гендерного равенства во всем мире, заметная доля опрошенных (медиана 40 %) считают, что мужчины должны иметь больше прав на работу, чем женщины, когда рабочих мест не хватает; 56 % не согласны с этой позицией [ibid.]. Очевидно, за цифрами скрывается вполне пестрая картина статуса женщин в мире, что дает надежду на будущее гармоничное сосуществование женщин и мужчин в социуме.

Главные позитивные сдвиги за четверть века

Выступая на второй очередной сессии Исполнительного совета ООН по делам женщин (15 сентября 2020 г.), Ф. Мламбо-Нгкука, заместитель Генерального секретаря ООН и исполнительный директор структуры «ООН-женщины», выделила следующие главные позитивные сдвиги, произошедшие за четверть века [Opening Remarks... , 2020].

Во-первых, это создание специального подразделения в системе ООН, полностью посвященного содействию гендерному равенству и расширению прав и возможностей женщин, — структуры «ООН-женщины» (2010 г.). В 1995 г. подобных организаций не существовало.

Во-вторых, изменилось отношение мужчин к проблемам неоплачиваемой работы по уходу за детьми и отпуска по уходу за родителями: «Много мужчин — но еще недостаточно — теперь ясно видят себя феминистами и союзниками женщин. Многие правительства и работодатели — но их еще недостаточно — предприняли правильные шаги в отношении политики отпусков по уходу за детьми... и создания детских учреждений» [ibid.].

В-третьих, процесс признания вне закона дискриминации в оплате труда получил развитие. Для решения проблемы созданы партнерства, например Международная коалиция за равную оплату труда (Equal Pay International Coalition — EPIC). Бразильская футбольная конфедерация и Футбольная ассоциация Англии объявили о равной оплате труда членов своих национальных команд, как мужских, так и женских. Однако сегодня ни одна страна полностью не устранила неравенство в оплате труда.

В-четвертых, был разработан понятийный аппарат для обозначения таких явлений, как «позитивные действия» («affirmative action») и «права меньшинств» («minority rights»), параллельно в обществах создаются женские институты —

пусть и слабо обеспеченные ресурсами — для содействия переменам и их стимулирования. Гражданское общество и женское движение являлись ключевыми игроками в Пекине в 1995 г. и при создании организации «ООН-женщины», хотя не были должным образом обеспечены ресурсами. Они остаются основными партнерами в работе, которую реализовывает структура «ООН-женщины».

В-пятых, гендерная проблематика была учтена во всех инициативах ООН в области мира и безопасности: резолюция 1325 2010 г. (The Resolution 1325 on Women, Peace and Security) — первая в серии документов, направленных на расширение влияния женщин в данной сфере. Сегодня женщины участвуют в мирных процессах в Колумбии, Сирии, Йемене и ряде других стран, причем они составляют почти 30 % членов Конституционного комитета в Сирии (Constitutional Committee in Syria).

В-шестых, в среднем по миру доля женщин в парламентах выросла до 25 %, а на руководящих должностях — до 23 %. Однако они составляют лишь 7,4 % руководителей компаний из списка «Fortune Global 500». Это прогресс, но не паритет. «Прогресс слишком медленный. С 2020 по 2025 год разрыв должен быть ликвидирован, чтобы подготовиться к реализации повестки дня на период до 2030 года и более инклюзивной и феминистской ООН после ее 75-летнего существования», — заявляет глава структуры «ООН-женщины» [ibid.].

В-седьмых, предприняты попытки усилить борьбу с реальной дискриминацией женщин, усугубляющейся под воздействием таких причин, как сексуальная ориентация, этническая принадлежность, возраст и инвалидность. Расовая проблема снова полностью всплыла на поверхность, хотя 25 лет тому назад было понимание сложной структуры дискриминации женщин. Тогда считалось, что в результате борьбы за справедливое дело расового равенства нет никакой опасности пренебрежения равенством полов.

Цифры как убедительный аргумент

В шестом издании из серии, выпускаемой Всемирным банком, — «Женщины, бизнес и закон 2020» анализируются законы и нормативные акты, которые влияют на экономическую интеграцию женщин в 190 странах [Women, Business... , 2020]. Авторы предлагают шире использовать индекс женщин, бизнеса и права, который основан на восьми показателях (мобильность, рабочее место, заработная плата, брак, родительские обязанности, предпринимательство, активы и пенсия).

В докладе прослеживается взаимосвязь между *правовым гендерным равенством и экономической интеграцией женщин* и приводятся фактические данные об этом. Показан экономический статус женщин и расширение их прав и возможностей, а также достигнутый прогресс в контексте исследуемых тем. В результате авторы подчеркивают необходимость проведения «немалой» работы по обеспечению экономических прав и возможностей для всех. Статистика убедительно подтверждает такой вывод, поскольку многие женщины во всем мире по-прежнему лишены основных прав человека и сталкиваются с дискриминацией и насилием по признаку пола. Ниже приведены некоторые данные, проливающие свет на статус женщин:

— 2,5 млрд женщин и девочек проживают в среде с дискриминирующими их законами;

— женщины обладают примерно 75 % законных прав мужчин (порой в меньшей степени) [ibid.];

— почти в 40 странах нет правовой защиты от насилия в семье, существует более 100 законов, которые не относят изнасилование в браке к криминальному преступлению [Does legislation... , 2015];

— в 45 странах женщины и мужчины не пользуются равными правами при разводе [Обзор и оценка... , 2020];

— более 2,7 млрд женщин ограничены в выборе рабочих мест из-за наличия в государстве законодательных запретов женщинам на конкретные профессии, что означает экономическую неравноправность [Women, Business... , 2020];

— в 18 странах мужья могут на законных основаниях запретить своим женам работать; в 39 странах дочери и сыновья не имеют равных прав наследования [Goal 5...];

— во всем мире женщины составляют лишь 13 % владельцев сельскохозяйственных земель;

— каждая пятая женщина и девочка, включая 19 % женщин и девочек в возрасте от 15 до 49 лет, подвергались физическому и/или сексуальному насилию со стороны интимного партнера;

— более 65 % женщин в парламентах подвергаются сексистским замечаниям (согласно исследованию Межпарламентского союза — Inter-Parliamentary Union; IPU);

— лишь 52 % женщин, состоящих в браке или в союзе, свободно принимают собственные решения относительно сексуальных отношений, использования контрацептивов и медицинского обслуживания;

— женщины тратят в три раза больше времени, чем мужчины, на неоплачиваемый уход и домашний труд, что ограничивает их доступ к достойной работе [The Impact of COVID-19... , 2020];

— глобальный гендерный разрыв в оплате труда держится на уровне 16 %, при этом в некоторых странах женщины получают на 35 % меньше, чем мужчины;

— во всем мире 65 % женщин имели счета в финансовых учреждениях, тогда как для мужчин этот показатель равнялся 72 % (данные на 2017 г.) [ibid.];

— мировые парламенты не являются исключением с точки зрения сбалансированного представительства полов. Женщины составляют половину населения земного шара, однако они представлены недостаточно: в большинстве парламентов доминируют мужчины;

— доля женщин в парламентах увеличилась с 17 до 24 % за десять лет (2010—2020 гг.). Хотя женщины добились значительных успехов в политической жизни во всем мире, их представленность в национальных парламентах все еще далека от паритета [Gender Equality, 2020];

— группа из 10 стран с наибольшим числом женщин-депутатов за последние 10 лет, в которой с 1998 г. доминируют европейские страны, в настоящее время пополнилась государствами Африки, расположенными к югу от Сахары, и Америки;

— только в 46 странах женщины занимают более 30 % мест в национальном парламенте, по крайней мере в одной палате;

— лишь около 7 % глав государств — женщины [ibid.].

Международное сообщество определяло многочисленные задачи по расширению участия женщин в общественной и политической жизни в ключевых документах и резолюциях. Среди них особо важными являются:

1) Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979—1985 гг.); 3-я Всемирная конференция по положению женщин, предложившая принять конкретные меры для его улучшения;

2) резолюция Экономического и социального совета ООН 1990/15, в которой рекомендовалось установить 30 %-ю квоту женщин на руководящих должностях к 1995 г. и 50 %-ю к 2000 г.;

3) 4-я Всемирная конференция по положению женщин (1995 г.), сообщившая о незначительном прогрессе в реализации данной цели; Пекинская платформа действий, установившая цель достижения гендерного баланса к принятому сроку;

4) ЦУР, предусматривающие достижение гендерного равенства к 2030 г. по конкретному показателю «обеспечение полного и эффективного участия женщин и равных возможностей для руководства на всех уровнях принятия решений в политической, экономической и общественной жизни».

Предваряя доклад Генерального секретаря «Обзор и оценка осуществления Пекинской декларации и Платформы действий и решений двадцать третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи», в основе которого информация по правам женщин в 170 странах [Review and Appraisal... , 2020], Ф. Мламбо-Нгкука была вынуждена признать: «Обязательства и действия, которые государства-члены согласовали в Пекинской декларации и Платформе действий (1995 г.), остаются нашей наиболее исчерпывающей и революционной повесткой дня, направленной на достижение гендерного равенства, расширение прав и возможностей женщин и девочек. Однако, когда мы оцениваем ее прогресс, становится ясно, что реализация ее обязательств не соответствует первоначальным устремлениям. Сложные и динамичные политические, социальные, экономические и экологические изменения за последние 25 лет произошли в некоторых областях жизни женщин и девочек. Но мы также стали свидетелями мощного сопротивления, отбросившего назад с трудом завоеванные достижения в области прав женщин и более широкой повестки развития» [Gender Equality: Women's Rights... , 2020].

Мламбо-Нгкука, которая уделяла особое внимание расширению прав и возможностей женщин на посту заместителя президента Южной Африки с 2005 по 2008 г., говорит, что сегодня женщины в возрасте от 25 до 34 лет на 25 % чаще, чем мужчины, живут в нищете [Harness Multilateralism's Power... , 2020].

Хотя с 1995 г. политическое представительство женщин удвоилось, мужчины по-прежнему занимают более трех четвертей мест в различных палатах парламентов во всем мире. И после многих лет прогресса, по ее словам, доля мирных соглашений конфликтующих сторон, в которых упоминаются женщины, снизилась с 32 % в период с 2011 по 2015 г. до 7,7 % в 2018 г. [ibid.].

Одним словом, розовые краски постепенно приобретают тревожно-темные оттенки.

О влиянии пандемии COVID-19 на женщин

Реакция общества на пандемию COVID-19 часто описывалась словами: «мир перевернулся с ног на голову». Генеральный секретарь ООН выразился именно так: «Пандемия COVID-19 за последние шесть месяцев перевернула наш мир с ног на голову. Помимо самого вируса, ответные меры оказали непропорциональное и разрушительное социально-экономическое воздействие на женщин и девочек» [Secretary-General's Remarks... , 2020]. Данные о влиянии COVID-19 свидетельствуют о том, что экономическая и производственная жизнь женщин оказалась выведенной из равновесия гораздо сильнее, чем это произошло с мужчинами. Согласно новому анализу по заказу структуры «ООН-женщины» и Программы развития ООН, «к 2021 году около 435 млн женщин и девочек будут жить менее чем на 1,90 долл. в день, включая 47 млн, ставших бедными в результате влияния COVID-19» [Azcona et al., 2020].

В отчете ООН о мониторинге прогресса в достижении ЦУР за 2020 г. подчеркивается, что женщины и девочки сильно страдают от пандемии COVID-19: «Кризис создает обстоятельства, которые уже способствовали увеличению количества сообщений о насилии в отношении женщин и девочек... Кроме того, женщины, вероятно, возьмут на себя большую часть дополнительной работы по уходу из-за закрытия школ и детских садов». Они также находятся на передовой в борьбе с коронавирусом, поскольку «составляют почти 70 % медицинских и социальных работников во всем мире» [The Sustainable Development... , 2020].

Антониу Гутерриш, девятый Генеральный секретарь ООН (с 2017 г.), в своем заявлении «Поставьте женщин и девочек в центр усилий по восстановлению после COVID-19» подчеркивает, что 2020 г., ознаменовавший 25-ю годовщину Пекинской платформы действий, должен был стать «новаторским для обеспечения гендерного равенства» [António Guterres... , 2020]. Вместо этого «с распространением пандемии COVID-19 даже ограниченные успехи, достигнутые за последние десятилетия, рискуют быть сведены на нет». «Пандемия усугубляет ранее существовавшее неравенство, обнажая уязвимости социальных, политических и экономических систем, которые, в свою очередь, усиливают последствия пандемии». В его аналитической записке исследуется, как меняется жизнь женщин и девочек перед лицом COVID-19: «Во всех сферах, от здравоохранения до экономики, от безопасности до социальной защиты, воздействие COVID-19 усугубляется для женщин и девочек просто в силу их пола» [The Impact of COVID-19... , 2020]. А глава структуры «ООН-женщины» Ф. Мламбо-Нгкука уточнила: «COVID-19 обнажает гендерное неравенство» [Harness Multilateralism's Power... , 2020]. А. Гутерриш резюмировал: «Короче говоря, пандемия обнажает и усугубляет значительные препятствия, с которыми сталкиваются женщины в достижении своих прав и реализации своего потенциала» [Generations... , 2020].

Тревога обусловлена тем, что COVID-19 «может обратить вспять ограниченный прогресс, достигнутый в области гендерного равенства и прав женщин». Чтобы не допустить этого, следует «поставить лидерство и вклад женщин в центр жизнестойкости и восстановления» [António Guterres... , 2020].

«Пандемия ужесточила контроль над нашими обществами и их экономикой, мы работали, чтобы увеличить признание этих явлений. Мы следим за тем,

чтобы во всей нашей работе обращались к проблеме данных, проблеме насилия в отношении женщин и проблеме социально-экономических последствий пандемии», — подчеркнула глава структуры «ООН-женщины» [Opening Remarks... , 2020]. Выступая 18 сентября 2020 г. на конференции «Цели устойчивого развития — 2020», Ф. Мламбо-Нгкука заявила: «Экономическая безопасность женщин находится под угрозой; гендерные разрывы в бедности расширяются; гендерное насилие возобновляется; а образование девочек и материнское здоровье находятся под угрозой. Ожидается, что в 2021 году на каждые 100 бедных мужчин в мире будет приходиться 118 бедных женщин, а к 2030 году их число может вырасти» [Remarks... , 2020].

Таким образом, пандемия создает логическую цепочку обстоятельств, которые оказывают самое пагубное влияние именно на женское население. Почти 60 % женщин во всем мире работают в неформальной экономике (740 млн), где их заработки меньше, а значит, они лишены возможности сэкономить ресурсы и сильнее рискуют оказаться в нищете [The Impact of COVID-19... , 2020]. Кроме того, вследствие падения рынков и закрытия предприятий исчезают миллионы рабочих мест для женщин. Потеря работы совпадает с ростом объема неоплачиваемого труда из-за закрытия школ и возросших потребностей пожилых людей. Обе тенденции сливаются, ограничивая возможности женщин и ущемляя их права.

Женщины могут подвергаться риску из-за профессиональной сегрегации по половому признаку: во всем мире они составляют 70 % работников здравоохранения, а также большинство обслуживающего персонала медицинских учреждений — уборщиков, работников прачечных, учреждений общественного питания, и как таковые они сильнее подвержены воздействию вируса. В некоторых районах женщины имеют меньший доступ к средствам индивидуальной защиты. Несмотря на вышеуказанные факты, потребности женщин часто не учитываются при принятии решений по борьбе с COVID-19 на национальном или глобальном уровне [ibid.].

«Ужасающий рост насилия в отношении женщин» — еще одна негативная тенденция, порожденная пандемией. «Почти каждая пятая женщина в мире за последний год подверглась насилию. Многие из этих женщин сейчас заперты дома со своими обидчиками, изо всех сил пытаются получить доступ к услугам, который затруднен из-за сокращений и ограничений», — справедливо указывает Генеральный секретарь ООН [António Guterres... , 2020].

Предлагаемые меры по преодолению гендерного неравенства

Аналитическая записка, опубликованная ООН в начале апреля 2020 г., представляет собой своеобразную дорожную карту, которой следует придерживаться странам, чтобы преодолеть негативное воздействие пандемии, особенно угрожающее усугублением гендерного неравенства в мире. В ней отмечается: «Больше всего от этой пандемии пострадают женщины, но они также станут основой восстановления в сообществах» [The Impact of COVID-19... , 2020]. В документе указано, что *COVID-19 — это не только вызов глобальным системам здравоохранения, но и испытание нашего человеческого духа*. Восстановление должно привести к более равноправному миру, более устойчивому к будущим кризисам.

На самом деле многие страны приняли пакеты чрезвычайных мер, включающие разнообразные фискальные стимулы, для устранения узких мест в сфере общественного здравоохранения и смягчения последствий COVID-19 [COVID-19... , 2020]. Чрезвычайно важно, чтобы национальная реакция на пандемию отличалась интегральным подходом, чтобы женщины и девочки были включены во все сферы жизни на всех уровнях представительства, права, социальной и экономической деятельности, причем в центре внимания должны быть равенство и защита. «Очевидно, что мы не можем вернуться к провальной политике, которая привела к окружающей нас неустойчивости в системах здравоохранения, социальной защиты, доступа к правосудию. Настало время восстановить более равноправные, инклюзивные и устойчивые общества. Наша дорожная карта — это Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года... Мы должны воспользоваться возможностью экономической перезагрузки, чтобы обеспечить права на жизнь, достоинство и безопасность для всех», — заявил глава ООН [Generations... , 2020]. Речь идет не только об «устранении давнего неравенства, но и о построении более справедливого и устойчивого мира, что в интересах не только женщин и девочек, но также мальчиков и мужчин». «Каждый политический ответ, который признает это, будет более эффективным для общества», — четко сформулировано в аналитической записке ООН [The Impact of COVID-19... , 2020]. В ней определены три приоритетных пересекающихся «сквозных» направления.

1. *Обеспечение равного участия женщин в подготовке и принятии решений по борьбе с COVID-19.* Политика, которая выработана без привлечения женщин к процессам как подготовки, так и принятия решений, «просто менее эффективна» и может нанести вред.

2. *Обращение к оплачиваемым и неоплачиваемым секторам экономики ухода при управлении трансформационными изменениями в области равенства.* Такая рекомендация проистекает из признания того факта, что в формальной экономике рабочие места по уходу (от учителей до медсестер) оказываются «недоплачиваемыми по сравнению с другими секторами» При этом на плечах женщин покоится большая часть работы по уходу, неоплачиваемого и невидимого рутинного труда, который лежит в основе повседневной жизни и экономики, но базируется на гендерных нормах и неравенстве, закрепляя их.

3. *Использование гендерного подхода* при разработке пакетов финансовых стимулов и программ социальной помощи для достижения больших возможностей, равенства и социальной защиты.

Три отмеченных приоритета отражают призыв Генерального секретаря ООН к действиям в области прав человека. Акцент делается на мерах, которые в случае их реализации окажут существенное воздействие на права женщин и девочек. Пандемия обострила актуальность этой проблемы. Генеральный секретарь ООН нарисовал, казалось бы, парадоксальную картину, сказав: «В последние месяцы в средствах массовой информации и в научных исследованиях все шире признается то, что мы знаем из личного опыта уже много лет: женщины-лидеры чрезвычайно эффективны. Женщины — главы государств, министры здравоохранения, медицинские работники и общественные лидеры завоевывают широкое признание за свое сочувствие, сострадание, коммуникабельность

и принятие решений, основанных на фактических данных» [Secretary-General's Remarks... , 2020].

Однако в реальной жизни цифры невдохновляющие: женщины составляют «менее 8 % глав государств, менее 25 % парламентариев и менее 30 % лиц, принимающих решения в области здравоохранения». Между тем организации и компании, которые включают равное число женщин и мужчин на всех уровнях, более «эффективны, действенны и устойчивы к внезапным потрясениям». Глава ООН выносит вполне оправданный вердикт: «Предвзятость и дискриминация вредят нам всем. И опять же *это, по существу, вопрос власти* (курсив мой. — *Н. Ш.*). Именно поэтому привлечение большего числа женщин на руководящие посты в системе ООН стало одним из первых приоритетов... Я горжусь тем, что в начале 2020 г. мы достигли гендерного паритета с 90 женщинами и 90 мужчинами в качестве штатных старших руководителей, это на два года опередило установленный мною целевой срок» [ibid.].

В сокровищнице опыта ООН есть такой инструмент в области прав человека, как временные специальные меры. Генеральный секретарь ООН озвучил в своем выступлении несомненно согласованную с мировым сообществом точку зрения: «Если мы не будем *использовать квоты и временные специальные меры* (курсив мой. — *Н. Ш.*) для устранения предубеждений и препятствий на пути к равноправию, женщины никогда не смогут полностью реализовать свои права, а общество никогда не сможет воспользоваться преимуществами равенства и интеграции» [ibid.].

Введение квот и создание женских фракций оказались удачными инструментами для увеличения количества женщин в парламентах. Согласно данным за 2019 г., 130 стран в мире (почти две трети от общего числа государств — членов ООН) используют законодательно закрепленные избирательные или политические партийные квоты [Gender Equality, 2020]. Средний уровень представленности женщин в странах, где введены квоты, — 26,3 %. По мнению многих специалистов и исследователей, использование этой практики оправдано тем, что обеспечивает количественный скачок в преодолении гендерной диспропорции представительства во властных структурах [Gender Quotas Database, 2020].

Совокупность факторов побуждает ООН настоятельно призывать правительства поставить женщин и девочек в центр своих усилий по восстановлению после COVID-19. «Если поставить женщин и девочек в центр экономики, это станет ключевым фактором, ведущим к лучшим и более устойчивым результатам в области развития для всех, поддержит более быстрое восстановление и вернет нас к достижению целей в области устойчивого развития», — подчеркнуто в документе ООН [The Impact of COVID-19... , 2020].

ООН принимает во внимание гендерные аспекты пандемии в рамках своих ответных мер по поддержке общественного здравоохранения под руководством Всемирной организации здравоохранения. ООН способствует укреплению систем здравоохранения с гендерной точки зрения, чтобы бороться с пандемией и избегать перебоев в предоставлении других медицинских услуг. Помощь включает как рекомендации по политике, так и закупку медицинского оборудования и принадлежностей, в том числе средств индивидуальной защиты

для медицинских работников. Кроме того, ООН работает с правительствами и партнерами, чтобы обеспечить постоянное внимание к сексуальному и репродуктивному здоровью и правам женщин и девочек.

Более 100 стран приняли меры по отчислению бюджетных ассигнований на цели обеспечения гендерного равенства [Goal 5...]. ООН и Европейский союз приступают к осуществлению новой глобальной многолетней инициативы, направленной на ликвидацию всех форм насилия в отношении женщин и девочек, инициативы «В центре внимания». Такое название демонстрирует, что решение этой проблемы является приоритетным в контексте Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Первоначальные инвестиции составят порядка 500 млн евро, причем основным вкладчиком выступит ЕС. В целях расширения инициативы присоединиться к ней будет предложено другим донорам и партнерам. В качестве механизма осуществления этой деятельности будет использоваться многосторонний целевой фонд ООН при поддержке основных учреждений: ПРООН, Фонда ООН в области народонаселения и организации «ООН-женщины», а надзор станет осуществлять Административная канцелярия Генерального секретаря ООН [ibid.].

Целевой фонд ООН в поддержку действий по искоренению насилия в отношении женщин выделил дополнительно 9 млн долл. США 44 организациям гражданского общества и призвал каждого внести вклад в решение проблем сексуальных домогательств. Акцент сделан на институциональном укреплении, снижении рисков и восстановлении пострадавших от пандемии. Результатом борьбы структуры «ООН-женщины» с сексуальными домогательствами, эксплуатацией и надругательствами в рамках общесистемной деятельности стало институциональное укрепление существующих механизмов решения всех возможных проблем в этой области. Оценка 350 координаторов системы ООН по гендерным вопросам за период 2014—2019 гг. показала, что число участвующих в мероприятиях по предотвращению сексуальных домогательств увеличилось в два раза [Opening Remarks... , 2020].

Вместе с тем отрадно, что, несмотря на рост насилия в разгар пандемии, 146 государств-членов положительно откликнулись на призыв Генерального секретаря к прекращению насилия во всем мире [ibid.].

Выводы

Международные инициативы придают женщинам сил для реализации своих фундаментальных прав и свобод. Глобальный правовой режим опирается на многочисленные документы (конвенции, договоры, соглашения и т. д.), работу конкретных международных организаций по контролю за их соблюдением и на региональные соглашения о правах человека. Огромная сеть действующих правозащитных коалиций и международных неправительственных организаций, демократическое общественное движение озабочены настоящим реальным положением женщин в мире. Сегодня, как никогда, оно требует к себе пристального внимания, поскольку процесс достижения гендерного равенства протекает чрезвычайно медленно, а пандемия COVID-19 угрожает уже достигнутому прогрессу. *Какие уроки следует извлечь из пандемии с точки зрения гендерного равенства?*

Защита прав женщин и девочек в период пандемии, по мнению Генерального секретаря ООН, выражающего консолидирующую позицию мирового сообщества, — «один из главных приоритетов Организации Объединенных Наций» [Secretary-General's Remarks... , 2020]. А. Гутерриш объяснил глубинные причины неиссякаемой дискриминации по признаку пола: «Пандемия продемонстрировала то, что мы все знаем: тысячелетия патриархата привели к созданию мира, где доминируют мужчины, доминирует мужская культура, которая наносит ущерб всем — женщинам, мужчинам, девочкам и мальчикам» [Generations... , 2020]. Глава ООН выносит вполне оправданный вердикт: «Предвзятость и дискриминация вредят нам всем. И опять же это, по существу, вопрос власти» [Secretary-General's Remarks... , 2020].

Гендерное равенство и соблюдение прав женщин необходимы для того, чтобы *быстрее восстановиться и построить лучшее будущее для всех* после коронавирусной пандемии, которая не только бросила вызов *глобальным системам здравоохранения, но и стала проверкой природы человека*. Реализация стремления ООН требует соблюдения ключевых принципов, которые сформулированы на базе *общих человеческих ценностей*. С одной стороны, необходимо осознать истоки существующего неравенства, степень которого выросла под влиянием коронавирусной эпидемии, а с другой — использовать текущий исторический момент для восстановления более равноправных, инклюзивных и устойчивых обществ, преодоления социальных и экономических последствий пандемии COVID-19, вызвавших глобальный кризис. Любая реакция на национальном или международном уровне, по мнению ООН, не будет адекватна, если в ней не учитывается гендерное измерение.

Глобальный кризис сделал очевидным тот факт, что формальная экономика мира и поддержание повседневной жизни построены на невидимом и неоплачиваемом труде женщин и девочек. Экономика неоплачиваемого ухода — критически важная опора в реализации ответных мер на COVID-19, и существует серьезный дисбаланс в гендерном распределении неоплачиваемой работы по уходу. До того как коронавирусная инфекция перешла в разряд пандемии, женщины выполняли в три раза больше неоплачиваемой работы по уходу и домашней работы, чем мужчины. Эта невидимая экономика оказывает реальное влияние на формальную экономику и жизнь женщин [The Impact of COVID-19... , 2020].

Отступление под натиском пандемии и потеря с трудом завоеванных достижений в сфере гендерного равенства еще не предрешенный исход. Рецепт восстановления существует. По убеждению ООН, «с помощью смелой политики, направленной на расширение экономических прав и возможностей женщин» изменение курса и ускорение прогресса возможны [Remarks... , 2020]. С такой точкой зрения трудно поспорить.

На самом деле задача восстановления выходит за рамки правительств, потому что наряду с ними в процесс вовлечены частный сектор, академические институты и организации гражданского общества, в этом случае они исполняют свою роль в полном объеме. Силы, противостоящие глобальной солидарности, отстают под натиском объединенных усилий, направленных на отрицание сексистских и эйджистских стереотипов, которые мешают женщинам и мужчинам реализовать в полной мере человечность в совместном бытии.

При этом пандемия демонстрирует явное преимущество общества, где женщины могут воспользоваться открывающимися возможностями. Очевидно, что устойчивое будущее, в котором гендерное равенство и справедливость являются безусловными объективными правилами, требует действий, нацеленных на устранение давнего неравноправия во многих областях жизни женщин.

С учетом ключевых достижений в области гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин — важных ориентиров, которые содержатся в Пекинской декларации, резолюции 1325 Совета Безопасности о женщинах, мире и безопасности, документах десятилетия действий по достижению Целей устойчивого развития, ООН считает необходимым продвигать приоритеты женщин и обеспечивать их равные права и участие в повестке дня в области мира и безопасности, в вопросах изменения климата, построения инклюзивной экономики и сокращения и ликвидации цифрового разрыва, для того чтобы они получили справедливый доступ к разработке технологий будущего.

Библиографический список

- Время глобальных действий в интересах людей и планеты: подборка материалов по Саммиту по устойчивому развитию 2015 года. 2015. URL: http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/wp-content/uploads/sites/5/2015/08/FAQs_Sustainable_Development_Summit.pdf (дата обращения: 22.10.2018).
- Обзор и оценка осуществления Пекинской декларации и Платформы действий и решений двадцать третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи: доклад Генерального секретаря. 2020. URL: <https://undocs.org/ru/E/CN.6/2020/3> (дата обращения: 16.11.2020).
- António Guterres: «Put women and girls at the centre of efforts to recover from COVID-19». 2020. URL: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/put-women-and-girls-centre-efforts-recover-covid-19> (дата обращения: 14.04.2020).
- Azcona G., Bhatt A., Encarnacion J., Plazaola-Castaño J., Seck P., Staab S., Turquet L. From Insights to Action: Gender Equality in the Wake of COVID-19. 2020. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2020/09/gender-equality-in-the-wake-of-covid-19> (дата обращения: 24.09.2020).
- COVID-19: Addressing the Social Crisis Through Fiscal Stimulus Plans: DESA Policy Briefs #58. 2020. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desapolicy-brief-58-covid-19-addressing-the-social-crisis-through-fiscal-stimulus-plans/> (дата обращения: 24.05.2020).
- Does Legislation Explicitly Criminalize Marital Rape? 2015. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/does-legislation-explicitly-criminalise-marital-rape> (дата обращения: 22.10.2018).
- Gender Equality. 2020. URL: <https://www.ipu.org/our-impact/gender-equality> (дата обращения: 16.03.2020).
- Gender Equality: Women's Rights in Review 25 Years after Beijing / UN Women. 2020. URL: <https://www.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2020/gender-equality-womens-rights-in-review-en.pdf?la=en&vs=934> (дата обращения: 25.09.2020).
- Gender Quotas Database. 2020. URL: <https://www.idea.int/data-tools/data/gender-quotas/country-overview> (дата обращения: 24.05.2020).

- Generations of Progress for Women and Girls Could Be Lost to COVID Pandemic, UN Chief Warns. 2020. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/08/1071372> (дата обращения: 24.09.2020).
- Goal 5: Achieve Gender Equality and Empower All Women and Girls. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/gender-equality/> (дата обращения: 21.09.2020).
- Harness Multilateralism's Power to Urgently Advance Women's Rights Amid COVID Recovery. 2020. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/07/1068771> (дата обращения: 05.09.2020).
- Horowitz J. M., Fetterolf J. Worldwide Optimism about Future of Gender Equality, even as Many See Advantages for Men. 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/04/30/worldwide-optimism-about-future-of-gender-equality-even-as-many-see-advantages-for-men/> (дата обращения: 04.05.2020).
- Opening Remarks by Under-Secretary-General of the United Nations and Executive Director of UN Women, Phumzile Mlambo-Ngcuka, at the Second Regular Session of the UN Women Executive Board. 2020. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/9/speech-ed-phumzile-executive-board-second-regular-session-2020> (дата обращения: 08.10.2020).
- Remarks by Under-Secretary-General of the United Nations and Executive Director of UN Women, Phumzile Mlambo-Ngcuka, at the SDG Moment 2020. 2020. URL: <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/9/speech-ed-phumzile-sdg-moment-2020> (дата обращения: 15.09.2020).
- Review and Appraisal of the Implementation of the Beijing Declaration and Platform for Action and the Outcomes of the Twenty-Third Special Session of the General Assembly Report of the Secretary-General. 2020. URL: <https://undocs.org/en/E/CN.6/2020/3> (дата обращения: 05.06.2020).
- Secretary-General's Remarks at Town Hall with Young Women from Civil Society Organizations [As Delivered]. 2020. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2020-08-31/secretary-generals-remarks-town-hall-young-women-civil-society-organizations-delivered> (дата обращения: 07.09.2020).
- The Impact of COVID-19 on Women: UN Secretary-General's Policy Brief. 2020. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2020/04/policy-brief-the-impact-of-covid-19-on-women> (дата обращения: 16.05.2020).
- The Sustainable Development Goals report 2020 // UN Statistics Division. 2020. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/> (дата обращения: 04.05.2020).
- Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development. 2015. URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E (дата обращения: 16.10.2020).
- Women, Business and the Law 2020 / World Bank. Washington (DC), 2020. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32639> (дата обращения: 16.09.2020).

References

- António Guterres: "Put women and girls at the centre of efforts to recover from COVID-19" (2020), available from <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/put-women-and-girls-centre-efforts-recover-covid-19> (accessed 14.04.2020).
- Azcona, G., Bhatt, A., Encarnacion, J., Plazaola-Castaño, J., Seck, P., Staab, S., Turquet, L. (2020) *From Insights to Action: Gender Equality in the Wake of COVID-19*, available

- from <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2020/09/gender-equality-in-the-wake-of-covid-19> (accessed 24.09.2020).
- COVID-19: Addressing the Social Crisis Through Fiscal Stimulus Plans: DESA Policy Briefs #58* (2020), available from <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desa-policy-brief-58-covid-19-addressing-the-social-crisis-through-fiscal-stimulus-plans/> (accessed 24.05.2020).
- Does Legislation Explicitly Criminalize Marital Rape?* (2015), available from <https://ourworldindata.org/grapher/does-legislation-explicitly-criminalise-marital-rape> (accessed 22.10.2018).
- Gender Equality* (2020), available from <https://www.ipu.org/our-impact/gender-equality> (accessed 16.03.2020).
- Gender Equality: Women's Rights in Review 25 Years after Beijing* (2020), UN Women, available from <https://www.unwomen.org/-/media/headquarters/attachments/sections/library/publications/2020/gender-equality-womens-rights-in-review-en.pdf?la=en&vs=934> (accessed 25.09.2020).
- Gender Quotas Database* (2020), available from <https://www.idea.int/data-tools/data/gender-quotas/country-overview> (accessed 24.05.2020).
- Generations of Progress for Women and Girls Could Be Lost to COVID Pandemic, UN Chief Warns* (2020), available from <https://news.un.org/en/story/2020/08/1071372> (accessed 24.09.2020).
- Goal 5: Achieve Gender Equality and Empower All Women and Girls*, available from <https://www.un.org/sustainabledevelopment/gender-equality/> (accessed 21.09.2020).
- Harness Multilateralism's Power to Urgently Advance Women's Rights Amid COVID Recovery* (2020), available from <https://news.un.org/en/story/2020/07/1068771> (accessed 05.09.2020).
- Horowitz, J. M., Fetterolf, J. *Future Worldwide Optimism about of Gender Equality, even as Many See Advantages for Men* (2020), available from <https://www.pewresearch.org/global/2020/04/30/worldwide-optimism-about-future-of-gender-equality-even-as-many-see-advantages-for-men/> (accessed 04.05.2020).
- Opening Remarks by Under-Secretary-General of the United Nations and Executive Director of UN Women, Phumzile Mlambo-Ngcuka, at the Second Regular Session of the UN Women Executive Board* (2020), available from <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/9/speech-ed-phumzile-executive-board-second-regular-session-2020> (accessed 08.10.2020).
- Remarks by Under-Secretary-General of the United Nations and Executive Director of UN Women, Phumzile Mlambo-Ngcuka, at the SDG Moment 2020* (2020), available from <https://www.unwomen.org/en/news/stories/2020/9/speech-ed-phumzile-sdg-moment-2020> (accessed 15.09.2020).
- Review and Appraisal of the Implementation of the Beijing Declaration and Platform for Action and the Outcomes of the Twenty-Third Special Session of the General Assembly Report of the Secretary-General* (2020), available from <https://undocs.org/en/E/CN.6/2020/3> (accessed 05.06.2020).
- Secretary-General's Remarks at Town Hall with Young Women from Civil Society Organizations [As Delivered]* (2020), available from <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2020-08-31/secretary-generals-remarks-town-hall-young-women-civil-society-organizations-delivered> (accessed 07.09.2020).
- The Impact of COVID-19 on Women: UN Secretary-General's Policy Brief* (2020), available from <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2020/04/policy-brief-the-impact-of-covid-19-on-women> (accessed 16.05.2020).
- The Sustainable Development Goals report 2020 (2020), *UN Statistics Division*, available from <https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/> (accessed 04.05.2020).

Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development (2015), available from https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E (accessed 16.10.2020).

Vremia global'nykh deistvii v interesakh liudei i planety: Podborka materialov po Sammitu po ustoichivomu razvitiuu 2015 goda (2015) [Time for global action for people and planet: press kit for the Sustainable Development Summit 2015], available from http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/wp-content/uploads/sites/5/2015/08/FAQs_Sustainable_Development_Summit.pdf (accessed 22.10.2018).

Women, Business and the Law 2020 (2020), World Bank, Washington, DC, available from <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32639> (accessed 16.09.2020).

Статья поступила 17.02.2021 г.

Информация об авторе / Information about the author

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, профессор, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады РАН, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Head of the Center for Social and Political Studies, Institute for U. S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 2. P. 107—120
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.8

Женщина в российском обществе
2021. № 2. С. 107—120
ББК 74.484.4
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.8

**БАРЬЕРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОК
ИНДУСТРИАЛЬНЫХ КОЛЛЕДЖЕЙ РОССИИ,
КИТАЯ И ИРАНА К РАБОТЕ В ОРГАНИЗАЦИОННЫХ
УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННЫХ КОМПАНИЙ**

Л. Н. Захарова, З. Х.-М. Саралиева, З. Гадбеджи

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zara@fsn.unn.ru

Представлены результаты эмпирического исследования организационной социализации студенток российских, китайских и иранских индустриальных колледжей для работы в современных инновационных компаниях. Выявлена зависимость организационной культуры колледжа от экономической ситуации в стране и роль организационной культуры в формировании субъективного благополучия студенток. Российские студентки чувствуют субъективный дискомфорт, нехватку эмоциональной поддержки в процессе получения образования, для них характерно неполное знание требований современных организационных условий и нежелание работать на инновационных предприятиях, их вовлеченность в учебу/труд и активность зависят от степени удовольствия, которое они получают в учебном и трудовом процессе. Показана необходимость программ упреждающей организационной социализации для системы специального среднего образования с учетом возрастной и гендерной специфики.

Ключевые слова: индустрия 4.0, индустриальные колледжи, студентки, рынок труда, стереотипы, ценности, организационная культура, отношение к труду, организационная социализация.

**BARRIERS ON THE WAY OF FEMALE STUDENTS
OF INDUSTRIAL COLLEGES OF RUSSIA, CHINA AND IRAN
TO BE READY TO WORK IN ORGANIZATIONAL CONDITIONS
OF INNOVATIVE COMPANIES**

L. N. Zakharova, Z. H.-M. Saraliyeva, Z. Gadbegi

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, zara@fsn.unn.ru

The paper presents the results of empirical research into organizational socialization of students from Russian, Chinese and Iranian industrial colleges who are required to work in modern innovative companies. The research underlines the pivotal role of organizational culture as a socio-psychological context of the educational process and a key factor in the emerging attitude

to education and work. The research has revealed specifics of girls' subjective well-being in organizational cultures of different types as well as organizational, information and emotional barriers which negatively affect their readiness to work in innovative companies. For instance, Russian students feel subjective discomfort, lack of emotional support during education; incomplete knowledge of the requirements of modern organizational conditions, disbelief and unwillingness to work in an innovative company are typical of them; their involvement and activities depend on the pleasure they receive or do not receive while studying or working. Chinese women are usually confident of finding jobs in innovative enterprises and they are satisfied with the quality of their professional training and the balanced organizational culture of their colleges; they demonstrate limited involvement and activities — the characteristics required by their employers or educational bodies. Conservative organizational conditions in the hierarchy prevail in Iranian colleges. They discourage girls from learning and working which adds to disbelief in positive economic changes. Thus, the paper shows that organizational culture of colleges largely depends on particular social and economic situation in the country, underlines the importance of organizational culture in forming subjective well-being of female students. The paper also reveals how emotional factors can affect Russian female students' attitude to educational and labor activity. In conclusion, importance of proactive organizational socialization of girls, the need to develop and implement socialization programs that take into account gender identity of female students and typical characteristics of their life paths are underlined.

Key words: industry 4.0, industrial colleges, girl students, labor market, stereotypes, values, organizational culture, attitude to work, organizational socialization.

Стремительное наступление нового технологического уклада индустрии 4.0 меняет рынок труда, значительно усложняет положение на нем людей молодого и старшего возраста, особенно женщин. Молодые женщины, прежде всего выбравшие профессию, которая традиционно ассоциируется в общественном сознании с мужской сферой деятельности, закономерно испытывают трудности на рынке труда. Это относится ко всем уровням образования, в том числе и к среднему специальному.

Чтобы получить хорошую работу в инновационной компании, нужно обладать не только профессиональными функциональными компетенциями, но и особыми социально-психологическими. Ключевыми психологическими характеристиками работников, востребованными в индустрии 4.0, являются готовность к принятию технологических и управленческих инноваций, личностная вовлеченность в трудовой процесс, ответственность и инициативность в обучении и самообучении [Квачев, Юдина, 2017]. Баланс в подготовке специалистов в системе специального профессионального образования (СПО) пока смещен в пользу профессиональных умений [Нагимова, Фахретдинова, 2019]. В результате уровень безработицы среди выпускников системы СПО примерно в 1,5 раза выше среднего по стране, около 70 % работают не по полученной профессии или специальности и занимают преимущественно рабочие места, требующие меньшего уровня квалификации, чем приобретенный ими в результате обучения, и с меньшей зарплатой, чем та, на которую они могли бы претендовать [Дудырев и др., 2019: 129, 131]. Рассчитывать на эффективную спонтанную социализацию в период практики не приходится: в стране не так много предприятий, успешно вошедших в новый экономический уклад индустрии 4.0, имеющих

специфические модели управления, организационной структуры и организационной культуры [Горобец, 2015; Волков, 2020; Захарова и др., 2020].

Проблема организационной социализации имеет довольно большую историю. И как правило, она решалась в конкретной компании введением нового работника в специфику ее организационных условий [Van Maanen, 1978]. С усложнением организационных условий и ростом издержек компаний на социализацию сотрудников акцент смещался в сторону упреждающей организационной социализации, которая может реализоваться и в образовательном учреждении [Fetherston, 2017]. Упреждающая организационная социализация девушек, выбравших технические специальности, еще более актуальна. Работодатель должен убедиться как можно раньше в их профессиональной компетентности и организационной социализованности, поскольку выпускницы колледжей относятся к той категории сотрудников, которые в силу возраста и гендерной принадлежности склонны к раннему созданию семьи, рождению и воспитанию детей.

Выбор технической специальности девочками не легок, поскольку затрудняется устойчивыми стереотипами относительно их способностей к работе. Однако нередко поддержка, оказываемая учителями в школе ориентирует способных девочек на выбор технических профессий. Девушки, избравшие техническое образование, часто недовольны обучением, реже предпочитают работать по полученной специальности, поскольку условия обучения и трудовой деятельности, стереотипы коллег и менеджеров делают их трудовую жизнь лишенной субъективного благополучия [Ellis et al., 2016].

Женщинам, занятым в технической сфере и заботящимся о семье, трудно достичь уровня производительности мужчин. Технологии в технической сфере развиваются очень быстро, и если женщина не обладает навыками самоорганизации и самообучения, она теряет квалификацию, когда уходит в отпуск по беременности или берет больничные по уходу за ребенком [Савинская, Лебедева, 2020]. Перерыв в профессиональной деятельности в условиях стремительного развития и внедрения новых технологий, появление вне трудовых интересов, утрата связи с трудовым коллективом могут стать непреодолимой преградой для возвращения на рабочее место и повторной организационной социализации.

Уделяется ли достаточное внимание в колледжах решению проблемы организационной социализации с учетом гендерного аспекта подготовки? Ответ на этот вопрос требует изучения.

Процесс организационной социализации вполне обоснованно можно рассматривать как социальное действие, интерактивный процесс, детерминированный общекультурными установками населения, организационной культурой компании, личностными установками самого субъекта социального действия и его психофизиологическими качествами [Парсонс, 2000]. Основная роль в системе детерминации организационной социализации принадлежит организационной культуре (ОК) компании, которая содержит ценности организационного развития, характерные для критической массы персонала, и соответствующие этим ценностям модели поведения [Brettel et al., 2015]. Менеджмент, воздействуя на ОК, может существенно смягчить влияние национальной культуры, меняющейся медленнее, чем экономический уклад, изменить отношение сотрудников

к трудовой деятельности, повышая их субъективное благополучие через профилактику стресса, вызываемого организационными изменениями, снижая влияние внедрения инноваций на психофизиологическом уровне.

Исследование организационной социализации девушек в колледжах целесообразно проводить с применением кросс-культурного подхода, позволяющего сравнивать специфику упреждающей социализации в различных национальных и соответствующих им организационных культурах. Особый интерес представляет организационная социализация в странах, имеющих одинаковые экономические задачи вхождения в индустрию 4.0, но различающихся своей результативностью, отраженной в глобальных индексах инновационности. Для сравнительного анализа организационной социализации в российских колледжах взяты колледжи Китайской Народной Республики и Исламской Республики Иран.

Китайская экономика успешно наращивает уровень инновационности, ее рейтинг в глобальном индексе инновационности постоянно повышается, сегодня это 17-е место. В китайских компаниях реализуются программы организационной социализации, направленные на развитие инновационности сотрудников [Завьялова и др., 2018].

В Иране в условиях многолетних санкций создана экономика, напоминающая экономику военного времени с жестким административным управлением [Мамедова, 2015], страна стабильно занимает 61-е место в рейтинге инновационности.

Россия, большая часть населения которой до сих пор не адаптировалась к требованиям и условиям рыночной экономики, существенно отстает в управлении компаниями [Внутских, Комаров, 2019]. Страна занимает 46-е место в рейтинге инновационности, что, безусловно, не может считаться достойным показателем [Global Innovation Index... , 2019].

Гипотезой проведенного эмпирического исследования было предположение о том, что организационная культура колледжей стран, экономика которых различается уровнем вовлеченности в инновационные процессы, обладает специфическим потенциалом организационной социализации студенток для трудовой деятельности на инновационных предприятиях и по-разному влияет на важнейшие характеристики отношения к учебе и труду, востребованные индустрией 4.0.

Респондентами являлись студентки индустриальных колледжей России и Китая (Нижний Новгород и Гуанси — типичные для своих стран города индустриального кластера), иранские студентки программы «кардани» (г. Тегеран), что соответствует возрастной группе, целям и содержанию обучения в российских и китайских колледжах. В исследовании приняли участие 315 девушек и 92 преподавателя примерно в равных пропорциях по странам.

Метод диагностики организационной культуры и ценностных организационно-культурных предпочтений (OCAI) К. Камерона и Р. Куинна [Cameron, Quinn, 2011] применен при определении уровня адаптации к образовательным учреждениям. Представления студенток об организационных условиях будущего рабочего места и предприятия, эффективного в современных условиях, выявлены с помощью дополнительных вопросов.

1. На предприятии с какими организационными условиями вы бы хотели работать?

2. Какие условия будут, скорее всего, на том предприятии, куда вы придете работать после окончания колледжа?

3. Предприятие с какими организационными условиями будет наиболее эффективно в современной экономике?

Метод WorkBAT [Spence, Robbins, 1992] позволил выявить характеристики отношения к учебе и труду, наиболее востребованные индустрией 4.0. Для статистической обработки данных использованы непараметрические критерии Манна — Уитни и Вилкоксона.

Результаты исследования и их анализ

Для понимания уровня субъективного благополучия студенток, выбравших профессии, не согласующиеся с традиционными взглядами на место женщин в разделении труда, необходимо выявить, насколько обуславливают данный уровень организационные условия колледжей (табл. 1).

Таблица 1

Организационная культура в колледжах России, Китая и Ирана, организационно-культурные предпочтения студенток и преподавателей

Страна	Категория респондентов	Компонент организационной культуры, %											
		К			А			Д			И		
		Ф	П	W	Ф	П	W	Ф	П	W	Ф	П	W
Россия	Девушки	25	37	**	19	17	—	27	24	*	31	23	**
	Преподаватели	28	33	*	24	29	*	24	18	*	33	20	*
	U	*	*		*	*		—	*		—	—	
Китай	Девушки	27	28	—	22	23	—	24	23	—	27	27	—
	Преподаватели	27	27	—	22	22	—	25	24	—	26	27	—
	U	—	—		—	—		—	—		—	—	
Иран	Девушки	21	33	**	14	29	**	24	11	**	41	27	**
	Преподаватели	27	26	—	17	17	—	23	23	—	33	34	—
	U	*	**		*	**		—	**		*	*	

Примечания. К — клановый, А — адхократический (инновационный), Д — деловой (рыночный), И — иерархический; Ф — фактическая выраженность компонента ОК, П — предпочтительная выраженность; U — статистическая значимость различий по критерию Манна — Уитни, W — по критерию Вилкоксона; * — $p \leq 0.05$; ** — $p \leq 0.01$; — — статистически значимые различия отсутствуют.

Можно видеть, что россиянки и иранки испытывают серьезный дефицит ценности отношений в организационной культуре колледжей, хотя и пытаются изменить это положение, существенно усилив клановую составляющую ОК: россиянки с 25 до 37 %, иранки с 21 до 33 % ($p \leq 0.01$). И в российских, и в иранских колледжах преподаватели не понимают эмоционального состояния девушек, полагая, что клановая составляющая и так представлена вполне достаточно, в значительно большей мере, чем это чувствуют девушки. Но нужно учитывать, что именно

в клановой составляющей эмоциональный компонент восприятия ситуации проявляется наиболее отчетливо (межличностные связи, поддержка, психологическая защита). Девушки лишены значимого для них чувства субъективного благополучия, организационные условия представляются им очень суровыми.

Иерархический компонент ОК занимает доминирующее место. У россиянок его присутствие оценивается в 31 %, а в оценках иранок он достигает 41 %. И те и другие желают снизить его: россиянки до 23 %, иранки до 27 %. Как и в случае с клановым компонентом, величина изменения статистически значима: $p \leq 0.01$. Преподаватели и в отношении иерархии имеют мнение, не совпадающее с мнением студенток. Российские преподаватели полагают, что уровень иерархии следовало бы уменьшить, но ненамного, а иранские преподаватели считают, что имеющийся уровень иерархии в 33 % должен оставаться таким с небольшим статистически незначимым вектором усиления.

Студентки тяжело переживают организационные условия колледжей и не находят поддержки у преподавателей. Расхождения между российскими и иранскими девушками, тем не менее, есть, они касаются более всего современных трендов в экономике — их инновационно-рыночной составляющей. Иранки понимают, насколько сильно они отстают в своей инновационности. Ее уровень следует увеличить с 14 до 29 %, $p \leq 0.01$, но у них нет понимания связи инновационного и рыночного компонентов организационных условий (делового — в системе образования): рост инновационности они увязывают с необходимостью снижения делового компонента ОК. У россиянок принципиально другое отношение к этим компонентам ОК. Уровень инновационности (19 %) им кажется довольно высоким, они предпочли бы его понизить. Показатель делового компонента им, как и иранкам, хотелось бы уменьшить, но не в такой степени: с 27 до 24 %, $p \leq 0.05$.

Эти данные свидетельствуют о том, что студентки индустриальных российских и иранских колледжей желали бы работать в условиях комфортных межличностных отношений, не придавая особого значения регламентам производственных процессов, что закономерно ведет к снижению эффективности трудовой деятельности. И это не проблема девушек, а проблема образовательного процесса, вынуждающего их желать такого смягчения организационных условий, которое даст им чувство субъективного благополучия.

Иная ситуация в китайской образовательной практике. В китайских колледжах наблюдается поразительное единство в оценках ОК студенток и преподавателей. ОК гармонична с определенным превышением средних показателей по клановому и иерархическому компонентам, что видится весьма позитивным. Представленность кланового компонента близка к его представленности в иранских и российских колледжах, но китайки не обнаруживают желаний усиливать данный компонент. Следовательно, они чувствуют себя вполне комфортно и готовы к работе в условиях, требующих максимального соблюдения регламентов производственных процессов. И это при высоком уровне инновационности (22—23 %) и деловом климате (24—23 %).

Данные таблицы 2 показывают, насколько девушки и преподаватели понимают требования организационных условий современных эффективных компаний и в каких условиях, скорее всего, работать девушкам по окончании колледжей.

Таблица 2

Представления студенток и преподавателей колледжей России, Китая, Ирана об организационных условиях современных предприятий

Страна	Категория респондентов	Компонент организационной культуры, %											
		К			А			Д			И		
		Ре	Эф	W	Ре	Эф	W	Ре	Эф	W	Ре	Эф	W
Россия	Девушки	32	32	–	21	23	–	21	26	*	26	19	**
	Преподаватели	31	28	T	21	26	*	19	22	T	28	24	*
	U	–	*		–	T		*	*		*	*	
Китай	Девушки	27	28	–	22	22	–	25	24	–	26	27	–
	Преподаватели	28	28	–	22	21	–	24	25	–	26	26	–
	U	–	–		–	–		–	–		–	–	
Иран	Девушки	22	26	*	20	24	*	24	20	*	36	30	*
	Преподаватели	26	26	–	17	18	–	23	22	–	34	33	–
	U	*	–		*	**		–	–		–	–	

Примечания. Ре — представления об ОК предприятия — будущего места работы, Эф — представления об ОК современного эффективного предприятия; T — тенденция (см. также обозначения к табл. 1).

Российки полагают, что им придется работать на предприятии, где модель ОК кланово-иерархическая, что в целом соответствует особенностям организационных отношений в ординарных, неинновационных, компаниях. Хотя, безусловно, модель ОК будет не кланово-иерархическая, а иерархически-клановая. Но девушкам, по-видимому, хочется верить, что им нигде не будет так плохо, как в колледже: 32 % клановых ценностей — это меньше, чем бы им хотелось, но существенно больше, чем в колледже. Организационные условия, по их представлениям, на эффективных современных предприятиях иные, чем на тех, на которые они придут работать, но не по значимым для девушек характеристикам. Эффективным предприятиям, считают они, тоже свойственна абсолютная доминанта кланового компонента, существенно меньшая иерархичность, меньше даже того уровня, который они хотели бы иметь в колледжах. Но ни по инновационному, ни по деловому компоненту они не отмечают существенных различий между будущим местом работы и инновационной компанией, хотя инновационность в эффективной компании все же выше, причем выше той, какую они хотели бы иметь. Можно вполне обоснованно полагать, что у российских студенток индустриальных колледжей довольно смутное представление об организационных условиях современных эффективных предприятий и они чувствуют близость ОК колледжей к ОК тех предприятий, куда они придут работать, надеясь на приоритет кланового компонента. Российские преподаватели в целом адекватно оценивают специфику организационных условий современных эффективных компаний, но различия с предприятиями — будущими местами работы выпускниц проявляются неярко. Видимо, преподаватели хотят показать, что выпускницы будут работать не на самых эффективных, но все же достаточно инновационных предприятиях.

Иранские студентки оценивают и будущие места работы, и организационные условия эффективных компаний более реалистично. Они полагают, что придут работать в компании с иерархически-деловой ОК, клановый компонент которой существенно менее выражен, чем им хотелось бы, — такой же, как в колледже. Заслуживает внимания следующий факт: иранские девушки считают, что на инновационных предприятиях значимость инновационного компонента ОК гораздо ниже, чем бы им хотелось (24 против 29 %). То есть девушки оценивают уровень инновационности иранских компаний как существенно более низкий, чем мировой. Тем не менее уровень иерархичности современных эффективных компаний они определяют как высокий, почти такой же, как уровень китайских компаний. Их оценки близки к оценкам китайянок. Это интересный факт, поскольку преподаватели студенток настроены очень консервативно: они оценивают уровень инновационности компаний, в том числе и эффективных, как самый низкий. По-видимому, девушки черпают сведения о развитии мировой и иранской экономики не от преподавателей, а из других источников. В целом иранские студентки не верят, что придут работать на современное эффективное предприятие: по всем показателям различия между реальным и эффективным предприятием статистически значимы ($p \leq 0.05$), и позиция преподавателей усиливает безнадежность.

Оценки организационных условий в китайских колледжах, компаниях, куда придут выпускницы, и в современных эффективных компаниях не различаются у студенток и преподавателей, т. е. китайки уверены, что придут работать на инновационные предприятия, и в колледжах их готовят к работе именно в таких компаниях.

В таблице 3 приведены данные об отношении к учебе и труду студенток, обучающихся в разных организационных условиях и имеющих разные надежды на условия будущей трудовой деятельности.

Таблица 3

Отношение к учебе и труду студенток китайских, российских и иранских индустриальных колледжей

Страна	Позитивные показатели			Негативные показатели		
	Вовлеченность	Активность	Удовольствие	Невовлеченность	Пассивность	Отвращение
Россия	3.03	2.76	2.84	2.25	3.13	2.83
Китай	2.62	2.46	2.64	2.39	2.81	2.65
Иран	2.76	2.61	1.94	3.24	3.55	3.38
Статистическая значимость различий:						
Россия — Китай	*	*	—	*	—	—
Китай — Иран	—	**	T	**	**	**
Россия — Иран	—	**	**	**	—	**

Примечание. См. обозначения к табл. 1, 2.

Можно видеть, что отношение к труду по значимым для индустрии 4.0 характеристикам существенным образом зависит от организационных условий в колледжах и от надежд студенток на будущее. Россиянки имеют самые высокие позитивные показатели. Их особенность состоит в зависимости показателя активности от удовольствия, которое девушки могут получить в трудовой/учебной деятельности ($r = 0.765$, $p \leq 0.01$). Это единственный значимый, но очень высокий коэффициент корреляции между показателями отношения к труду у девушек-россиянок, что объясняет их стремление к приоритету кланового компонента. Их активность растет в условиях хороших межличностных отношений, принятия, заботы, порождающих чувство субъективного благополучия. Настораживает отсутствие связи между показателями удовольствия и личностной вовлеченности в трудовой процесс. Это может свидетельствовать о приоритете общежитической мотивации, снижающей качество трудовой и учебной деятельности. Такое предположение поддерживается данными о мнениях девушек. Они считают, что организационные условия предприятия, на которое они придут работать, практически не отличаются от условий их колледжей, за исключением более выраженного желаемого кланового компонента. Они не рассчитывают, а может быть, и не хотят трудиться на современном предприятии и поэтому не чувствуют необходимости в формировании готовности к работе в таких компаниях.

В иранских колледжах отношение студенток к учебе и труду самое негативное из сравниваемых групп респонденток. Превалируют значения негативных показателей. Иранки скорее пассивны, не вовлечены в работу и учебу и испытывают негативные чувства к ним. Это тоже объясняется суровостью организационных условий в колледжах и ожидаемой суровостью отношений и жесткостью требований на рабочих местах, а также отсутствием надежд на инновационное развитие компаний, которое так необходимо. Значимые положительные корреляционные связи прослеживаются между всеми основными показателями отношения к учебе/труду. Иранские девушки более активны, если они лично вовлечены в учебный/трудовой процесс ($r = 0.365$, $p \leq 0.01$) и получают от него удовольствие ($r = 0.442$, $p \leq 0.01$), но они не вовлечены в данный процесс, в этом проблема их подготовки в колледже. Их зависимость от эмоциональных состояний слабее, чем у россиянок, тем не менее она есть, и это указывает на значимость обеспечения их субъективного благополучия в образовательном процессе, что пока практически недостижимо.

Китайянок отличает сбалансированность показателей: они не слишком вовлечены в учебу/труд, не слишком активны и не слишком эмоционально удовлетворены. Но такие показатели представляются весьма адекватными образовательной и трудовой ситуациям. У молодых девушек есть, несомненно, еще немало значимых сфер деятельности. Тем не менее в их гармоничной ОК колледжей с высокой требовательностью, на которую они адекватно реагируют, с хорошими надеждами на будущую трудовую деятельность эти показатели выглядят вполне позитивно. Тем более что высокие положительные корреляционные связи основных показателей (между активностью и вовлеченностью, $r = 0.661$, $p \leq 0.01$, между активностью и удовольствием, $r = 0.602$, $p \leq 0.01$, между вовлеченностью и удовольствием, $r = 0.516$, $p \leq 0.01$) свидетельствуют о положительной сбалансированной мотивации к учебе и труду, поскольку в отличие от иранских

и российских студенток они действительно субъективно благополучны в строгих, но не суровых организационных условиях своих колледжей и настроены на работу в инновационных компаниях.

Осуществив сравнительный анализ и обобщая полученные данные по странам, можно выделить целый ряд барьеров, препятствующих формированию готовности российских студенток индустриальных колледжей к работе в организационных условиях инновационных компаний. Во-первых, это информационные барьеры. Студентки не имеют ясных представлений о том, что такое инновационная компания, какими особенностями характеризуются ее организационные условия и какие требования она предъявляет сотрудникам.

Во-вторых, следует отметить организационно-культурные барьеры. Между ОК колледжа и ОК современного эффективного предприятия преемственность не прослеживается. В колледжах не уделяется достаточного внимания формированию характеристик, проявляющихся в психологическом облике и поведенческих моделях работника инновационной компании. Девушки ориентируются на удовольствие, которое они могут получить от того или иного занятия, что характерно для женского менталитета, хотя трудовая деятельность связана не только с эмоциональными, но и волевыми регуляторами (это заметно по характеристикам китайок). Волевая регуляция поведения не просматривается, а это означает, что в колледжах не уделяется достаточного внимания формированию важнейшего качества профессионала — саморегуляции эмоциональных состояний и поведения.

Эмоциональные регуляторы важны, и их специфика, отмечаемая в колледжах, проявляется в третьем типе барьеров. Девушки испытывают субъективное неблагополучие, что, безусловно, снижает учебную и трудовую мотивацию. Они настроены на усиление клановой составляющей ОК в ущерб иерархическому и деловому компонентам. Поиск эмоциональной поддержки чреват несколькими негативными последствиями: снижением личной ответственности, пренебрежением регламентами, попытками решить рабочие проблемы на уровне межличностных договоренностей и уступок, подменой инновационности псевдоинновационностью, трудовой вовлеченности в учебную и трудовую деятельность активностью в сфере межличностных отношений, снижением участия в повышении квалификации и самообучении. Ценностная ориентация девушек на приоритет клановой составляющей в ОК не означает, что ей нужно следовать, слишком негативные последствия в общей подготовке специалиста имеют такие изменения организационных условий. Но и усиление иерархической составляющей не является выходом. Ситуация с отношением к учебе и труду в иранских колледжах показывает, насколько опасен крен, противоположный клановому, в организационных условиях.

Конструктивным решением является, по всей видимости, сбалансированная ОК, которую можно наблюдать в китайских колледжах. Это очень трудное для реализации решение, требующее внедрения специальных социализационных программ и подготовки педагогов, пока не готовых к эффективной упреждающей организационной социализации студенток, не имеющих ни мотивации, ни должных компетенций. Такие программы основаны на приоритете инновационных ценностей и балансе иерархических, клановых и деловых ценностей.

Инновационные ценности — основа готовности к принятию технологических и управленческих инноваций, профессиональному и личностному развитию. Иерархические ценности являются предикторами соблюдения строгих регламентов и технологий производства. Клановые ценности дают необходимый уровень психологической защиты, снижают психологические издержки внедрения инноваций, способствуют становлению позитивного психологического климата. Требованиям преподавания и обучения по новым программам нельзя соответствовать без поведенческих компетенций в рамках делового (рыночного) контекста. Деловая этика сопряжена с высоким уровнем саморегуляции, обязательности, личной ответственности, способности работать в условиях внутренней конкуренции; готовностью к повышению квалификации и самообучению не только в настоящий момент, но и в условиях возможного перерыва в будущей трудовой деятельности в связи с беременностью и уходом за ребенком.

Такой подход вполне соответствует все более четко осознаваемой необходимости построения и в деловых организациях, и в образовательных учреждениях возрастных и гендерных экосистем, повышающих качество учебной и трудовой жизни и, следовательно, способствующих формированию перспективного человеческого капитала для новой экономики [Коростылева, 2019].

Выводы

1. Отношение к труду студенток индустриальных колледжей существенно зависит от экономической ситуации в стране, организационной культуры колледжей, адекватности представлений об организационной культуре современных эффективных компаний, желания работать в ординарных или инновационных компаниях и надежд на трудоустройство в них.

2. Наиболее благоприятной для становления мотивационной готовности к работе в условиях индустрии 4.0 является гармоничная организационная культура китайских колледжей. Субъективное неблагополучие и низкая трудовая мотивация иранских студенток — результат жестких условий иерархической организационной культуры и безнадежности трудовых перспектив.

3. В российских индустриальных колледжах формирование готовности девушек к работе в инновационных компаниях сдерживается целым комплексом организационно-культурных, информационных и регуляционных барьеров.

4. Для смягчения и преодоления выявленных проблем обучения студенток в индустриальных колледжах необходимы такие механизмы подготовки и повышения квалификации преподавательского корпуса и психологов для системы СПО, которые обеспечат упреждающую организационную социализацию для работы в организационных условиях современных предприятий.

Библиографический список

- Внутских А. Ю., Комаров С. В.* «Русская модель управления» и проблема производительности труда: философский анализ // Вестник Пермского университета. Сер.: Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 473—482.
- Волков Д. В.* Формирование новой модели труда и занятости на цифровой платформенной основе: (концептуальный аспект) // Экономические науки. 2020. № 190. С. 20—25.

- Горобец А. В.* Анализ конкурентоспособности российских высокотехнологичных компаний в современный период // Экономика и управление. 2015. Т. 122, № 1. С. 44—48.
- Дудырев Ф. Ф., Романова О. А., Травкин П. В.* Трудоустройство выпускников системы среднего профессионального образования: все еще омут или уже брод // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 109—136.
- Завьялова Е., Алсуфьев А., Краковецкая И., Лицзюнь В., Ли Д.* Развитие персонала в китайских инновационно-активных компаниях // Форсайт. 2018. Т. 12, № 3. С. 43—52.
- Захарова Л. Н., Шилова Л. Н., Гадбеджи З., Чжу Лиучуан.* Организационная культура индустриальных колледжей и предприятий России, Китая и Ирана в оценках студентов и преподавателей // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 234—254.
- Квачев В. Г., Юдина М. А.* Индустрия 4.0: поражение работы или победа творческого труда // Государственное управление: электронный вестник. 2017. Октябрь. С. 140—158. URL: https://www.researchgate.net/publication/320923272_Industry_40_porazenie_raboty_ili_pobeda_tvorceskogo_truda_Industry_40_A_Loss_for_Labor_or_a_Victory_for_Creative_Work (дата обращения: 12.11.2020).
- Коростылева Н. Н.* Формирование гендерной экосистемы современной организации: тенденции и перспективы // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 27—39.
- Мамедова Н.* Иранская экономика в условиях санкций // Мировое и национальное хозяйство. 2015. Т. 32, № 1. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2015-01/iranskaa-ekonomika-v-usloviah-sankcij> (дата обращения: 12.11.2020).
- Нагимова Н. И., Фахретдинова М. А.* Ключевые тренды развития «новой экономики» — целевой ориентир подготовки профессиональных кадров // Среднее профессиональное образование. 2019. № 2. С. 11—16.
- Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Акад. проект, 2000. 880 с.
- Савинская О. Б., Лебедева Н. В.* Почему женщины уходят из STEM: роль стереотипов // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 62—75.
- Brettel M., Chomik C., Flatten T. C.* How organizational culture influences innovativeness, proactiveness, and risk-taking: fostering entrepreneurial orientation in SMEs // Small Business Management. 2015. Vol. 53, № 4. P. 868—885.
- Cameron K. S., Quinn R. E.* Diagnosing and Changing Organizational Culture Based on the Competing Values Framework. 3rd ed. San Francisco (CA): Jossey-Bass, 2011. 204 p.
- Desmidt S., Prinzie A.* Establishing a mission-based culture: analyzing the relation between intra-organizational socialization agents, mission valence, public service motivation, goal clarity and work impact // International Public Management Journal. 2019. Vol. 22, № 4. P. 664—690.
- Ellis J., Fosdick B. K., Rasmussen C.* Women 1.5 times more likely to leave STEM pipeline after calculus compared to men: lack of mathematical confidence a potential culprit // PLOS One. 2016. Vol. 7, № 11. P. 1—14.
- Fetherston M.* Information seeking and organizational socialization: a review and opportunities for anticipatory socialization research // Annals of the International Communication Association. 2017. Vol. 47, № 3—4. P. 258—277.
- Global Innovation Index 2019 / ed. by S. Dutta, B. Lanvin, S. Wunsch-Vincent; Cornell SC Johnson College of Business. 12th ed. 2019. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2019-report> (дата обращения: 14.11.2020).
- Spence J., Robbins A.* Workaholism: definition, measurement and preliminary results // Journal of Personality Assessment. 1992. Vol. 58, № 1. С. 160—178.
- Van Maanen J.* People processing: strategies of organizational socialization // Organizational Dynamics. 1978. № 7. P. 18—36.

References

- Brettel, M., Chomik, C., Flatten, T. C. (2015) How organizational culture influences innovativeness, proactiveness, and risk-taking: fostering entrepreneurial orientation in SMEs, *Small Business Management*, vol. 53, no. 4, pp. 868—885.
- Cameron, K. S., Quinn, R. E. (2011) *Diagnosing and Changing Organizational Culture Based on the Competing Values Framework*, 3rd ed., San Francisco, CA: Jossey-Bass.
- Desmidt, S., Prinzie, A. (2019) Establishing a mission-based culture: analyzing the relation between intra-organizational socialization agents, mission valence, public service motivation, goal clarity and work impact, *International Public Management Journal*, vol. 22, no. 4, pp. 664—690.
- Dudyrev, F. F., Romanova, O. A., Travkin, P. V. (2019) Trudoustroïstvo vypusknikov sistemy srednego professional'nogo obrazovaniia: vsë eshchë omut ili uzhe brod [Employment of vocational graduates: still a slough or already a ford?], *Voprosy obrazovaniia*, no. 1, pp. 109—136.
- Dutta, S., Lanvin, B., Wunsch-Vincent, S. (eds) (2019) *Global Innovation Index 2019*, Cornell SC Johnson College of Business, 12th ed., available from <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2019-report> (accessed 14.11.2020).
- Ellis, J., Fosdick, B. K., Rasmussen, C. (2016) Women 1.5 times more likely to leave STEM pipeline after calculus compared to men: lack of mathematical confidence a potential culprit, *PLOS One*, vol. 7, no. 11, pp. 1—14.
- Fetherston, M. (2017) Information seeking and organizational socialization: a review and opportunities for anticipatory socialization research, *Annals of the International Communication Association*, vol. 47, no. 3—4, pp. 258—277.
- Gorobets, A. V. (2015) Analiz konkurentosposobnosti rossiïkikh vysokotekhnologichnykh kompanii v sovremennyi period [Analysis of competitiveness of Russian high-tech companies in the modern period], *Èkonomika i upravlenie*, vol. 122, no. 1, pp. 44—48.
- Korostyleva, N. N. (2019) Formirovanie gendernoï èkosistemy sovremennoï organizatsii: tendentsii i perspektivy [The formation of modern organizations gender ecosystem: trends and prospects], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 3, pp. 27—39.
- Kvachev, V. G., Iudina, M. A. (2017) Industriia 4.0: porazhenie raboty ili pobeda tvorcheskogo truda [Industry 4.0: a loss for labor or a victory for creative work?], *Gosudarstvennoe upravlenie: Èlektronnyi vestnik, oktiabr'*, pp. 140—158, available from https://www.researchgate.net/publication/320923272_Industria_40_porazhenie_raboty_ili_pobeda_tvorcheskogo_truda_Industry_40_A_Loss_for_Labor_or_a_Victory_for_Creative_Work (accessed 12.11.2020).
- Mamedova, N. (2015) Iranskaia èkonomika v usloviakh sanktsii [Iranian economy under sanctions], *Mirovoe i natsional'noe khoziaïstvo*, vol. 32, no. 1, available from <https://mirec.mgimo.ru/2015-01/iranskaa-ekonomika-v-usloviah-sankcij> (accessed 12.11.2020).
- Nagimova, N. I., Fakhretdinova, M. A. (2019) Kliuchevye trendy razvitiia “novoi èkonomiki” — tselevoi orientir podgotovki professional'nykh kadrov [Key trends in the development of the ‘new economy’ — the target point of professional personnel training], *Srednee professional'noe obrazovanie*, no. 2, pp. 11—16.
- Parsons, T. (2000) *O strukture sotsial'nogo deïstviia* [The structure of social action], Moscow: Akademicheskii proekt.
- Savinskaia, O. B., Lebedeva, N. V. (2020) Pochemu zhenshchiny ukhodiat iz STEM: rol' stereotipov [Why women leave STEM: the role of stereotypes], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 2, pp. 62—75.
- Spence, J., Robbins, A. (1992) Workaholism: definition, measurement and preliminary results, *Journal of Personality Assessment*, vol. 58, no. 1, pp. 160—178.

- Van Maanen, J. (1979) People processing: strategies of organizational socialization, *Organizational Dynamics*, no. 7, pp. 18—36.
- Vnutsikh, A. Iu., Komarov, S. V. (2019) “Russkaia model’ upravleniia” i problema proizvoditel’nosti truda: filosofskii analiz [Russian management model and the problem of labor productivity: philosophical analysis], *Vestnik Permskogo universiteta*, seriia Filosofii. Psikhologii. Sotsiologii, iss. 4, pp. 473—482.
- Volkov, D. V. (2020) Formirovanie novoï modeli truda i zaniatosti na tsifrovoi platformennoi osnove: (Kontseptual’nyi aspekt) [Formation of a new model of labor and employment on a digital platform: (Conceptual aspect)], *Èkonomicheskie nauki*, no. 190, pp. 20—25.
- Zakharova, L. N., Shilova, L. N., Gadbedzhi, Z., Chzhu Liuchuan (2020) Organizatsionnaia kul’tura industrial’nykh kolledzhei i predpriatii Rossii, Kitaia i Irana v otsenkakh studentov i prepodavatelei [Organizational cultures of vocational schools and enterprises in Russia, China and Iran as perceived by students and teachers], *Voprosy obrazovaniia*, no. 3, pp. 234—254.
- Zav’ialova, E., Alsuf’ev, A., Krakovetskaia, I., Litsiun’, V., Li, D. (2018) Razvitie personala v kitaiskikh innovatsionno-aktivnykh kompaniiakh [Personnel development in Chinese innovation-active companies], *Forsait*, vol. 12, no. 3, pp. 43—52.

Авторы выражают благодарность магистру психологии Чжу Лиучуан, оказавшей неоценимую помощь в сборе данных в КНР.

Статья поступила 12.12.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Захарова Людмила Николаевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии управления, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zlnnov@mail.ru (Dr. Sc. (Psychology), Professor, Head of the Department of Psychology of Management, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна — доктор исторических наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zara@fsn.unn.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Гадбеджи Захра — аспирантка кафедры психологии управления, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, z.ghadbeigi@gmail.com (Post-graduate student at the Department of Psychology of Management, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 2. P. 121—128
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.9

Женщина в российском обществе
2021. № 2. С. 121—128
ББК 66.74(7Кан)
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.9

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАНАДЕ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Е. В. Израелян

Институт США и Канады, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, evgenia_vik13@mail.ru

Женское движение Канады является важной политической силой, оказывающей серьезное влияние на массовое сознание и государственную политику. В статье рассматриваются следующие вопросы: особенности современного этапа женского движения Канады, результаты диалога государства и женского движения, опыт сотрудничества канадских и российских организаций в области гендерной проблематики.

Ключевые слова: Канада, женское движение, женское движение в Канаде, гендерные проблемы, диалог государства и женского движения, сотрудничество женских организаций России и Канады.

WOMEN'S MOVEMENT IN CANADA: THE PAST AND THE PRESENT

E. V. Israelian

Institute for the U. S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, evgenia_vik13@mail.ru

The Canadian women's movement is an important political force that has a significant impact on public mentality and government's policy. The article addresses the following issues: the features of the current stage of the women's movement in Canada, the outcomes of the interaction between the state and the women's movement, the experience of cooperation between Canadian and Russian organizations in the field of gender issues.

Key words: Canada, women's movement, Canadian women's movement, gender issues, dialog of the state and women's movement, cooperation between Canadian and Russian women's organizations.

Женское движение Канады имеет многолетнюю историю. В ней были впечатляющие успехи и крупные неудачи, неизбежные для любых форм гражданского участия. В наши дни женское движение Канады является важной политической силой, которая оказывает серьезное влияние на массовое сознание и государственную политику. О вкладе женского движения в социально-экономическое развитие страны свидетельствуют результаты исследования еженедельника «U. S. News & World Report»: Канада входит в пятерку государств, создавших наиболее благоприятные условия для жизнедеятельности женщин [Canada... , 2020].

Женское движение в Канаде многогранно и неоднородно. Вовлеченные в него группы и организации отличаются по целям, задачам, социальному составу, опыту, формам и методам деятельности. Их работа охватывает широкий круг проблем: часть досталась женским НПО по наследству от их предшественниц, другие вопросы отражают нынешние глобальные и внутриполитические реалии.

Новым направлением деятельности женских НПО в Канаде в 2000-х гг. стала борьба против сексуального насилия и домогательств. Это движение возникло в США с хэштегом #MeToo. Его канадская версия #AfterMeToo продолжила традиции протеста против насилия в отношении женщин, зародившегося еще в XX в. Добавление слова «after» связано с тем, что, по мнению канадских активисток, обнародовать случаи, заявить о проблеме в творческой среде недостаточно. Они считают, что надо предпринимать дальнейшие шаги. Реагируя на требования женской общественности, министр труда Канады представила на обсуждение в парламенте дополнения в трудовой кодекс и в другие акты о недопустимости харассмента. Последовали отставки нескольких министров, обвиненных в сексуальных домогательствах. Премьер-министр Канады Дж. Трюдо в январе 2018 г. на экономическом форуме в Давосе заявил: «Харассмент любого вида неприемлем, и канадцы имеют право жить и работать свободными от него. Правительство очень серьезно принимает заявления о неподобающем поведении и считает, что важно поддерживать женщин, которые их выдвигают» [Забелина, 2018: 208].

Другим важным направлением деятельности современного женского движения Канады является защита прав меньшинств — этнических, религиозных, сексуальных. Напомним, что Канаду называют «страной переселенческого капитализма», нацией иммигрантов. Ее население составляет свыше 200 этнических групп, различных по культуре, языку и религии. Охраной их прав занимаются как женские организации общего характера, так и НПО, охраняющие интересы отдельных групп женского населения. Особенно активны объединения лесбиянок и трансгендеров. Например, «Egale Canada»¹ — национальная организация, борющаяся против нарушения прав лиц нетрадиционной ориентации. Она имеет отделения во всех провинциях и территориях страны. Стоит отметить, что под влиянием женского движения в 2005 г. Канада стала четвертой в мире и первой страной в Северной и Южной Америке, легализовавшей однополые браки. При правительстве Дж. Трюдо в Канаде создан секретариат, занимающийся проблемами лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров (LGBTQ2 secretariat).

¹ «Egale Canada» раньше называлась «Equality for Gays and Lesbians Everywhere» («Равенство геев и лесбиянок повсюду»). Современное название является аббревиатурой прежнего.

Гражданские организации Канады «курируют» и другие категории женского населения, находящиеся в «группе риска». В их числе — женщины инвалиды, пожилые женщины (организация «Разгневанные бабушки» («Raging Grannies»)), беженки.

Особенно остро стоит вопрос о положении коренных жительниц страны. Это одна из болевых точек канадского политического контента, возникшая в годы колонизации Северной Америки. Показатели продолжительности жизни, состояния здоровья, образовательного уровня представительниц «первых наций» (так называются в Канаде коренные народы — first nations) значительно ниже, чем в других женских группах. Кроме того, индейские женщины нередко сталкиваются с нарушениями своих имущественных и статусных прав. Дело в том, что «статусные индейцы» в Канаде имеют ряд привилегий, в том числе освобождение от налогов. Индейские женщины, обладавшие статусом, нередко теряли его в случае брака с нестатусными индейцами или лицами другого этнического происхождения. Хотя законы 1985 г. и отменили эти дискриминационные положения, подобные прецеденты происходят и в наши дни.

Однако самым грубым нарушением прав женщин-аборигенов является применяемое в отношении их насилие. В 2016—2019 гг. под давлением женского движения было проведено государственное расследование случаев исчезновения и убийств женщин и девочек из числа коренных народов. Оно выявило беспрецедентно высокий уровень насилия в отношении этой демографической группы: он в 16 раз превышает аналогичный показатель в отношении белых женщин [Tasker, 2019].

Отметим, что движение за права коренных жителей Канады заметно активизировалось на фоне массовых столкновений, организованных американскими праворадикальными, националистическими, антирасовыми и антифашистскими группами во время избирательной кампании в США 2020 г. Кульминацией волнений стали акты вандализма, поразившие благополучную и мирную Канаду. В 2020 г. в Монреале был разрушен памятник первому премьер-министру Дж. А. Макдоналду (время правления с 1867 по 1891 г.). Толпа объявила его виновным в геноциде индейцев из-за создания принудительной системы школ-интернатов для детей из индейских семей.

Отдельного упоминания заслуживает женское движение в франкоязычной провинции Квебек. В Канаде находится единственная в Северной Америке территория с преобладающим франкоговорящим населением, которое полностью сохранило родной язык, католическое вероисповедание, своеобразный национальный характер, богатую и самобытную культуру. Суть франкоканадской проблемы в прошлом укладывалась в символический образ «двух одиночеств», который в определенной степени отражал раздельное существование двух наций-основательниц. В наши дни градус противостояния между франкоканадцами и англоканадцами снизился, но проблема конституционного признания Квебека как особого общества остается нерешенной. Неудивительно, что в «мятежной» провинции (в истории Квебека были и сепаратистские выступления, и террористические акты) сложилось активное женское движение с многолетним опытом и традициями, получившее известность в Канаде и за рубежом.

Самая крупная женская организация — Федерация женщин Квебека (*Fédération des Femmes du Québec*). Она выступает за сохранение самобытности Квебека, увеличение контроля провинциальной власти «за собственными делами», а также за равноправие женского населения этого региона. Защищая интересы представительниц этнических меньшинств, Федерация требует отмены принятого правительством Квебека в 2019 г. закона о запрете государственным служащим носить религиозные символы (например, хиджаб). Руководство Федерации критикует закон за дискриминационный и сексистский характер [Valiante, 2019].

Переходя к вопросу о взаимодействии государства и женского движения, отметим, что в Канаде создана достаточно успешно действующая модель согласования интересов различных групп при принятии правительством хозяйственных и политических решений. В основе этой политики лежит понимание правящей элитой необходимости сотрудничества с общественными, в том числе с женскими, организациями, объединяющими в своих рядах большинство электората страны. Диалог государства и гражданского общества стал неотъемлемой частью политического процесса в Канаде [Исраелян, 2006: 94].

Многие женские организации, особенно работающие на местном уровне, служат «каналами обратной связи» между государством и гражданским обществом, привлекая внимание властей к гендерным и другим общественным проблемам. Заставляя правительство учитывать нужды женского населения, движение вносит несомненный вклад в демократизацию основ государственного устройства и институтов Канады.

Заинтересованность государства в партнерстве с женскими НПО обусловлена и тем, что они являются эффективным поставщиком социальных услуг, прежде всего незащищенным слоям общества — малоимущим, инвалидам, пенсионерам, беженцам. При этом женские организации отличаются не только способностью оперативно реагировать на нужды населения, но и низкими административными издержками. Именно в социальной сфере, где НПО обладают большим опытом и возможностями, чем государственные структуры, взаимодействие приносит особенно заметные результаты (расширение спектра услуг для граждан и улучшение их качества). Нередки случаи, когда государство уходит из некоторых сфер своей деятельности, делегируя соответствующие функции женским НПО.

Кроме того, государство рассматривает женское движение как сферу социальных инноваций и важный интеллектуальный ресурс. Многие образовательные, управленческие, информационные технологии, современные методы социальной работы и волонтерства Канады были впервые апробированы женскими и другими общественными организациями. Затем они стали частью государственной, провинциальной или муниципальной политики. Со своей стороны, женское движение рассматривает различные формы и методы взаимодействия с властью как одну из важных составляющих своей работы. Примерами могут послужить кризисные центры для пострадавших от насилия, система реабилитации ВИЧ-инфицированных, современные виды работы с детьми-инвалидами.

Сферой взаимодействия государства и женского движения Канады является также разработка и принятие законодательных и нормативных актов. Особую

роль в этом процессе играют аналитические («мозговые») центры, экспертные группы и университеты, специализирующиеся на гендерной проблематике. По инициативе женских организаций равноправие по признаку пола было конституционно закреплено в Канадской хартии прав и свобод 1982 г., являющейся составной частью Конституции страны.

Еще одно важнейшее достижение женского движения — создание отдельного ведомства, занимающегося «женским вопросом», — Агентства по делам женщин (сейчас это Департамент по делам женщин и гендерному равенству — Department for Women and Gender Equality). Агентство было учреждено в 1976 г. по рекомендации Канадской Королевской комиссии, созданной в 1967 г. в результате настойчивых требований женского движения. Образование Королевских комиссий является сложившейся практикой политической жизни Канады: их члены назначаются генерал-губернатором из числа ведущих экспертов или представителей судебной власти для проведения всестороннего исследования по той или иной проблематике. Результаты деятельности таких комиссий затем рассматриваются правительством. Эта комиссия работала в течение трех лет и в 1970 г. предложила 167 рекомендаций, касавшихся ключевых вопросов гендерной политики. В их числе: равная оплата за равный труд, увеличение политического представительства женщин, предотвращение насилия в отношении женщин. Многие из них были приняты. Например, в 1971 г. была введена должность федерального министра по положению женщин. А в 1976 г. появилось отдельное ведомство, занимавшееся «женским вопросом», — Агентство по делам женщин (Status of Women Canada). Доклад вошел в историю как крупный прорыв в борьбе канадских женщин за свои права, а 1970 год находится в списке памятных дат, которые отмечаются в Канаде. С тех пор в стране действует эффективный механизм продвижения гендерного равенства.

В настоящее время министром по делам женщин и гендерного равенства Канады является М. Монсеф (Maryam Monsef), которая, несмотря на свою молодость (35 лет), уже имеет опыт министерской деятельности: она занимала пост министра международного развития, а затем министра демократических институтов в первом кабинете Дж. Трюдо. До начала политической карьеры Монсеф руководила исследовательскими и волонтерскими проектами, направленными на защиту прав женщин, иммигрантов и беженцев. М. Монсеф родилась в Иране в семье беженцев из Афганистана и стала первой женщиной в правительстве Канады мусульманского вероисповедания. (При подборе кадров в высшие эшелоны власти Канады ключевую роль играет принцип региональной, гендерной, этнической и конфессиональной репрезентативности. В идеале «многообразие» канадского общества должно быть полностью представлено во властных структурах страны.)

В Канаде, в отличие от многих других западных стран, прежде всего США, основное финансирование общественных, в том числе женских, организаций осуществляется из бюджетов федерального и провинциальных правительств. Будучи ключевым инвестором женского движения, власть подчас умело использует финансовые рычаги, чтобы манипулировать развитием общественных инициатив, направляя их в русло национальных приоритетов. Ориентированность женских

НПО на государственные ассигнования ограничивает их возможности оказывать противодействие политике государства.

В настоящее время в стране создано гендерно-сбалансированное правительство (18 женщин и 18 мужчин), а гендерная экспертиза основных законодательных актов стала обязательным условием политического процесса. В целом формирование политики происходит путем диалога с женскими организациями и специалистами по гендерным исследованиям, после дискуссий и консультаций.

Конец 1990-х — первое десятилетие 2000-х гг. были отмечены активным сотрудничеством канадских и российских организаций в области гендерной проблематики. В ходе создания и реализации совместных проектов российские и канадские участники обменивались научными и методологическими наработками, опытом, устанавливали контакты, привлекали материальные ресурсы. Благодаря такой кооперации гендерный компонент был включен в российско-канадскую программу реформы государственной службы, в проекты о судебной реформе и многие другие. Результатом российско-канадского сотрудничества по проекту «Женщины на рынке труда» стала разработка и широкое обсуждение гендерной стратегии для России.

Некоторые совместные проекты того времени были по-настоящему новаторскими². Благодаря их выполнению началось внедрение гендерной составляющей в новые, прежде не охваченные сферы. Впервые в России был проведен гендерный анализ избирательных кампаний (1999/2000 гг. и 2003/2004 гг.), опубликовано комплексное пособие по гендерному образованию для широкого круга читателей «Просто о сложном: гендерное просвещение», проведены стажировки по правам женщин для коренных народов Севера и Дальнего Востока, состоялась конференция с участием руководителей всех российских женских колоний и колоний для девочек. Также впервые были разработаны курсы, посвященные роли и месту женщины в обществе для технических вузов и средней школы (Ивановский государственный университет), и методическое пособие для работников дошкольных учреждений, помогавшее формировать у детей мировоззрение, свободное от гендерных стереотипов (Мурманский государственный педагогический институт).

Еще одним примером прорыва в сфере гендерного просвещения было издание «Словаря гендерных терминов», в котором впервые сделана попытка объяснить широкой публике понятия «гендер», «феминизм» и многие другие. Большой широтой охвата отличался проект «Женщины в кино», который проходил в рамках ежегодного правозащитного кинофестиваля «Сталкер», привлекая самую широкую российскую аудиторию. Особо хочется упомянуть конкурс, посвященный роли женщин в Великой Отечественной войне, который прошел накануне 60-летия Победы. Работа была направлена на то, чтобы осветить вклад женщин в победу, показать, что не только мужчины выиграли войну, что это было общее героическое свершение.

В заключение отметим, что самой актуальной проблемой, стоящей перед правительствами, общественными движениями и научными кругами, является борьба с пандемией COVID-19. В этом процессе особая роль принадлежит женскому движению, для чего существует множество причин. Во-первых,

² См. личный архив автора.

с наступлением эпидемии стремительно возрос объем домашних забот, львиная доля которых ложится на плечи женщин. Во-вторых, последствием вирусной инфекции стало падение доходов женщин, которые нередко работают на условиях неполной или почасовой занятости. В-третьих, напряженность в обществе приводит к стрессам, агрессивности, всплескам домашнего и сексуального насилия. Очевидна необходимость тщательного гендерного анализа прямых и косвенных влияний вируса. Существует также высокий общественный запрос на деятельность различных женских организаций — социально ориентированных, правозащитных, профессиональных, экологических. В этих условиях борьба с пандемией может стать полем для совместных действий различных по своему характеру женских организаций, создания новых партнерств с другими сегментами гражданского общества, а также для кооперации с государственными структурами. Хочется надеяться и на то, что появятся предпосылки для возобновления контактов между российскими и канадскими женскими организациями, имевшими в прошлом опыт плодотворного сотрудничества.

Библиографический список

- Израелян Е. В. Диалог государства и общественности: опыт Канады. М.: Институт США и Канады РАН, 2006. 146 с.
- Забелина Т. Ю. Канада говорит: #МЕТОО // Канадский ежегодник. 2018. № 22. С. 202—210.
- Canada ranked 5th best country in the world for women // Daily Hive Staff. 2020. January, 15. URL: <https://dailyhive.com/montreal/canada-best-country-women-us-news-2020> (дата обращения: 09.12.2020).
- Tasker J. Inquiry into missing and murdered Indigenous women issues final report with sweeping calls for change // CBC News. 2019. June, 3. URL: <https://www.cbc.ca/news/politics/mmiwg-inquiry-deliver-final-report-justice-reforms-1.5158223> (дата обращения: 12.11.2020).
- Valiante G. Bill 21 targets Muslim women's rights, says Quebec federation of women // The Canadian Press. 2019. May, 16. URL: <https://globalnews.ca/news/5286643/bill-21-targets-muslim-womens-rights-says-quebec-federation-of-women/> (дата обращения: 02.11.2020).

References

- Canada ranked 5th best country in the world for women (2020), *Daily Hive Staff*, January, 15, available from <https://dailyhive.com/montreal/canada-best-country-women-us-news-2020> (accessed 09.12.2020).
- Israeli, E. V. (2006) *Dialog gosudarstva i obshchestvennosti: opyt Kanady* [Dialogue between the state and the public: Canada's experience], Moscow: Institute for U. S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences.
- Tasker, J. (2019) Inquiry into missing and murdered Indigenous women issues final report with sweeping calls for change, *CBC News*, June, 3, available from <https://www.cbc.ca/news/politics/mmiwg-inquiry-deliver-final-report-justice-reforms-1.5158223> (accessed 12.11.2020).
- Valiante, G. (2019) Bill 21 targets Muslim women's rights, says Quebec federation of women, *The Canadian Press*, May, 16, available from <https://globalnews.ca/>

news/5286643/bill-21-targets-muslim-womens-rights-says-quebec-federation-of-women/
(accessed 02.11.2020).

Zabelina, T. Yu. (2018) Kanada govorit: #МЕТОО [Canada says: # МЕТОО], *Kanadskii ezhegodnik*, no. 22, pp. 202—210.

Статья поступила 14.01.2021 г.

Информация об авторе / Information about the author

Израелян Евгения Викторовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт США и Канады РАН, г. Москва, Россия, evgenia_vik13@mail.ru (Cand. Sc. (History), Leading Researcher, Institute for U. S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ ЖЕНСКОЙ МИГРАЦИИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Г. И. Осадчая, Е. Е. Киселева, Е. Ю. Киреев, А. А. Черникова

Институт демографических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, Москва, Россия, osadchaya111@gmail.com

Актуальность представленного исследования обусловлена потребностью углубления научного анализа феминизации миграционных процессов на евразийском пространстве и отсутствием представления о степени разработанности и корректности научного знания о женской миграции. Цель статьи — выявить основные направления изучения данного феномена, а также дать критическую оценку глубины анализа проблематики в условиях развития научного дискурса о нем. Осуществлен обзор литературы и анализ тематических публикаций по проблемам женской миграции, проведена систематизация разрозненных сведений, определены тенденции в развитии научного знания по этой социальной проблеме. Показано, что актуализация изучения вопроса объясняется изменением масштабов женской миграции. Дана характеристика теоретических подходов, используемых для анализа феминизации миграции, выявлены наиболее обсуждаемые научные проблемы. Среди них: теоретические, методологические и методические вопросы исследований; направления, объемы и формы женской миграции; факторы, причины и последствия феминизации миграционных потоков; проблемы, с которыми сталкиваются женщины из-за миграции в странах исхода и принимающих странах. Названы перспективные идеи и направления дальнейшего развития научного знания о женской миграции: адаптация женщин-мигрантов в принимающих обществах и реадaptация в странах исхода; их интеграционные стратегии, индивидуальные практики, идентичности; сравнительные исследования положения женщин в странах исхода и принимающих обществах, социального здоровья, социального самочувствия и социальных настроений, влияния феминизации миграции на интеграционные процессы на евразийском пространстве. Важно в большей мере сосредоточиться на миграционной политике принимающих и отдающих стран, особенно ее социальных аспектах, на разработке мер по преодолению стереотипов в сферах политики и управления, на рынке труда и в средствах массовой информации. Все это будет способствовать лучшему пониманию интересов и особых потребностей женщин в миграционных процессах, изучению влияния гендерных отношений на принятие решений в данной сфере.

Ключевые слова: миграция, евразийское пространство, феминизация миграционных процессов, факторы, причины, последствия, страны исхода, принимающие страны, миграционная политика.

© Осадчая Г. И., Киселева Е. Е., Киреев Е. Ю., Черникова А. А., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50569 «Основные векторы женской миграции на евразийском пространстве».

THE MAIN VECTORS OF FEMALE MIGRATION IN THE EURASIAN SPACE

G. I. Osadchaya, E. E. Kiseleva, Ye. Yu. Kireev, A. A. Chernikova

Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Centre,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, osadchaya11@gmail.com

The relevance of the presented study is due to the need to deepen the scientific analysis of the migration processes feminization in the Eurasian space and the lack of understanding of the extent and the soundness of the previous scientific research in the women's migration sphere. The article aims to identify the main research areas within the study of this phenomenon and to critically assess the depth of existing analyses of issues in the development of scientific discourse about it. The article reviews the literature and analyzes thematic publications on the problems of women's migration, systematizes disparate knowledge, and identifies trends in the development of scientific knowledge on this social problem. The authors point out that women's migration study mainstreaming can be explained by the change in the scale of female migration. The article describes the theoretical approaches used to analyze the feminization of migration, and identifies the most discussed scientific issues. These include theoretical and methodological problems of research; women's migration turnover, patterns and forms; factors, causes and consequences of the feminization of migration flows; problems faced by women due to the origin of migration and host countries. The article determines the areas for women's migration continuing research. These include adaptation of migrant women in host societies and readaptation in the countries of origin, their integration strategies, individual practices, identities, comparative studies of women's social status in the countries of origin and host societies, social health, social well-being and social attitudes, the impact of the feminization of migration on integration processes in the Eurasian space. It is important to focus more on the migration policies of receiving and sending countries, especially their social aspects, and to develop measures to overcome stereotypes in the fields of politics and governance, the labor market and the media. All this will contribute to a better understanding of the ongoing processes, the study of the interests, special needs and unique experience of women in migration processes, the impact of gender relations on decision-making in this area, and the use of resources.

Key words: migration, Eurasian space, feminization of migration processes factors, causes, consequences, countries of origin, host countries, migration policy.

Введение

Наращение феминизации миграционных потоков на евразийском пространстве в рамках сложившейся модели миграционных потоков, характеризующейся в основном переездом на постоянное место жительства и трудовой миграцией из всех государств — членов ЕАЭС и СНГ в Россию, отмечается специалистами начиная с 2000-х гг. По экспертной оценке, в 2020 г. доля женщин в миграционном потоке из Кыргызстана достигла 40 %, из Узбекистана и Таджикистана — менее 20 % [Варшавер, Рочева, 2015; Рочева, 2020]. Отметим, что феминизация миграции характеризуется и увеличивающейся вовлеченностью женщин в рынок труда, занятием ими более статусных позиций.

Особые социальные функции, выполняемые женщиной в обществе, и сохраняющаяся дискриминация, общественная потребность в обеспечении равных

прав и возможностей мужчин и женщин в их самореализации актуализируют гендерное измерение миграционных процессов. В последние годы исследовательское поле женской миграции неуклонно увеличивается. Однако пока не проведена систематизация разрозненных сведений, не дан всесторонний анализ тематических публикаций, не выявлены тенденции в развитии научного знания по данной социальной проблеме.

Требует особого внимания выделение новых направлений исследований о женской миграции для понимания интересов и особых потребностей женщин в миграционных процессах, изучение влияния гендерных отношений на принятие решений в данной сфере, вопросов использования ресурсов.

Результаты исследования

Изучающие проблемы миграции фиксируют глобальный характер феминизации миграционных процессов. По их оценке, гендерный баланс в международной миграции стал меняться в конце XX в. под воздействием множества факторов в сторону увеличения доли женщин. По данным Международной организации по миграции, в 2019 г. женщины в общем миграционном потоке уже составляли 48 %, а среди трудовых мигрантов в 2017 г. — 42 % [Доклад о миграции в мире, 2020].

Изменение масштабов женской миграции актуализировало изучение этой проблемы. Основы теории женской миграции заложены такими зарубежными исследователями, как М. Мороквасик, Кр. Харциг, С. Чант и другие, на стыке экономической и гендерной социологии [Morokvasic, 1984; Chant, 1992; Harzig, 2001].

Основные принципы гендерного подхода к исследованию миграции приводятся в работах П. Пессар и С. Малер, Х. Лутц, Й. Карлинга, П. Хондагней Сотело, Н. Оиши [Mahler, Pessar, 2001; Lutz, 2002, 2010; Carling, 2005; Hondagneu-Sotelo, 1992, 2003; Oishi, 2002].

Х. Лутц свою схему изучения гендерной перспективы миграции связывает с транснациональной миграцией, подчеркивая, что она в большей мере гендерно-сбалансирована и мужчины в ней не всегда занимают сильную позицию в иерархии. Ее схема включает три уровня гендерно-опосредованных социальных феноменов. На макроуровне изучаются доступные женщинам и мужчинам сегменты рынка труда принимающей страны, которые вместе с гендерными порядками посылающих стран задают для них и потенциальных мигрантов структуру возможностей, а также встраивание мигрантов и обусловленность «сортинга» гендерными дискурсами принимающего и отправляющего обществ о «женской» и «мужской» работе. Эта структура возможностей связана, по ее мнению, с факторами мезоуровня, например социальными сетями, миграционными стратегиями и режимами миграции. На микроуровне исследуются индивидуальные практики, идентичности и позиции в транснациональном социальном пространстве [Lutz, 2002, 2010].

С. Малер и П. Пессар предлагают рассматривать гендерный аспект миграционных процессов с точки зрения теории «гендерных пространств власти» [Mahler, Pessar, 2001]. Н. Оиши для понимания и объяснения особенностей женской миграции использует существующие теории миграции, не инкорпорируя в них гендерный подход [Oishi, 2002].

Б. Андерсон, исследуя социальное здоровье женщин-иммигрантов, прежде всего акцентирует внимание на психологическом здоровье и приходит к выводу о том, что особое влияние на него оказывает социальная среда. Домашние дела как обязанность и невозможность заняться чем-то другим угнетают женщин-иммигрантов [Anderson, 1997].

Многие исследователи женской трудовой миграции используют подход «Women in Development» («Женщина в развитии»), согласно которому возрастание роли женщин в международном миграционном обмене связано с процессами углубления глобализации, экономическим развитием и формированием специфически женских сфер занятости [Anderson, 1997; Phizacklea, 1998; Lutz, 2010].

Активизация миграционных процессов на евразийском пространстве в конце 1990-х — начале 2000-х гг. привлекла к этой тематике внимание российских исследователей. Основы теории женской миграции развивали Е. Тюрюканова, З. Хоткина, И. Бритвина, И. Гобеджишвили, В. Подшивалов и другие [Тюрюканова, 1996, 2002; Хоткина, 2003; Бритвина, 2006; Гобеджишвили, 2005; Подшивалов, 2004].

В последние годы гендерные аспекты миграционной проблематики в Большой Евразии все чаще включаются в научный дискурс. Анализ публикаций по теме за последние 5 лет выявил ряд наиболее обсуждаемых научных проблем: 1) теоретические, методологические и методические проблемы исследований женской миграции; 2) направления, объемы и формы женской миграции; 3) факторы, причины и последствия феминизации миграционных потоков; 4) проблемы, с которыми сталкиваются женщины из-за миграции в странах исхода и принимающих странах.

1. Теоретические, методологические и методические проблемы исследований женской миграции

А. Рочева предлагает для исследования проблем женской миграции использовать концепцию интерсекциональности [Collins, 2000], в которой позиция каждого индивида в обществе определяется посредством пересечения осей дифференциации — класса, этничности, гендерной идентичности и сексуальной ориентации, миграционного статуса, ограниченных возможностей, что, в свою очередь, обуславливает возможность доступа к ресурсам и задает занимаемую позицию, детерминирует положение женщин-мигранток и может стать причиной дискриминационного отношения и неравенства в доступе к ресурсам, в том числе к медицинским и социальным услугам. Предлагается также использовать потенциал концепции стратифицированного воспроизводства [Colen, 1995: 78] для исследования разнообразия внутри одной группы. Изучая «траектории женщин-мигрантов из Кыргызстана при взаимодействии с медицинскими учреждениями в ситуации беременности и родов в Москве», она отмечает, что репродуктивное поведение может реализовываться и оцениваться по-разному, в зависимости от доступа к материальным и социальным ресурсам в конкретном историческом и культурном контексте [Рочева, 2014: 367].

Ж. Кадыркулова указывает на важность учета — при изучении последствий миграционных процессов для женщин — социально-культурного контекста страны исхода. Так, для понимания ситуации в Кыргызстане она считает

необходимым рассматривать миграцию женщин с точки зрения отсутствия гендерного равенства, традиционных ролей женщин, рынка рабочей силы для мужчин и для женщин, гендерного насилия, глобальных процессов феминизации нищеты и миграции рабочей силы [Кадыркулова, 2018].

Продуктивными для изучения миграционных процессов женщин могут быть теория практик и социология материального [Пешкова, 2018], поскольку современная миграция, как сложный транснациональный феномен, характеризуется циркуляцией между странами не только людей, идей, символов, социальной и экономической активности, но и элементов материальной культуры, а также желаний и ожиданий относительно материальных ценностей.

В. Пешкова показывает, что «перформативность и контекстуальность» социальных функций и смыслов вещей, их роль в миграционных практиках подтверждаются миграционным обменом между Средней Азией и Россией. Между мигрантами и их семьями, сообществом в отправляющей стране перемещаются вещи (подарки, сувениры и т. п.), которые характеризуют особенности миграционного движения между странами, влияют на качество жизни семей мигрантов, активизируют формирование диаспоральности и через «экзотизацию этнического мигрантов» позволяют получать представление об их культуре [там же].

По мнению А. Гребенюка, значимой и актуальной для понимания женской миграции представляется теория двойных рынков труда М. Пиоре [Гребенюк, 2016]. Двойственный характер рыночной экономики, искусственная сегментация рынка труда, защищенность местного населения различными общественными институтами (профсоюзы, трудовое законодательство) и меньшая защищенность мигрантов обуславливают спрос на рабочую силу, не притязательную к условиям труда и готовую работать в неблагоприятных и нестабильных условиях с низкой оплатой труда. Этим объясняется адаптивность значительного числа мигрантов-женщин к низкооплачиваемой и тяжелой работе [Piore, 1979].

И. Короткова, Н. Гаврилова предлагают в качестве показателей серьезности намерений мигрантов интегрироваться в принимающую среду использовать оценку установок на улучшение образования детей, намерение дать образование своим детям в России, восприятие России в качестве постоянного места жительства, на контакты и связи с местными жителями и их отсутствие со страной происхождения, а также на брак с представителями местного сообщества [Korotkova, Gavrilova, 2019].

2. Направления, объемы и формы женской миграции

Ряд научных статей посвящены анализу направлений, объемов и форм женской миграции. По оценке ученых, ее главным вектором на евразийском пространстве из государств — членов ЕАЭС и стран СНГ остается Россия, из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана — Россия и Казахстан, страны Ближнего Востока. Эмигрантки из Молдовы, Украины и Беларуси чаще выезжают на заработки в страны Европы, преимущественно в Италию, Португалию, Испанию. Отмечается распространение на постсоветском пространстве брачной эмиграции, прежде всего женщин славянского фенотипа [Осадчая, Юдина, 2016; Рязанцев и др., 2019b].

Принимает все большие масштабы явление «родильного туризма» мигранток из Центральной Азии [Батенева, 2013].

В активизации миграционных процессов в Евразии ощутима роль азиатских государств: Китая, КНДР, Турции, Вьетнама [Труд и занятость в России, 2018].

Специалисты фиксируют расширение социальной базы эмиграции из России в том числе за счет женщин [Ионцев и др., 2016], а также рост трудовых миграций среди женщин в возрастных когортах 30—34 и 50—59 лет. Особенно это характерно для женщин — трудовых эмигрантов из России [Todorov et al., 2018].

Отмечается все большее включение женщин во все формы миграции, прежде всего трудовую, затем образовательную, воссоединения с семьей [Рязанцев и др., 2019а; Байков и др., 2018]. Наибольшая востребованность — трудящихся-мигрантов со средним уровнем образования, хорошо знающих русский язык: на них приходилось в 2016 г. 70 % работавших в России граждан Кыргызстана. По мнению исследователей, знание русского языка позволяет гражданам Кыргызстана лучше трудоустроиться в различных отраслях российской экономики, нежели выходцам из Таджикистана, уровень владения русским языком которых значительно ниже [Полетаев, 2016, 2018].

Е. Тарханова в качестве специфики женской трудовой миграции в России отмечает наличие вынужденной миграции, коснувшейся женщин с детьми. В силу нехватки собственных трудовых ресурсов их труд оказался значим для экономики принимающей страны, но, поскольку данная категория мигранток трудоустроена в основном в неформальном секторе экономики и частных домохозяйствах, автор характеризует их как «невидимых работников», перечисляет трудности, с которыми они сталкиваются, и описывает последствия, к которым приводит такой «неформальный труд» [Тарханова, 2015].

Анализируя влияние на миграционные процессы пандемии COVID-19, С. Сивоплясова пишет, что женщины в меньшей степени почувствовали на себе ограничительные меры, связанные с эпидемией, поскольку в условиях распространения коронавируса наиболее пострадавшими отраслями стали строительство, некоторые виды торговли, сферы красоты и досуга. Гендерные особенности трудоустройства мигранток связаны с уходом за детьми, больными и престарелыми, оказанием помощи в ведении домашнего хозяйства [Сивоплясова, 2020].

При этом подчеркивается сложность точного выделения доли женщин в миграционных потоках на евразийском пространстве из-за отсутствия открытой статистики по данному показателю [Рязанцев и др., 2019b: 57], важность в этой связи оценок экспертов.

А. Илимбетова полагает, что слабое отражение процесса феминизации миграции и места женщин-мигрантов на рынке труда России в официальной статистике объясняется тем, что их труд применяется преимущественно в теневой экономике. Нелегальная занятость женщин-мигрантов благоприятствует закреплению дискриминационных практик на рынке труда и способствует их социальной и экономической уязвимости, что требует учитывать гендерный фактор в миграционном законодательстве и социальной политике принимающих стран [Илимбетова, 2013].

3. Факторы, причины и последствия феминизации миграционных потоков

Большой пласт научных работ посвящен анализу факторов, причин и последствий феминизации миграционных потоков [Осадчая, 2015, 2017; Бедрина, Тухтарова, 2016].

Среди факторов указывается такое важное событие для активизации женской миграции на евразийском пространстве, как создание Евразийского экономического союза [Осадчая, 2017; Осадчая и др., 2018; Кирова, 2019].

По мнению исследователей, рост числа женщин в миграционных потоках в Евразии обусловлен социально-демографической ситуацией в странах исхода; изменениями рынков труда, открытием новых ниш; повышением социально-экономической роли женщин в обществах, отправляющих мигрантов; изменением социальных установок в странах исхода; ростом уровня образования и карьерных установок женщин [Куприна, 2017]. К ключевым факторам феминизации миграции относят дефицит рабочей силы и формирование отраслей экономики с непривлекательными для принимающих стран рабочими местами (торговля, клининг, социальное и бытовое обслуживание, частные и общественные услуги) [Илимбетова, 2013]. На примере Кыргызстана отмечается такой специфический фактор для отдельных стран Евразии, как нехватка возможностей получения работы на формальном рынке труда и растущая ненадежность дохода женщин [Кадыркулова, 2018].

М. Секач и С. Мостиков пишут о возрастании значения психологического фактора, связанного с готовностью женщин опираться только на себя и свои силы, рисковать и устраивать свою жизнь самостоятельно [Секач, Мостиков, 2017].

Вышеперечисленные факторы подтверждает Н. Рычихина. Она отмечает, что активное появление женщин на рынке труда международных компаний объясняется обладанием ими соответствующим образованием, желанием строить карьеру, стать полноправными, самостоятельными, активными участниками процесса трудовой международной миграции. Ею выделяются характерные черты современной женской трудовой миграции: нацеленность на работу в другой стране, самостоятельный поиск работы на зарубежных рынках труда, осознанный выбор зарубежной компании для реализации своего трудового потенциала, экономические мотивы трудоустройства по специальности [Рычихина, 2020: 48].

Многими исследователями подчеркивается значение в активизации женской миграции изменения статуса женщин в странах евразийского и постсоветского пространства, существенный вклад трудовой миграции в жизнь общества на национальном и региональном уровнях [Рязанцев и др., 2019b].

На смену традиционных стереотипов в таджикском обществе, ведущих к усилению роли женщин в миграционных потоках, указывает Д. Полетаев. Сегодня женщины из Таджикистана все чаще едут как самостоятельные трудовые мигрантки не только в Россию, но и на Ближний Восток, в Корею, Японию, Восточную Европу — с детьми или оставляя детей дома на попечение родственников, в основном родителей. В ходе опроса респондентки из Кыргызстана и Таджикистана главными причинами феминизации трудовой миграции назвали желание заработать денег, воссоединение с семьей, намерение устроить личную жизнь [Полетаев, 2013, 2018].

Пониманию причин распространения женской миграции помогают эмпирические исследования, проведенные в Республике Башкортостан. Респондентами названы потребность в средствах для воспитания и обучения детей, отсутствие собственного жилья на родине, безработица, бедность, разлады в семье, долги, потребность в средствах на лечение близких людей и др. [Пескова, Абреу Бастос, 2014].

Исследователями фиксируются как позитивные, так и негативные последствия феминизации миграции. По данным эмпирических исследований, подавляющее большинство опрошенных — 84,6 % — считают, что трудовая миграция может иметь позитивное воздействие на жизнь и карьеру женщин, 62,4 % респондентов убеждены, что она оказывает благотворное влияние на регионы и страны, принимающие мигрантов [там же].

Мигрантки из Кыргызстана и Таджикистана к позитивным итогам отъезда из стран происхождения относят рост дохода, который в основном используется на питание, образование детей и улучшение жилищных условий; изменение привычных им гендерных ролей и статуса в домохозяйстве; получение независимости (от мужа, родителей и т. п.); приобретение делового опыта, что облегчает трудоустройство в будущем, положительно сказывается не только на самих женщинах и их домохозяйствах, но на экономике Кыргызстана и Таджикистана [Полетаев, 2016, 2018].

При этом отмечается, что женская трудовая миграция — рискованный проект, она может негативно повлиять на жизнь женщин, их здоровье, на отношения с детьми, в семье и обществе. Часто женщинам очень тяжело реинтегрироваться назад в общество; им трудно найти работу в связи с потерей квалификации и ценного человеческого капитала; у них чаще случаются недоразумения с повзрослевшими без них детьми и разводы в семьях; они чаще остальных женщин попадают под воздействие депрессий, нервных срывов [Пескова, Абреу Бастос, 2014].

Одним из значимых социальных последствий миграции становится распад семей. Так, в Кыргызстане происходит рост семей с одним родителем или без родителей (дети находятся на попечении родственников или соседей), что приводит в том числе к разрушению семейных ценностей и национальных традиций. В Армении подобную проблему отмечают 84,4 % постоянных и 79,1 % сезонных мигрантов [Куприна, 2017]. В Кыргызстане растет число детей, которые вынужденно становятся кормильцами; растет также количество родившихся и оставленных мигрантками в России по причине рождения вне брака или из-за недостатка средств к содержанию, а также по иным причинам. Фиксируется рост неформальных браков и распространение неформального родительства; отмечается высокий уровень стигматизации оставленных мигрантками семей в кыргызском обществе; имеют место тенденции размывания традиционных семейных норм и ценностей [Кадыркулова, 2018].

Негативное влияние женской миграции на ухудшение ситуации в социальной сфере в странах Средней Азии, по мнению исследователей, носит долгосрочный и мультипликативный характер. Отсутствие возможности у женщин ухаживать за престарелыми родителями создает ситуацию давления на социальные системы Кыргызстана и Таджикистана и ухудшает общий социальный фон. Указывается на снижение уровня доверительного отношения к государству как

к институту, в силу его неспособности защитить их родителей и предпринять дополнительные социальные меры для улучшения качества жизни их детей. При этом в странах исхода отмечается формирование подозрительности и даже недоброжелательности общества по отношению к женщинам-мигрантам [Полетаев, 2018].

Влияние миграции на рождаемость оценили К. Казенин, Э. Идрисов, М. Имашева. На основе проведенного ими анкетирования женщин 16—40 лет ногайской национальности, проживающих в местах компактного расселения ногайцев в Дагестане, сделан вывод о том, что миграция рассматриваемой группы северокавказского населения оказывает влияние на брачно-репродуктивное поведение женщин: повышается возраст вступления в брак и рождения первого ребенка и понижается число рожденных детей. Ученые показали, что изменение брачно-репродуктивного поведения у мигранток по сравнению с женщинами, проживающими на отправляющей территории, не может быть объяснено различиями между ними по степени традиционности организации семьи и степени религиозности [Казенин и др., 2018].

В качестве одной из актуальных проблем, связанных с женской миграцией из центральноазиатских стран, называется проблема брошенных детей («родильный туризм»), которые были рождены в миграции. Е. Батенева провела анализ материалов, который выявил, что чаще всего детей оставляют женщины из Кыргызстана. Но это не означает, что киргизские женщины хуже относятся к детям — их в Москве на заработках значительно больше, чем таджичек или узбечек [Батенева, 2013].

4. Особенности адаптации женщин-мигрантов

Исследователи отмечают, что среди мигрантов женщины более позитивно психологически настроены, чем мужчины, ориентированы на скорейшее привыкание к особенностям нового населенного пункта и к образу жизни местных жителей, что приводит к более быстрой, по сравнению с мужчинами, адаптации. Они активно участвуют в определении способов и направления переезда. Это приводит к меньшей разочарованности от результатов достигнутого. Им присущи особый способ установления связей и контактов, психологической разгрузки, борьбы со стрессом аккультурации («огородничество», сближение с другими мигрантами, завязывание контактов с местными жителями для эмоционального общения, поездки в гости, перечитывание писем, просмотр фотографий «из прежней жизни» и др.), способность к изменению системы жизненных ценностей, переоценке прежней жизни [Тарханова, 2015].

Исследователями дан сравнительный анализ особенностей адаптации мигранток из Кыргызстана и Таджикистана в России. По их оценкам, женщинам из Кыргызстана необходимо меньше времени для адаптации к российским условиям, также им свойственны более независимые модели поведения в отличие от женщин из Таджикистана [Полетаев, 2016].

С. Яловицына, исследуя влияние «опыта войны» в результате локальных военных конфликтов (Нагорный Карабах, Чечня и Ингушетия, Таджикистан) на социальную адаптацию мигрантов из стран бывшего Советского Союза в России (Республика Карелия), приходит к выводу о том, что вопросы привыкания мигрантов к жизни на новом месте глубоко связаны с проблемами межнациональных

отношений, травматический опыт локальных конфликтов постсоветской России оставил глубокий след в историях их жизней. Механизмом успешной адаптации, аргументом для консолидации является память о Великой Отечественной войне [Яловицына, 2020].

5. Проблемы женщин-мигрантов

В работах приводится анализ сфер занятости женщин со ссылкой на эмпирические данные. Согласно исследованию 2015 и 2016 гг., женщины из Таджикистана и Кыргызстана работали в следующих отраслях: сервисная экономика (43 % — общепит, сферы развлечений, гостиничного бизнеса и др.), торговля (31 %), домашний труд (8 %), ЖКХ (5 %), транспорт и связь (2 %), образование (1 %) и здравоохранение (1 %) [Полетаев, 2018]. Подчеркивается, что выход женщин — трудовых мигрантов на рынок домашнего труда дает возможность части россиянок вновь вернуться на предприятия, в организации, учреждения [Мануйлова, 2017]. Авторы анализируют стратегии поиска работы гражданами Кыргызстана и Таджикистана. По данным исследований Д. Полетаева, мигранты чаще всего ищут работу посредством использования социальных сетей (69 %). Ввиду наличия более широкого спектра профессий выходцы из Кыргызстана реже пользуются мигрантскими социальными сетями (друзья, родственники), при этом они чаще ищут работу через различные виды объявлений (Интернет, газеты, радио) [Полетаев, 2016].

Многие отмечают, что женщины-мигранты чаще попадают в ситуации, когда работодатель не выплачивает заработную плату, не соблюдает условия трудового договора. Зачастую между женщиной-работником и работодателем нет документально закрепленных правовых отношений. Особенно часто работа по устной договоренности распространена в частном секторе экономики. В этом случае решение трудовых споров невозможно в судебном порядке [Полетаев, 2016; Рязанцев и др., 2019b].

С. Рязанцев с соавторами пишут: «...сохраняются высокие риски вовлечения женщин — трудящихся-мигранток в трудовую эксплуатацию и торговлю людьми в России». Отмечаются факты, когда работодатели отбирали паспорта, принуждали к сверхурочному труду, подвергали мигранток насилию и трудовой эксплуатации, продавали их в рабство. «...Многие женщины-мигрантки испытывают на рынке труда двойную дискриминацию — и как мигрантки, и как женщины» [Рязанцев и др., 2019b: 60]. Л. Карачурина также отмечает, что трудовые мигрантки, занятые в эмоциональном и контактном труде по оказанию услуг по дому, становятся полностью незащищенными от работодателей, оторванными от своих семей, но максимально приближенными к личному пространству чужих семей и их дому и в подавляющем большинстве заняты неформально [Карачурина, 2015].

Как социальная проблема осознается учеными прекаризация женщин-мигрантов. На основе проведенного социологического исследования, посвященного изучению уровня и качества жизни женщин-мигрантов в Италии, делается вывод о том, что условия жизни и уровень их занятости оцениваются как крайне неудовлетворительные и по всем критериям женская миграция является прекариатом, а женщины-мигранты — прекариями [Богатырева, Нафикова, 2015].

Однако наши исследования не подтверждают такого однозначного вывода [Осадчая, 2019].

Значимой социальной проблемой является несовершенство системы оказания мигрантам медицинской помощи. В результате группа женщин-мигрантов, обладающих минимальным набором ресурсов, отказывается от получения медицинской помощи и от обращения в женские консультации или опирается на возможность совмещения получения медицинской помощи в стране исхода и осуществления трудовой деятельности в России [Рочева, 2014].

Порой женщины-мигранты из Центральной Азии становятся жертвами насилия и сталкиваются с проблемой устройства незаконнорожденных детей. Страх потерять работу и стабильный заработок в случае сохранения ребенка, сложность поиска жилья с ребенком, риск неприятия родственниками, оставшимися на родине, ребенка, рожденного в эмиграции, невозможность достойного содержания рожденных в эмиграции детей приводят к тому, что большинство из них так и остаются в родильных и детских домах [Батенева, 2013].

Не в полной мере решен вопрос получения медицинской помощи женщинами-мигрантами и членами их семей. Несмотря на то что с 1 января 2017 г. временно пребывающие в России граждане государств — членов ЕАЭС имеют право на получение полиса [Рязанцев и др., 2019а], сохраняются сложности с предоставлением специальной помощи женщинам-мигрантам (например, наблюдение у врача в связи с беременностью).

Среди социальных проблем, с которыми сталкиваются трудовые мигрантки, исследователи также выделяют трудности с регистрацией по месту фактического проживания в России, которые обусловлены нежеланием собственников жилья предоставлять регистрацию мигрантам-квартиросъемщикам [там же].

Долгое время оставалась нерешенной проблема пенсионного обеспечения трудящихся-мигрантов. Только в 2021 г. вступило в силу новое Соглашение по вопросам выплаты пенсий гражданам государств, входящих в Евразийский экономический союз [Союзные обязательства..., 2020]. Оно решит проблемы гастарбайтеров, трудящихся в России, и россиян, работающих в других странах Евразийского союза. Им будет начисляться «евразийская пенсия», что обеспечит гражданам государств-членов возможность формировать, сохранять и реализовывать пенсионные права, приобретенные ими во время работы в странах ЕАЭС.

Однако для граждан других стран Евразии данный вопрос остается нерешенным. В пенсионном стаже не учитывается период рождения и воспитания детей, даже если они родились в России и стали ее гражданами. Не решены и вопросы установления стажа мигрантам, работавшим у частных лиц и в домохозяйствах. Большинство из этих работников — женщины [Рязанцев и др., 2019b: 61].

Н. Микиденко, С. Сторожева анализируют особенности информационных потребностей женщин-мигрантов на примере приезжих из Среднеазиатского региона в г. Новосибирск и Новосибирскую область, подчеркивая, что они обладают достаточным уровнем образования для работы со СМИ, интернет-источниками, готовы к самостоятельному поиску необходимой информации и нуждаются в активной информационной поддержке в новых для них обстоятельствах российского социума, в большом городе. Частое обращение к неформальным каналам трансляции информации обусловлено, с их точки зрения,

с одной стороны, характером социальных отношений в мигрантской среде, с другой — недостаточностью официальной информационной инфраструктуры. Подчеркивается потребность разработки сайтов с понятной интерпретацией законов, возможность получения информации как на русском, так и на родном языке. Брошюры по жизненно важным вопросам обустройства в стране пребывания являются теми информационными каналами, развитие которых позволит женщинам — трудовым мигрантам получать достаточно сведений о месте и условиях пребывания и о взаимодействии с принимающим сообществом [Микиденко, Сторожева, 2016].

Заключение

Феминизация миграционных процессов на евразийском пространстве все чаще находится в центре внимания ученых, прежде всего демографов и экономистов, что отражает рост активности участия женщин в миграционных процессах и их вовлеченности в рынок труда. Процесс изучения женской миграции и ее влияния на жизнедеятельность обществ динамичен, он непрерывно пополняется новыми исследованиями, поэтому в предлагаемом обзоре сделан акцент на основных концептуальных основах и научных проблемах в изучении женской миграции в Евразии. Как показал анализ, значительная часть исследований женской миграции посвящена теоретико-методологическим проблемам, выявлению направлений, объемов и форм женской миграции, факторов, причин, последствий и сложностей феминизации миграционных потоков. В них доказывается, что процесс феминизации — это объективный процесс, имеющий как позитивные, так и негативные последствия. На большом эмпирическом материале авторы раскрывают проблемы, с которыми сталкиваются женщины из-за миграции в странах исхода и принимающих странах. Значительная часть исследований посвящена трудовой миграции женщин из Кыргызстана и Таджикистана в Россию как наиболее массовидным миграционным процессам. Представленный обзор показывает, что обозначение проблематики, связанной с исследованием женской миграции, — это лишь начало многогранной научной работы по изучению процессов влияния гендерных стереотипов на сознание и поведение различных социальных общностей в отправляющих и принимающих странах. Заслуживают дальнейшего изучения проблемы адаптации женщин-мигрантов в принимающих обществах, их интеграционные стратегии, индивидуальные практики, идентичности, процессы реинтеграции в странах исходах. Необходимы сравнительные исследования положения женщин в странах исхода и принимающих обществах, их социального здоровья, социального самочувствия и социальных настроений, влияния феминизации миграции на интеграционные процессы на евразийском пространстве. Важно в большей мере сосредоточиться на миграционной политике принимающих и отдающих стран, особенно ее социальных аспектах, на разработке мер по преодолению стереотипов в сферах политики и управления, на рынке труда и в средствах массовой информации.

Результаты исследования внесут вклад в теоретическое осмысление феминизации миграционных процессов на евразийском пространстве, систематизацию знаний о женской миграции, позволят зафиксировать особенности и устойчивые тенденции трансформации данного феномена.

Библиографический список

- Байков А. А., Лукьянец А. С., Письменная Е. Е., Ростовская Т. К., Рязанцев С. В. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 75—84.
- Батенева Е. В. Женская миграция из стран Центральной Азии: проблемы и особенности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1. С. 90—94.
- Бедрина Е. Б., Тухтарова Е. Х. Мониторинг факторов формирования миграционных потоков из Узбекистана в Россию // Вестник Уральского федерального университета. Сер.: Экономика и управление. 2016. Т. 15, № 4. С. 589—611.
- Богатырева М. Р., Нафикова Г. З. Женская трудовая миграция как основной фактор прекаризации и нестабильности труда // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1. С. 95—102.
- Бритвина И. Б. Гендерная детерминация адаптации вынужденных мигрантов, социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2006. 38 с.
- Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Вглядываясь в «этническое» сообщество: отличия характеристик интеграции в «земляческо-родственные» и «национальные» круги: (на примере мигрантов из Кыргызстана в Москве) // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14, № 3. С. 24—37.
- Гобеджишвили Л. Т. Процессы трудовой миграции в контексте институционально-правового обеспечения национальной безопасности современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. 22 с.
- Гребенюк А. А. Теоретические подходы к изучению международной трудовой миграции // Миграция и социально-экономическое развитие. 2016. Т. 1, № 1. С. 17—38.
- Доклад о миграции в мире, 2020 / Международная организация по миграции. 2020. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=2&*=%3D&lang=ru (дата обращения: 11.10.2020).
- Илимбетова А. А. Факторы и экономические последствия женской трудовой миграции в Россию // Вестник Московского университета. Сер. 6. 2013. № 4. С. 89—100.
- Ионцев В. А., Рязанцев С. В., Ионцева С. В. Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyue-tendentsii-i-formy-emigratsii-iz-rossii> (дата обращения: 22.12.2020).
- Кадыркулова Ж. К. Трудовая миграция в Кыргызстане // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 2. С. 186—189.
- Казенин К. И., Идрисов Э. Ш., Имашева М. М. Влияние миграции на рождаемость: случай переселения ногайцев из Республики Дагестан // Женщина в российском обществе. 2018. № 2. С. 75—88.
- Карачурина Л. Б. Женщины-мигранты в нише домашнего труда в России // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 93—101.
- Кирова И. О. Миграционная ситуация в Евразийском экономическом союзе // Гипотеза/Hypothesis. 2019. № 1. С. 40—49.
- Куприна Т. В. Особенности миграционных потоков стран ЕАЭС: сравнительно-сопоставительный анализ // Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. Т. 2. С. 308—314.
- Мануйлова А. Гендерному равенству назвали цену // Коммерсантъ. 2017. 16 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3326159> (дата обращения: 11.10.2020).
- Микиденко Н. Л., Сторожева С. П. Женская трудовая миграция: информационные аспекты адаптации // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 2. С. 35—42.

- Осадчая Г. И.* Российский рынок труда в контексте формирования ЕАЭС // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4. С. 150—162.
- Осадчая Г. И.* Формирование единого рынка труда Евразийского экономического союза: эффекты для России // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 53—64.
- Осадчая Г. И.* Мигранты из стран Евразийского экономического союза на московском рынке труда // Осадчая Г. И. Становление Евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал. М.: Экон-Информ, 2019. С. 129—153.
- Осадчая Г. И., Рязанцев С. В., Селезнев И. А., Письменная Е. Е.* Мобильность трудовых ресурсов в ЕАЭС: тенденции, барьеры, перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2018. Т. 21, вып. 2. С. 31—40.
- Осадчая Г. И., Юдина Т. Н.* Постсоветская Россия: особенности миграционных процессов и политики // Поиск. 2016. № 3. С. 55—80.
- Пескова Д. Р., Абреу Бастос О. П.* Причины, риски и последствия распространения женской трудовой миграции: исследование на региональном уровне // Фундаментальные исследования. 2014. № 11, ч. 3. С. 596—600.
- Пешкова В. М.* Материальный мир мигрантов в контексте транснациональной миграции в России // Власть. 2018. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materialnyu-mir-migrantov-v-kontekste-transnatsionalnoy-migratsii-v-rossii> (дата обращения: 22.12.2020).
- Подшивалов В. Е.* Международно-правовые проблемы предупреждения и пресечения незаконной миграции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 24 с.
- Поletaев Д. В.* Связь миграции с ранними браками и разводами у мигрантов из Центральной Азии. 2013. URL: www.auca.kg/uploads/Migration_Database/Publications/Migration_early_marriages_Poletaev_2013.pdf (дата обращения: 11.10.2020).
- Поletaев Д. В.* Феминизация сообществ трудовых мигрантов из Средней Азии: новые социальные роли таджиков и киргизок // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономического кризиса. М.: Рос. совет по междунар. делам, 2016. С. 202—232.
- Поletaев Д. В.* Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 68—78.
- Рочева А. Л.* «Понаехали тут» в роддомах России: исследование режима стратифицированного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 3. С. 367—380.
- Рочева А.* Для одних мигранток отъезд в Россию — это шанс начать новую жизнь, для других — риск для репутации // Реальное время. 2020. 4 февраля. URL: <https://refugee.ru/news/для-одних-мигранток-отъезд-в-россию/> (дата обращения: 11.10.2020).
- Рычихина Н. С.* Современные тенденции женской международной трудовой миграции // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 45—54.
- Рязанцев С. В., Байков А. А., Морозов В. М.* Социально-экономическое положение и правовой статус киргизских трудовых мигрантов в России в контексте интеграции Кыргызстана в ЕАЭС // Миграционное право. 2019а. № 1. С. 3—8.
- Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Перемышлин С. Н.* Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование // Женщина в российском обществе. 2019b. № 4. С. 53—65.
- Секач М. Ф., Мостиков С. В.* Готовность к риску и психологическая безопасность как предикты миграционных намерений // Человеческий капитал. 2017. № 1. С. 11—13.
- Сиволясова С. Ю.* Женская трудовая миграция в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 106—113.
- Союзные обязательства: Россия начнет платить пенсии мигрантам // Gazeta.ru. 2020. 27 ноября. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/11/27/13377583.shtml> (дата обращения: 11.10.2020).

- Тарханова, Е. С. Специфика женской трудовой миграции в России // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1. С. 187—193.
- Труд и занятость в России, 2017 / Росстат. 2018. URL: https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/trud_2017.pdf (дата обращения: 15.11.2020).
- Тюрюканова Е. В. Миграция женщин из России: еще одна «стратегия успеха»? // Гендерные аспекты социальной трансформации. М.: Моск. центр гендер. исслед.: Ин-т соц.-экон. пробл. народонаселения РАН, 1996. С. 84—102.
- Тюрюканова Е. В. Глобализация международной миграции: роль женщин // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики: сборник статей. М.: Рус. панорама, 2002. С. 71—87.
- Хоткина З. Гендерная дискриминация в неофициальной экономике // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. М.: Междунар. орг. труда, 2003. С. 27—49.
- Яловицына С. Э. Влияние «опыта войны» на социальную адаптацию мигрантов: (на основе биографических интервью) // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 131—137.
- Anderson B. Servants and slaves: Europe's domestic workers // *Race & Class*. 1997. Vol. 39, № 1. P. 37—49.
- Carling J. Gender dimensions of international migration // *Global Migration Perspectives*. 2005. № 35. P. 1—26.
- Chant S. Towards a framework for the analysis of gender-selective migration // *Gender and Migration in Developing Countries*. London: Belhaven Press, 1992. P. 1—29.
- Colen S. Like a mother to them: stratified reproduction and West Indian childcare workers and employers in New York // *Conceiving the New World Order: the Global Politics of Reproduction*. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 78—102.
- Collins P. H. *Black Feminist Thought: Knowledge, Consciousness and the Politics of Empowerment*. New York; London: Routledge, 2000. 335 p.
- Harzig C. Women migrants as global and local agents: new research strategies on gender and migration // *Women, Gender and Labour Migration. Historical and Global Perspectives*. London; New York: Routledge, 2001. P. 15—28.
- Hondagneu-Sotelo P. Overcoming patriarchal constraints: the reconstruction of gender relations among Mexican immigrant women and men // *Gender & Society*. 1992. Vol. 6, № 3. P. 393—415.
- Hondagneu-Sotelo P. Gender and immigration: a retrospective and introduction // *Gender and U. S. Immigration: Contemporary Trends*. Berkeley; Los Angeles (CA): University of California Press, 2003. P. 2—18.
- Korotkova I. B., Gavrilova N. O. Migrants in Russia: the degree of severity of the problem and solutions // *Проблемы науки*. 2019. № 4. С. 109—111.
- Lutz H. At your service, madam! The globalization of domestic service // *Feminist Review*. 2002. Vol. 70, № 1. P. 89—104.
- Lutz H. Gender in the migratory process // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2010. Vol. 36, № 10. P. 1647—1663.
- Mahler S., Pessar P. R. Gendered geographies of power: analyzing gender across transnational spaces // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2001. Vol. 7, № 4. P. 441—459.
- Morokvasic M. Birds of passage are also women // *International Migration Review*. 1984. Vol. 18, № 4. P. 886—907.
- Oishi N. *Gender and Migration: an Integrative Approach* / Center for Comparative Immigration Studies. University of California — San Diego, 2002.
- Pessar P. R. Women, gender, and international migration across and beyond the Americas: inequalities and limited empowerment // *Expert Group Meeting on International Migration and Development in Latin America and the Caribbean*. Mexico:

- United Nations, 2005. URL: http://www.un.org/esa/population/meetings/IttMigLAC/P08_PPessar.pdf (дата обращения: 15.11.2020).
- Phizacklea A. Migration and globaltization: a feminist perspective // *The New Migration in Europe*. London: Macmillan, 1998. P. 21—38.
- Piore M. *Birds of Passage: Migrant Labour and Industrial Societies*. New York: Cambridge University Press, 1979. 229 p.
- Todorov G. N., Kalinina A. V., Rybakova A. I. Impact of labour migration on entrepreneurship ecosystem: case of Eurasian Economic Union // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2018. Vol. 5, № 4. P. 992—1007.

References

- Anderson, B. (1997) Servants and slaves: Europe's domestic workers, *Race & Class*, vol. 39, no. 1, pp. 37—49.
- Baikov, A. A., Luk'ianets, A. S., Pis'mennaia, E. E., Rostovskaia, T. K., Riazantsev, S. V. (2018) Ėmigratsiia molodězhi iz Rossii: masshtaby, kanaly, posledstviia [Youth emigration from Russia: scale, channels, consequences], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 75—84.
- Bateneva, E. V. (2013) Zhenskaia migratsiia iz stran Central'noi Azii: problemy i osobennosti [Women's migration from countries of the Central Asia: problems and particularities], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 1, pp. 90—94.
- Bedrina, E. B., Tukhtarova, E. Kh. (2016) Monitoring faktorov formirovaniia migratsionnykh potokov iz Uzbekistana v Rossiiu [Factors monitoring of migration flows from Uzbekistan to Russia], *Vestnik Ural'skogo federal'nogo universiteta, seriia ėkonomika i upravlenie*, vol. 15, no. 4, pp. 589—611.
- Bogatyreva, M. R., Nafikova, G. Z. (2015) Zhenskaia trudovaia migratsiia kak osnovnoi faktor prekarizatsii i nestabil'nosti truda [Women's labor migration as the main factor of precarization and labor instability], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, no. 1, pp. 95—102.
- Britvina, I. B. (2006) *Gendernaia determinatsiia adaptatsii vyzhdennykh migrantov: Sotsiologicheskii analiz: Avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Gender determination of adaptation of forced migrants: Sociological analysis: Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)], Ekaterinburg.
- Carling, J. (2005) Gender dimensions of international migration, *Global Migration Perspectives*, no. 35, pp. 1—26.
- Chant, S. (1992) Towards a framework for the analysis of gender-selective migration, in: *Gender and Migration in Developing Countries*, London: Belhaven Press, pp. 1—29.
- Colen, S. (1995) Like a mother to them: stratified reproduction and West Indian childcare workers and employers in New York, in: *Conceiving the New World Order: The Global Politics of Reproduction*, Berkeley: University of California Press, pp. 78—102.
- Collins, P. H. (2000) *Black Feminist Thought: Knowledge: Consciousness and the Politics of Empowerment*, New York, London: Routledge.
- Doklad o migratsii v mire, 2020* (2020) [World migration report, 2020], available from https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=2&*=%3D&lang=ru (accessed 11.10.2020).
- Gobedzhishvili, L. T. (2005) *Protssy trudovoi migratsii v kontekste institutsional'no-pravovogo obespecheniia natsional'noi bezopasnosti sovremennoi Rossii: Avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Labor migration processes in the context of institutional and legal support of national security in modern Russia: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Rostov-na-Donu.

- Grebeniuk, A. A. (2016) Teoreticheskie podkhody k izucheniiu mezhdunarodnoï trudovoi migratsii [Theoretical approaches to the study of international labor migration], *Migratsiia i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiie*, vol. 1, no. 1, pp. 17—38.
- Harzig, C. (2001) Women migrants as global and local agents: New research strategies on gender and migration, in: *Women, Gender and Labour Migration. Historical and Global Perspectives*, London, New York: Routledge, pp. 15—28.
- Hondagneu-Sotelo, P. (1992) Overcoming patriarchal constraints: The reconstruction of gender relations among Mexican immigrant women and men, *Gender & Society*, vol. 6, no. 3, pp. 393—415.
- Hondagneu-Sotelo, P. (2003) Gender and immigration: A retrospective and introduction, in: *Gender and U. S. Immigration: Contemporary Trends*, Berkeley, Los Angeles, CA: University of California Press, pp. 2—18.
- Ialovitsyna, S. È. (2020) Vliianie “opyta voïny” na sotsial'nuiu adaptatsiiu migrantov: (Na osnove biograficheskikh interv'iu) [Impact of “war experience” on migrants’ social adaptation: (Based on the biographical interviews)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 131—137.
- Ilimbetova, A. A. (2013) Faktory i ekonomicheskie posledstviia zhenskoï trudovoi migratsii v Rossiiu [Factors and economic consequences of women’s labor migration to Russia], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 6, no. 4, pp. 89—100.
- Iontsev, V. A., Riazantsev, S. V., Iontseva, S. V. (2016) Novye tendentsii i formy emigratsii iz Rossii [New trends and forms of emigration from Russia], *Èkonomika regiona*, no. 2, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tendentsii-i-formy-emigratsii-iz-rossii> (accessed 22.12.2020).
- Kadyrkulova, Zh. K. (2018) Trudovaia migratsiia v Kyrgyzstane [Labor migration in Kyrgyzstan], *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 2, pp. 186—189.
- Karachurina, L. B. Zhenshchiny-migranty v nische domashnego truda v Rossii [Women migrants in the niche of household labor in Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 93—101.
- Kazenin, K. I., Idrisov, È. Sh., Imasheva, M. M. (2018) Vliianie migratsii na rozhdaemost': sluchaï pereseleniia nogaitsev iz Respubliki Dagestan [The relation of migration and fertility: the case of migration of Nogais from Dagestan], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 75—88.
- Khotkina, Z. (2003) Gendernaia diskriminatsiia v neofitsial'noi ekonomike [Gender discrimination in the informal economy], in: *Gendernoe ravenstvo: poiski resheniia starykh problem*, Moscow: Mezhdunarodnaia organizatsiia truda, pp. 27—49.
- Kirova, I. O. (2019) Migratsionnaia situatsiia v Evraziiskom ekonomicheskom soiuze [The migration situation in the Eurasian economic union], *Gipoteza/Hypothesis*, no. 1, pp. 40—49.
- Korotkova, I. B., Gavrilova, N. O. (2019) Migrants in Russia: the degree of severity of the problem and solutions, *Scientific problems*, no. 4, pp. 109—111.
- Kuprina, T. V. (2017) Osobennosti migratsionnykh potokov stran EAËS: sravnitel'no-sopostavitel'nyi analiz [Features of EAEU migration flows: comparative analysis], in: *Demograficheskii potentsial stran EAËS: VIII Ural'skii demograficheskii forum*, vol. 2, Ekaterinburg: Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, pp. 308—314.
- Lutz, H. (2002) At your service, madam! The globalization of domestic service, *Feminist Review*, vol. 70, no. 1, pp. 89—104.
- Lutz, H. (2010) Gender in the migratory process, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 36, no. 10, pp. 1647—1663.

- Mahler, S., Pessar, P. R. (2001) Gendered geographies of power: analyzing gender across transnational spaces, *Identities: Global Studies in Culture and Power*, vol. 7, no. 4, pp. 441—459.
- Manuїlova, A. (2017) Gendernomu ravenstvu nazvali tsenu [Gender equality was given a price], *Kommersant*, June, 16, available from <https://www.kommersant.ru/doc/3326159> (accessed 11.10.2020).
- Mikidenko, N. L., Storozheva, S. P. (2016) Zhenskaia trudovaia migratsiia: informatsionnye aspekty adaptatsii [Female labor migration: the informational aspects of adaptation], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki, no. 2, pp. 35—42.
- Morokvasic, M. (1984) Birds of passage are also women, *International Migration Review*, vol. 18, no. 4, pp. 886—907.
- Oishi, N. (2002) *Gender and Migration: An Integrative Approach*, Center for Comparative Immigration Studies, University of California — San Diego.
- Osadchaia, G. I. (2015) Rossiiskii rynek truda v kontekste formirovaniia EAES [The Russian labor market in the context of the formation of the EAEU], *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, no. 4, pp. 150—162.
- Osadchaia, G. I. (2017) Formirovanie edinogo rynka truda Evraziiskogo ekonomicheskogo soiuz: efekty dlia Rossii [The formation of a common labor market of the Eurasian Economic Union: implications for Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 53—64.
- Osadchaia, G. I. (2019) Migranty iz stran Evraziiskogo ekonomicheskogo soiuz na moskovskom rynke truda [Migrants from the countries of the Eurasian Economic Union in the Moscow labor market], in: Osadchaia, G. I., *Stanovlenie Evraziiskogo ekonomicheskogo soiuz: idei, real'nost', potentsial*, Moscow: Ėkon-Inform, pp. 129—153.
- Osadchaia, G. I., Riazantscev, S. B., Seleznev, I. A., Pis'mennaia, E. E. (2018) Mobil'nost' trudovykh resursov v EAES: tendentsii, bar'ery, perspektivy [Labor mobility in the EAEU: trends, barriers, prospects], *Central'naia Azia i Kavkaz*, vol. 21, no. 2, pp. 31—40.
- Osadchaia, G. I. Iudina, T. N. (2016) Postsovetskaia Rossiia: osobennosti migratsionnykh protsessov i politiki [Post-Soviet Russia: features of migration processes and policies], *Poisk*, no. 3, pp. 55—80.
- Peshkova, V. M. (2018) Material'nyi mir migrantov v kontekste transnatsional'noi migratsii v Rossii [The material world of migrants in the context of transnational migration in Russia], *Vlast'*, no. 9, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/materialnyy-mir-migrantov-v-kontekste-transnatsionalnoy-migratsii-v-rossii> (accessed 22.12.2020).
- Peskova, D. R., Abreu Bastos, O. P. (2014) Prichiny, riski i posledstviia rasprostraneniia zhenskoi trudovoi migratsii: issledovanie na regional'nom urovne [Causes, risks and consequences of the spread of women's labor migration: a regional study], *Fundamental'nye issledovaniia*, no. 11, pt. 3, pp. 596—600.
- Pessar, P. R. (2005) Women, gender, and international migration across and beyond the Americas: inequalities and limited empowerment, in: *Expert Group Meeting on International Migration and Development in Latin America and the Caribbean*, Mexico: United Nations, available from http://www.un.org/esa/population/meetings/IttMigLAC/P08_PPessar.pdf (accessed 11.12.2020).
- Phizacklea, A. (1998) Migration and globalization: a feminist perspective, in: *The New Migration in Europe*, London: Macmillan, pp. 21—38.
- Piore, M. (1979) *Birds of Passage: Migrant Labour and Industrial Societies*, New York: Cambridge University Press.
- Podshivalov, V. E. (2004) *Mezhdunarodno-pravovye problemy preduprezhdeniia i presecheniia nezakonnoi migratsii*: Avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [International

- legal problems of preventing and suppressing illegal migration: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.), St. Petersburg.
- Poletaev, D. V. (2013) *Sviaz' migratsii s rannimi brakami i razvodami u migrantov iz Central'noĭ Azii* [Connection of migration with early marriages and divorces among migrants from Central Asia], available from www.auca.kg/uploads/Migration_Database/Publications/Migration_early_marriages_Poletaev_2013.pdf (accessed 11.10.2020).
- Poletaev, D. V. (2016) *Feminizatsiia soobshchestv trudovykh migrantov iz Srednei Azii: novye sotsial'nye roli tadjichek i kirgizok* [Feminization of communities of labor migrants from Central Asia: new social roles of Tajik women and Kyrgyz women], in: *Transnatsional'nye migratsii i sovremennye gosudarstva v usloviakh ekonomicheskogo krizisa*, Moscow: Rossiĭskii sovet po mezhdunarodnym delam, pp. 202—232.
- Poletaev, D. V. (2018) *Zhenskaia trudovaia migratsiia iz Tadjikistana i Kirgizii v Rossiiu* [Female labor migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia], *Narodonaselenie*, vol. 21, no. 4, pp. 68—78.
- Riazantsev, S. V., Baĭkov, A. A., Morozov, V. M. (2019a) *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie i pravovoi status kyrgyzskikh trudovykh migrantov v Rossii v kontekste integratsii Kyrgyzstana v EAES* [The socioeconomic position and the legal status of Kyrgyz labor migrants in Russia within the framework of integration of Kyrgyzstan in the EAEU], *Migratsionnoe pravo*, no. 1, pp. 3—8.
- Riazantsev, S. V., Rostovskaia, T. K., Peremyshlin, S. N. (2019b) *Gendernye aspekty trudovoi migratsii v Rossii: trendy, posledstviia, regulirovanie* [Gender aspects of labor migration in Russia: trends, implications, regulations], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 53—65.
- Rocheva, A. L. (2014) "Ponaekhali tut" v roddomakh Rossii: Issledovanie rezhima stratifitsirovannogo vosproizvodstva na primere kirgizskikh migrantov v Moskve ["A swarm of migrants in our maternity clinics!": The study of stratified reproduction regime in the case of Kyrgyz migrants in Moscow], *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 367—380.
- Rocheva, A. (2020) *Dlia odnikh migrantok ot'ezd v Rossiiu — eto shans nachat' novuiu zhizn', dlia drugikh — risk dlia reputatsii* [For some women-migrants migration to Russia is a chance to start a new life, for others it is a risk to their reputation], *Real'noe vremia*, February, 4, available from <https://refugee.ru/news/dlya-odnix-migrantok-ot'ezd-v-rossiyu/> (accessed 11.10.2020).
- Rychikhina, N. S. (2020) *Sovremennye tendentsii zhenskoĭ mezhdunarodnoi trudovoi migratsii* [Modern trends of women's international labor migration], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 45—54.
- Sekach, M. F., Mostikov, S. V. (2017) *Gotovnost' k risku i psikhologicheskaiia bezopasnost' kak predikty migratsionnykh namerenii* [The willingness to take risks and psychological safety as the predicate migration intentions], *Chelovecheskiiĭ capital*, no. 1, pp. 11—13.
- Sivopliasova, S. Yu. (2020) *Zhenskaia trudovaia migratsiia v period pandemii COVID-19* [Female labor migration in the conditions of the pandemic COVID-19], *Nauchnoe obozrenie*, seriiia 1, Ekonomika i pravo, no. 3, pp. 106—113.
- Soiuznye obiazatel'stva: Rossiia nachnĕt platit' pensii migrantam (2020) [Union obligations: Russia will start paying pensions to migrants], *Gazeta.ru*, November 27, available from <https://www.gazeta.ru/business/2020/11/27/13377583.shtml> (accessed 11.10.2020).
- Tarkhanova, E. S. (2015) *Spetsifika zhenskoĭ trudovoi migratsii v Rossii* [The particularities of female labor migration in Russia], *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: sostoianie, tendentsii, perspektivy*, no. 1, pp. 187—193.
- Tiuriukanova, E. V. (1996) *Migratsiia zhenshchin iz Rossii: eshchĕ odna "strategiia uspekha"?* [Migration of women from Russia: another "strategy for success"?], *Gendernye aspekty sotsial'noi transformatsii*, Moscow: Moskovskiiĭ tsentr gendernykh issledovaniĭ, Institut

- sotsial'no-ekonomicheskikh problem narodonaseleniia Rossiiskoi akademii nauk, pp. 84—103.
- Tiuriukanova, E. V. (2002) Globalizatsiia mezhdunarodnoi migratsii: rol' zhenshchin [The globalization of international migration: the role of women], in: *Gender i ekonomika: mirovoi opyt i ekspertiza rossiiskoi praktiki*, Moscow: Russkaia panorama, pp. 71—87.
- Todorov, G. N., Kalinina, A. V., Rybakova, A. I. (2018) Impact of labour migration on entrepreneurship ecosystem: case of Eurasian Economic Union, *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, vol. 5, no. 4, pp. 992—1007.
- Trud i zaniatost' v Rossii* (2017) [Labor and employment in Russia], available from https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/trud_2017.pdf (accessed 15.11.2020).
- Varshaver, E. A., Rocheva, A. L. (2015) Vgliadyvaia's' v "etnicheskoe" soobshchestvo: otlichiiia kharakteristik integratsii v "zemliachsko-rodstvennye" i «natsional'nye» krugi: (Na primere migrantov iz Kyrgyzstana v Moskve) [Peering into "ethnic" community: integration in performance differences "patriotic-related" and "national" wheels: (On the example migrants from Kyrgyzstan in Moscow)], *Sotsial'naia politika i sotsiologiia*, vol. 14, no. 3, pp. 24—37.

Статья поступила 25.02.2021 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Осадчая Галина Ивановна — доктор социологических наук, профессор, руководитель отдела исследований демографических и миграционных процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, osadchaya111@gmail.com (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Head of the Department of Research on Demographic and Migration Processes in the EAEU, Institute for Demographic Research of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Киселева Евгения Евгеньевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия (Cand. Sc. (Sociology), Senior Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Киреев Егор Юрьевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, yegorkireev@gmail.com (Cand. Sc. (Sociology), Leading Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Черникова Анна Андреевна — младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия, aannuu@yandex.ru (Junior Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. No. 2. P. 149—160
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.11

Женщина в российском обществе
2021. № 2. С. 149—160
ББК 60.542.21
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.11

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА
И ЖЕНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА**

Л. Г. Титаренко

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь, larisa166@mail.ru

Статья посвящена характеристике и динамике развития женских организаций, которые участвуют в решении актуальных социальных проблем белорусского общества, имеющих существенное значение для женщин. Дается общее представление об этих проблемах и женских инициативах, связанных с их разрешением или смягчением. Развитие женских организаций рассматривается сквозь призму гендерного подхода в исследовании проблем, связанных с гендерным равенством. Представлен краткий экскурс в историю развития гендерных исследований и становления женских организаций в Беларуси, дана характеристика современного многообразия этих организаций, выделены их особенности на разных этапах. Рассматриваются эволюция гендерных подходов к вопросу и результаты, достигнутые как женскими организациями, так и отдельными исследователями гендерных проблем. Особое внимание уделено современному этапу, на котором появилось женское протестное движение, не выдвинувшее, однако, специфических гендерных задач и не оказавшее видимого влияния на женские организации в Беларуси.

Ключевые слова: социальные проблемы белорусского общества, проблемы семьи и материнства, женские организации, гендерный исследовательский подход, общественно-политические женские организации, профессиональные организации женщин.

**SOCIAL PROBLEMS OF MODERN BELARUSIAN SOCIETY
AND WOMEN'S ORGANIZATIONS THROUGH THE PRISM
OF A GENDER APPROACH**

L. G. Titarenko

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, larisa166@mail.ru

The article analyzes the current content and dynamics of the development of women's organizations in Belarusian society as well as the research gender approach in the study of problems related to gender equality. The author is focused primarily on the non-government organizations devoted to mitigation of the social problems that are essential for women.

Women's organizations in Belarus include not only gender organizations that are fighting for gender equality in several spheres of life; they also include organizations helping women in trouble (poor families, single mothers, women suffering from home violence, etc.). Additionally, women's organizations unite the professional groups of women (in business, education) and those who provide services in advocacy, education, and social work. Three periods in Post-Soviet history of gender studies and building a network of women's organizations are selected: 1) the 1990s when these organizations were mushrooming and gender methodology was introduced in social science in Belarus; 2) the 2000s, when the state control over all the public organizations increased and caused their reduction; 3) the second decade of the XXI c., when e-network women's organizations appeared in Belarusian landscape. The third period is also characterized by the unexpected appearance of radical women's protest activities in 2020. This movement did not make a significant effect on women's organizations in Belarus, but highlighted some common characteristics of current situation in Post-Soviet countries: prevalence of social problems that are common for men and women (growth of poverty, decrease of standard of living, desire of young generations to actively influence decision-making process) and the necessity of joint social actions of all social groups. At the same time in a Belarusian society at large there is more interest to keep social achievements for women and families rather than fight for political rights and gender equality.

Key words: social problems of Belarusian society, family and motherhood problems, women's organizations, gender research approach, socio-political women's organizations, professional women's organizations.

Методология исследований гендерных проблем в белорусской социальной науке

В современном белорусском обществе, как ранее в советском обществе, феминистская и гендерная терминология не является популярной [Titarenko, Zdravomyslova, 2017: 126]. Этому много причин. Советская Белоруссия отличалась от других республик СССР социальным спокойствием. Проблемы женской занятости, разделения ролей в семье, повседневной практики женщин изучались в рамках марксистской методологии. Женщина традиционно рассматривалась через ее социальные роли работницы и матери [Юркевич, 1970; Юк, 1975]. Этот социальный контекст во многом обусловил менее активную (по сравнению с Россией) роль женских организаций и в постсоветской Беларуси. Сохранение марксистского подхода позволяло признавать ограниченную эмансипацию женщин, но «двойная занятость» женщин рассматривалась как данность, определяемая «женской природой» [Shchurko, 2015: 148].

Отметим, что характер исследований, связанных с женщинами, изменился после образования Республики Беларусь, когда в академической сфере усилилось зарубежное влияние. Гендерный подход стал использоваться в белорусской социальной науке только в постсоветскую эпоху. Несмотря на некоторые различия в интерпретации, его можно обозначить как признание необходимости достижения гендерного равенства, т. е. баланса женщин и мужчин в социальных институтах и общественной сфере. Продолжающееся декларирование равенства всех граждан перед законом затруднило признание гендерного неравенства на практике и его изучение с иных, нежели марксистские, позиций. В социальной политике и СМИ начала 1990-х гг. сохранялось неписаное признание социального

контракта женщины как работающей матери, феминистские теории были мало известны даже в научном сообществе. Однако благодаря внешним влияниям — как российским, так и западным — гендерный подход стал использоваться в белорусской социологии и других социальных науках в исследованиях социальных проблем практически в те же годы, что и в России [Чикалова, 2007: 91]. Период 1990-х гг. стал временем распространения в белорусской социологии гендерного подхода, тогда как феминистские исследования западного толка так и не получили широкого академического признания. Рост числа женщин в экономике, наряду с быстрой феминизацией бедности, сделал невозможным игнорирование разницы в интересах и положении полов, была эмпирически выявлена феминизация бедности и гендерные разрывы в оплате труда.

Создание в Беларуси женских организаций шло разными путями. Исследователи выделяют два главных: переструктурирование советских общественных женских организаций, готовых адаптироваться к новым социально-политическим условиям, и создание женских независимых негосударственных организаций, в той или иной мере опирающихся на гендерный подход и фокусирующих внимание на статусе и правах женщин в трудовой и политической сферах [Shchurko, 2015: 140].

Активную роль в создании и функционировании женских негосударственных организаций (НГО) в эти годы играла молодежь, желавшая перемен в Беларуси и готовая применить свои силы во благо молодому гражданскому обществу [Titarenko, 1999]. Данная особенность не являлась чисто белорусской: она имела место и в России, и в других постсоветских странах. Были и опытные женщины-активистки, создававшие женские организации с целью выравнивания гендерных статусов в обществе, прежде всего в политической сфере, такие как профсоюзный деятель В. Т. Полевикова, председатель общественной организации «Женское христианско-демократическое движение» Л. С. Петина.

Можно выделить несколько этапов развития гендерной исследовательской методологии в Беларуси и становления женских организаций.

Первый этап — 1990-е гг. На этом этапе происходит становление и институционализация женских организаций и одновременное признание в академических исследованиях адекватности применения гендерного подхода к решению социальных проблем, актуальных для женщин. Прежние советские организации были переструктурированы. Так появился массовый прогосударственный Белорусский союз женщин (БСЖ), традиционно возглавляемый министром труда или его заместителем и, подобно профсоюзам, объединяющий десятки тысяч женщин-тружениц. До настоящего времени БСЖ — самая массовая женская организация в стране, имеющая около 4,5 тыс. первичных организаций [Белорусский союз женщин, 2020]. Другие организации возникли с нуля и не зависели от государства. Это был период роста: общее число зарегистрированных женских организаций выросло с 2 до 23 [Женщины Беларуси... , 1997].

Появившиеся женские организации фокусировали свою работу на практических решениях проблем, затрагивающих положение женщин в экономике, управлении, образовании, семье. Направленность деятельности этих организаций выявляется на базе гендерного подхода, который определяет, в какой степени та или другая организация решает задачи, отражающие интересы женщин,

и стремится к утверждению их равноправия с мужчинами на практике [Хасбулатова, 2019: 15]. Руководствуясь гендерной методологией в анализе женских организаций, отметим их широкий спектр деятельности при низком уровне взаимосвязи и координации действий.

Гендерные академические исследования в Беларуси в постсоветское время, в 1990-х гг., развивались при финансовой поддержке зарубежных фондов. В негосударственном Европейском гуманитарном университете (ЕГУ), основанном в 1992 г. в Минске, в 1997 г. была открыта первая в стране гендерная программа и образован Центр гендерных исследований при поддержке Фонда Макартуров. В другом негосударственном вузе, Минском институте управления, уже на белорусские деньги и при законодательной поддержке властей в 2000 г. был открыт Белорусский научно-исследовательский центр гендерных проблем, ориентированный на исследования и образование — разработку учебных пособий по гендерным спецкурсам. Аналогичный центр появился и в Белорусском государственном университете (БГУ), где с начала 2000-х на отделении социологии стал обязательным курс «Гендерная социология», было выпущено первое учебно-методическое пособие по этой проблематике [Титаренко, 2002]. Студенты получали систематические знания по гендерным проблемам, знакомились с разными феминистскими методологическими подходами. В Минске с 1994 по 2012 г. существовал первый и единственный в СНГ женский негосударственный институт «Энвила», который готовил женщин — переводчиков, экономистов и психологов, проводил ежегодные научные конференции по гендерным проблемам. В этом вузе, наряду с гендерными, развивались «женские исследования», т. е. исследования, проводимые женщинами по женской проблематике. В 1998 г. здесь был создан Центр гендерных исследований. Постепенно в начале нового века в академической среде гендерные исследования стали привычными, гендерный аспект в экономических и политических исследованиях усилился, несмотря на закрытие и ЕГУ, и «Энвилы», а также последующее исключение курса «Гендерная социология» из обязательной программы социологического образования в БГУ.

Роль координатора действий официально зарегистрированных женских организаций взяло на себя Министерство труда и социальной защиты, в котором был создан отдел по работе с женскими организациями с акцентом на проблемах труда. Благодаря объединению усилий отдела и женских организаций последние могли представить свои предложения по изменению законов о труде, практики женской занятости, лоббировать отдельные реформы, быть в курсе инициатив министерства. Государство поддерживало те НГО, которые имели социально ориентированный характер и работали в русле официальной социальной политики, признающей роль матери в качестве основной в ансамбле социальных ролей женщин. Иначе говоря, это был механизм, позволявший женским организациям, близким к государственным структурам, оказывать воздействие на принятие государственных решений, связанных с гендерной политикой. Постепенно сформировалась модель гендерной политики, которая соединила действия по продвижению равенства женщин и мужчин в трудовой сфере с поддержкой традиционных ценностей в отношении роли женщины в семье и политике [Shchurko, 2015: 150]. Благодаря этой гендерной политике были приняты поправки к ряду законов о труде, материнстве, воспитании детей, а после участия

Беларуси в IV Всемирной конференции по положению женщин в Пекине (1995 г.) инициирован Национальный план действий для реализации целей достижения практического равноправия женщин и мужчин в стране.

Государственная власть предприняла серьезные меры для того, чтобы страна заняла достойное место в мировом рейтинге гендерного равенства, выпускала книги об успехах в поддержке женщин, семьи [Женщины Беларуси... , 1997; Семья... , 1999]. Но акцент в гендерной социальной политике по-прежнему делался на содействии именно тем социальным ролям, которые полностью соответствовали приоритетам государства (деторождение, крепкая семья, трудоустройство). В СМИ образ женщины-матери культивировался как символ Беларуси.

В то же время женщины-ученые представляли себя и общество иначе, предпочитая работать во фрейме гендерного подхода [Соколова, 2002]. Поэтому к началу *второго этапа* (2000-е гг.) женщины — исследователи гендерных проблем в рамках новой методологии и женские организации, использующие гендерный подход в своей деятельности (т. е. продвигающие идею гендерного баланса), оказались под двойным давлением. С одной стороны, государство, риторически полностью поддерживавшее гендерное равенство, в социальной политике жестко ограничивалось поддержкой женщины-матери и хранительницы очага, с другой — ощущалось давление молодого гражданского общества, ждущего демократических перемен [Shchurko, 2015: 149]. Эта противоречивая ситуация была зафиксирована и в социологических исследованиях. Согласно репрезентативным опросам тех лет, семья и дети признавались главной жизненной ценностью большинством женщин и мужчин, несмотря на то что половина браков заканчивались разводом. При этом более 50 % женщин указывали, что предпочитают партнерские, а не патерналистские отношения в семье, совместное ведение с мужем домашнего хозяйства, воспитание детей, т. е. имели эгалитарные взгляды на повседневную жизнь, не соответствующие патерналистской модели [Титаренко, 2004]. Однако в обществе сохранялись патриархатные массовые стереотипы [Бурова, 2018: 167]. В таких противоречивых условиях, осознавая разрыв между гендерными теориями и практикой, многие женские организации предпочли отказаться от феминизма и подстроить свою деятельность под официальные социальные запросы. Отдельные центры (ЕГУ, работающий с 2005 г. в Литве) и ученые остались на прежних позициях, но их голосов было почти не слышно. Под руководством феминистского историка И. Р. Чикаловой был реализован научный проект «Гендерные системы Беларуси и России: неопатриархальность или возврат к традиционным ценностям?» (2007—2009 гг.). Исследователь проблем труда социолог Г. Н. Соколова показала, что бедность и безработица имеют «женское лицо» [Женская безработица... , 1995; Соколова, 2010]. Гендерный центр ЕГУ выпустил культурологические и исторические работы о женщинах, включая сборник о женском опыте в белорусско-литовском регионе в разные исторические эпохи [Женщины на краю Европы, 2003].

В целом второй этап характеризовался ростом государственного нажима на исследовательские гендерные центры и женские организации: их число уменьшилось. К началу второго десятилетия гендерная риторика об успехах социальной политики затушевала сохранившиеся проблемы гендерного разрыва

в оплате труда и доступе в большую политику. Остались женские НГО (включая те, что возникли с зарубежной поддержкой), которые занимались конкретными социальными проблемами: направляли деятельность на борьбу с насилием в семье, защиту детей и прав женщин в трудовой, профессиональной сфере и т. п. Основными их функциями были выражение интересов разных групп женщин, помощь группам, нуждающимся в социальной поддержке, что соответствует пониманию роли женского движения в современном обществе. Среди таких НГО были волонтерские организации, организации по защите от домашнего насилия, помощи семьям и одиноким матерям, а также организации женщин-предпринимателей, женщин-преподавателей, организации по подготовке молодых женщин-лидеров и др. Тем не менее и раньше, и в нынешнем веке женские организации остались разрозненными, ориентированными на достижение целей прежде всего собственными силами.

Во втором десятилетии XXI в. начался *третий этап* развития женских организаций, вовлеченных в решение гендерных социальных проблем. Его отличительная черта — появление НГО, не имеющих официальной регистрации в соответствии с законодательством, которые функционируют как просветительские кружки с малым числом членов. Их активисты считают иные типы женских НГО недостаточно самостоятельными и бюрократизированными. Вторая отличительная черта периода — открытие интернет-порталов, блогов, которые перенесли фокус с реальной гендерно-ориентированной практики в плоскость интеллектуальных рассуждений, дискурсов о гендере (например, www.ngo.by, который в 2015 г. указывал 84 женских НГО в числе своих подписчиков). На этом этапе прекратили существование НГО, которым не хватало ресурсов в отстаивании прав женщин в условиях нежелания женских организаций разного толка объединять свои усилия. Продолжается деятельность женских организаций, которые ставят целью решение скромных, но конкретных задач по сокращению гендерного разрыва. Наконец, часть организаций стала работать вместе с государством, оказывая образовательные и другие услуги, т. к. эта деятельность получала официальную поддержку [Shchurko, 2015: 155].

К настоящему времени женские НГО заняли свою нишу, что отвечает интересам общества, в котором усиливается тенденция феминизации труда и возрастает внимание социальной политики к вовлечению женщин в практику решения актуальных задач — демографических, семейных, медицинских, образовательных. Основные женские организации представляют следующие группы: 1) оказывающие образовательные и просветительские услуги (Ассоциация молодых христианских женщин, «Гендерные перспективы», Клуб женщин-предпринимателей); 2) осуществляющие социальную и юридическую помощь женщинам в защите от домашнего насилия («Радислава», Женский союз, «Провинция» и др.); 3) научно-исследовательские центры («Гендерный путь», Гендерный центр ЕГУ); 4) занимающиеся пропагандой и лоббированием во власти интересов женщин (Белорусский союз женщин, Клуб женщин-предпринимателей). Все эти организации созданы в больших и малых городах страны. Область деятельности многих из них шире указанных в уставах основных направлений.

Проблема гендерного равенства в трудовой и политической сферах

Одна из главных сфер, в которых по-прежнему проявляется неравенство между женщинами и мужчинами, — экономика, занятость и оплата труда. Заметим, что не только страны бывшего СССР столкнулись с данной проблемой, усугубленной в ряде случаев сужением социальных программ для поддержания женщин. Даже страны Евросоюза, имеющие несоизмеримо больше финансовых ресурсов и выдвинувшие проблему гендерного равенства в число своих приоритетов, далеки от ее разрешения. Согласно оценке достижений Евросоюза по показателям индекса гендерного равенства, опубликованной в 2020 г., этим странам понадобится еще не менее 60 лет для достижения полного равенства [Gender Equality Index, 2020]. Что касается многих других стран мира, то им потребуется в среднем вдвое больше времени.

Поскольку показатели гендерного равенства входят во многие международные рейтинги, власти Беларуси поставили целью достичь высоких показателей гендерного равенства, как только республика в 1990-х гг. стала целенаправленно укреплять свои позиции на международной арене. Были предприняты шаги к достижению баланса в тех сферах, которые оцениваются в индексах (репродуктивные права, образование, экономические возможности, политическое участие). Социальная поддержка, оказываемая женщинам правительством в реализации их репродуктивных прав, весьма существенна. В условиях патерналистской социальной политики женщины стали реципиентами многих программ. Оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, в течение которого за женщиной сохраняется рабочее место, составляет 3 года. Женщина, родившая 4 детей, получила право на пенсию, даже не имея стажа работы. Постоянно растет пособие по уходу за ребенком. По уровню образования и профессионального развития белорусские женщины намного обогнали мужчин. Усилия социальной политики привели к тому, что страна достигла гендерного паритета (и даже доминирования женщин) в образовании, улучшились возможности женщин на рынке труда. Известно, что в странах Евросоюза сегодня разрыв в оплате труда составляет 16 % [Говорова, 2020: 33]. В Беларуси — около 20 %. Страна заняла 6-е место по экономическим возможностям. В результате в 2018—2019 гг. Беларусь находилась на 28 и 29-м месте, по данным «Глобальных докладов о гендерном разрыве» [Беларусь... , 2019], обогнав Россию и другие страны СНГ.

Однако по такому показателю гендерного равенства, как политические права женщин, страна находится на 74-м месте рейтинга. В сфере политики для роста участия женщин во власти (в условиях фактического отсутствия сильных политических партий) были введены гласные и негласные квоты. В результате в белорусском парламенте уже много лет процент представительства женщин даже превышает квоту, которая рекомендована международными стандартами. Такое регулирование «сверху» позволило формально говорить о росте гендерного равенства, а также о том, что гендерные подходы в Беларуси приняты властью. Исследователи гендерных проблем в Беларуси назвали нынешнюю социальную политику гендерным популизмом [Соломатина, Шмидт, 2021]. Общество во многом сохранило общую патриархальную структуру: женщин охотно привлекают к второстепенным позициям в управлении на всех уровнях общества, но реальная власть остается за мужчинами.

Первая попытка побороть эту ситуацию и создать женское политическое движение предпринималась в 1994 г. Была создана женская партия «Надежда» под руководством профсоюзного деятеля В. Т. Полевиковой. Она ставила целью продвижение женщин в политику с целью их участия в принятии важных решений. Партия не добилась успехов и прекратила существование в 2007 г. В целом белорусские женщины не были самостоятельным субъектом в политике и в краткосрочных протестах, которыми сопровождалась все президентские выборы. Женщины баллотировались во власть от «мужских» партий или выдвигались самой властью.

В 2020 г. на волне общего подъема политического самосознания женщины впервые приняли активное участие в массовых протестных движениях. Преобладала молодежь. Неожиданно для общества, в котором женщины традиционно выполняли роли статистов, женское протестное движение стало авангардом широкого социального движения, противостоящего властным структурам, т. е. включилось в коллективные действия, «бросающие вызов системе власти» [Chase-Dunn, Nagy, 2019: 427]. Тот факт, что это движение стало сетевым, является его второй характерной чертой, что соответствует мировым тенденциям сетевого общества, описанным М. Кастельсом.

Довольно скоро после активного включения в протестное движение роль женщин уменьшилась. Женское участие не получило четкой формы организации в условиях дефицита лидеров, слабой организованности именно как массового женского движения, размытости его перспектив и отсутствия собственно гендерных целей. Новых женских организаций не было создано. Женское движение, управляемое через сети, выполнило символическую роль в политической мобилизации масс и исчезло как отдельное движение. В соответствии с теорией М. Кастельса исчезновение социальных движений — это типичная их участь, так как на их место вскоре приходят другие политические игроки, активно стремящиеся к изменению общества [Castells, 2019: 314].

В Беларуси не проводилось репрезентативных исследований женских протестов, поэтому обратимся к российским опросам. По мнению российских исследователей протестной молодежной женской активности, последняя связана «не с ростом феминистских настроений в обществе, а с падением уровня и качества жизни» [Кушнарев и др., 2021: 107]. Обычно молодые девушки из состоятельных семей участвуют в протестах, желая получить больше политических прав. В белорусских протестах приняли участие женщины из разных социальных слоев, с разными целями. Те, кто имеет высокий уровень образования, активен в социальных сетях, хотели бы беспрепятственно пользоваться широкими гражданскими свободами (как к этому призывают социальные сети). Остальные участвующие группы женщин больше стремились противостоять снижению своего уровня жизни в условиях экономического кризиса и пандемии.

В то же время другие социальные группы населения, включающие и женщин, по-прежнему ориентированы на экономическую и социальную стабильность. Они поддерживают власть и осуждают тех, кто выходит на уличные акции. Парадокс ситуации состоит в том, что многолетние усилия власти, направленные на рост массового высшего образования и благосостояния населения, поддержку женщин-матерей, в условиях цифровой революции

и интернетизации общества принесли обратный эффект. Они способствовали распространению социальных сетей, а через них — сетевых протестных движений, особенно в городской среде. Минчанам, чей душевой доход более чем на треть превышает средний доход по стране, не хватало прав и широких демократических свобод. Концентрация в Минске студенчества, владеющего ИКТ и активно включенного в интернет-среду, неподвластную государственному контролю, способствовала его вовлечению в сетевые движения. Эти группы преобладали, хотя среди протестующих были люди всех возрастных категорий, объединенных недовольством сложившейся социально-экономической и политической ситуацией. Не политические движения и партии, а социальные сети (многие с территориями сопредельных стран), ставшие доминирующей технологией протестного движения, руководили женскими акциями, манипулируя ими и возлагая на них мифологизированную миссию «украшать протест» [Соломатина, Шмидт, 2021: 156]. Подобное участие привело многих женщин к разочарованию и психологическому выгоранию. Поэтому попытку сформировать в Беларуси в 2020 г. активное женское движение как разновидность социального движения нельзя считать удавшейся.

Выводы

Заканчивая рассмотрение социальных проблем в Беларуси, в решении которых принимают участие женские организации, выделим главное.

1. На протяжении всей истории Республики Беларусь женские организации постоянно находились под разнонаправленным влиянием государства и гражданского общества и поэтому не сформировали общей повестки женского движения, женской политической партии, женских фракций во власти, оставаясь разрозненными и слабыми для активного участия в общественно-политической жизни. Тем не менее есть сектор гражданского общества, представленный женскими НГО разной практической направленности. Их работа нацелена главным образом на помощь индивидам, но не на реформу социальных институтов, от которых во многом зависит достижение гендерного равенства.

2. Международные и другие зарубежные институты оказывают финансовую помощь многим женским НГО. Государство спонсирует только те из них, которые напрямую участвуют в выполнении актуальных социальных задач: демографических, воспитательных, общественно-политических.

3. Поскольку Беларусь достигла успехов в реализации гендерного равенства в образовании, продолжительности жизни, доступе к медицинским услугам, создается впечатление, что гендерной дискриминации больше нет. Однако, по мере ухудшения во втором десятилетии XXI в. социально-экономической ситуации, сохраняющееся гендерное неравенство в оплате труда, политике не исчезает, но теряет свою остроту на фоне общего ухудшения социально-экономического положения населения.

4. Гендерные организации продолжают участвовать в смягчении ситуации с домашним насилием, женским рабством, оказывать волонтерскую помощь малоимущим семьям, а исследования, проводимые на основе гендерного подхода, сохраняют за собой небольшое завоеванное пространство в научном сообществе, что особенно важно на фоне общего нарастания в СМИ традиционных

гендерных стереотипов и акцентирования традиционных ролей женщины — труженицы и матери.

5. Гендерный репертуар деятельности женских организаций включает в основном публичную сферу. Остальные вопросы остаются вне поля зрения большинства женских организаций и дискутируются на интернет-сайтах и платформах. Интернет-коммуникации активно использовались и в 2020 г., в период всплеска женской политической активности, которая, однако, играла символическую роль и не имела самостоятельного значения. Этот факт подтвердил, что женские объединения пока не стали значимой силой в политической сфере белорусского общества.

Библиографический список

- Беларусь — на 28-й позиции в рейтинге гендерного равенства. 2019. URL: <https://www.genderperspectives.by/events/news/belarus-na-28-pozitsii-v-rejtinge-gendernogo-ravenstva> (дата обращения: 25.12.2020).
- Белорусский союз женщин. 2020. URL: <http://oobsg.by/%D0%BE-%D0%BD%D0%B0%D1%81> (дата обращения: 10.01.2021).
- Бурова С. Н.* Гендерные исследования в Беларуси: история, социальный контекст, персоны // Журнал Белорусского государственного университета. Сер.: Социология. 2018. № 1. С. 161—168.
- Говорова Н. В.* Рынок Европейского союза в цифровую эпоху: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 30—41.
- Женская безработица: проблемы, тенденции, перспективы / под ред. Г. Н. Соколовой. Минск: Ин-т социологии НАН Беларуси, 1995. 48 с.
- Женщины Беларуси в зеркале эпохи. Минск: ПРООН в Республике Беларусь, 1997. 126 с.
- Женщины на краю Европы: сборник статей / под ред. Е. Гаповой. Минск: Европ. гуманит. ун-т, 2003. 423 с.
- Кушнарев Ф. Ю., Березин Д. Т., Румянцева Е. С., Шишалов Е. М.* Протестная активность женщин: виды, направления и тенденции: (на примере студентов ЯГПУ и ЯрГУ) // Alma mater. 2021. № 1. С. 107—114.
- Семья, женщины и дети г. Минска: статистический сборник. Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 1999. 106 с.
- Соломатина И., Шмидт В.* Гендерный популизм в Беларуси // Неприкосновенный запас. 2021. № 1. С. 147—160.
- Соколова Г. Н.* Гендерные проблемы в транзитивной экономике Беларуси // Иной взгляд. Минск: Белорус. гос. пед. ун-т, 2002. С. 14—15.
- Соколова Г. Н.* Экономическая реальность в социальном измерении: экономические вызовы и социальные ответы. Минск: Беларус. навука, 2010. 460 с.
- Титаренко Л. Г.* Гендерная социология. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2002. 150 с.
- Титаренко Л. Г.* Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2004. 205 с.
- Хасбулатова О. А.* Женское движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 14—26.
- Чикалова И. Р.* Гендерный подход в науках о человеке и обществе: смещение исследовательских парадигм // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навуковы зборнік. Мінск: Беларус. дзяржаўны ўніверсітэт, 2007. Вып. 3. С. 89—100.
- Юк З. М.* Труд женщины и семья. Минск: Беларусь, 1975. 238 с.

- Юркевич Н. Г. Советская семья. Минск: Белорус. гос. ун-т, 1970. 208 с.
- Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge (UK): Polity, 2019. 318 p.
- Chase-Dunn Ch., Nagy S. Global social movements and world revolutions in the XXI century // *The Palgrave Handbook of Social Movements, Revolution, and Social Transformation*. London; New York: Palgrave Macmillan, 2019. P. 427—446.
- Gender Equality Index 2020. URL: <https://eige.europa.eu/gender-equality-index/about> (дата обращения: 10.01.2021).
- Shchurko T. Gender sector and civil society in Post-Soviet Belarus // *Civil Society in Belarus 2000—2015*. Warsaw: East European Democratic Centre, 2015. P. 147—160.
- Titarenko L. Post-Soviet youth: engagement in civil society — Belarus and beyond // *Demokratizatsiya*. 1999. Vol. 7. № 3. P. 413—436.
- Titarenko L., Zdravomyslova E. *Sociology in Russia: a Brief History*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 158 p.

References

- Belorusskiĭ soiuz zhenshchin* (2020) [Belarusian Women's Union], available from <http://oobsg.by/%D0%BE-%D0%BD%D0%B0%D1%81> (accessed 10.01.2021).
- Burova, S. N. (2018) *Gendernye issledovaniia v Belarusi: istoriia, sotsialnyi kontekst, osoby* [Gender studies in Belarus: history, social context, persons], *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Sotsiologiia*, no. 1, pp. 161—168.
- Castells, M. (2019) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*, Cambridge, UK: Polity.
- Chase-Dunn, Ch., Nagy, S. (2019) Global social movements and world revolutions in the XXI century, in: *The Palgrave Handbook of Social Movements, Revolution, and Social Transformation*, London, New York: Palgrave Macmillan, pp. 427—446.
- Chykalova, I. R. (2007) *Gendernyi podkhod v naukakh o cheloveke i obshchestve: smeshchenie issledovatel'skikh paradigmat* [Gender approach in the sciences of man and society: shifting research paradigms], in: *Krynitsaznaustva i spetsyial'nyia gistarychnyia dystsypliny*, iss. 3, Minsk: Belaruskii dzerzhauny universitet, pp. 89—100.
- Gapova, E. (ed.) (2003) *Zhenshchiny na kraiu Evropy* [Women at the edge of Europe], Minsk: Evropeiskii gumanitarnyi universitet.
- Gender Equality Index 2020* (2020), available from <https://eige.europa.eu/gender-equality-index/about> (accessed 10.01.2021).
- Govorova, N. V. (2020) Rynok Evropeiskogo soiuzna v tsifrovuiu epokhu: gendernyi aspekt [The European Union market in the digital age: gender features], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 30—41.
- Kushnarev, F. Yu., Berezin, D. T., Rumiantseva, E. S., Shishalov, E. M. (2021) *Protestnaia aktivnost' zhenshchin: vid, napravleniia i tendentsii: (Na primere studentov IaGPU i IarGU [Protest activity of women: types, directions and tendencies: (On the example of YASPU and YASU students)]*, *Alma mater*, no. 1, pp. 107—114.
- Khasbulatova, O. A. (2019) *Zhenskoe dvizhenie v sovremennoi Rossii* [Women's movement in modern Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 14—26.
- Shchurko, T. (2015) Gender sector and civil society in Post-Soviet Belarus, in: *Civil Society in Belarus 2000—2015*, Warsaw: East European Democratic Centre, pp. 147—160.
- Sokolova, G. N. (ed.) (1995) *Zhenskaiia bezrobotitsa: problemy, tendentsii, perspektivy* [Women's unemployment: problems, tendencies, perspectives], Minsk: Institut sotsiologii Natsional'noi akademii nauk Belarusi.

- Sokolova, G. N. (2002) Gendernye problemy v transitivnoï ekonomike Belarusi [Gender problems in transition economy of Belarus], in: *Inoï vzgliad*, Minsk: Belorusskiï gosudarstvennyi pedagogicheskiï universitet, pp. 14—15.
- Sokolova, G. N. (2010) *Ėkonomicheskaia real'nost' v sotsial'nom izmerenii: ekonomicheskie vyzovy i sotsial'nye otvety* [Economic reality in the social dimension: economic challenges and social responses], Minsk: Belaruskaja navuka.
- Solomatina, I., Shmidt, V. (2021) Gendernyi populizm v Belarusi [Gender populism in Belarus], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1, pp. 147—160.
- Titarenko, L. (1999) Post-Soviet youth: engagement in civil society — Belarus and beyond, *Demokratizatsiia*, vol. 7, no. 3, pp. 413—436.
- Titarenko, L. G. (2002) *Gendernaia sotsiologiia* [Sociology of Gender], Minsk: Belorusskiï gosudarstvennyi universitet.
- Titarenko, L. G. (2004) *Tsennostnyi mir sovremennogo belorusskogo obshchestva: Gendernyi aspekt* [World of values of the modern Belarusian society: Gender aspect], Minsk: Belorusskiï gosudarstvennyi universitet.
- Titarenko, L., Zdravomyslova, E. (2017) *Sociology in Russia: A Brief History*, London: Palgrave Macmillan.
- Yuk, Z. M. (1975) *Trud zhenshchiny i sem'ia* [Woman's work and family], Minsk: Belarus'.
- Yurkevich, N. G. (1970) *Sovetskaia sem'ia* [Soviet family], Minsk: Belorusskiï gosudarstvennyi universitet.

Статья поступила 11.01.2021 г.

Информация об авторе / Information about the author

Титаренко Лариса Григорьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь, larisa166@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Sociology, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus).

Woman in Russian Society
2021. No. 2. P. 161—173
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.12

Женщина в российском обществе
2021. № 2. С. 161—173
ББК 65.240.5с51
DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.12

ЖЕНЩИНЫ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Н. В. Говорова

Институт Европы, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, n_govorova@mail.ru

Цифровизация трансформировала большинство аспектов современной жизни и на фоне пандемии коронавируса COVID-19 и ее последствий усугубила проблемы, стоящие перед европейским обществом и экономикой. Это прежде всего неравенство во всех его проявлениях, включая гендерное неравноправие в трудовой сфере, особенно в высокотехнологичных секторах производства товаров и услуг. Цифровые технологии трансформировали мир труда, иницируя как возможности, так и риски для гендерного равенства. Именно поэтому особенно важно учитывать гендерный аспект во всех перспективных проектах политического, социально-экономического и экологического развития. В статье проанализированы причины гендерного дисбаланса в трудовой сфере Европейского союза в условиях цифровой экономики, рассмотрены возможности и ресурсы достижения гендерного равенства на современном рынке труда. Сделан вывод о перспективных инструментах — широком использовании цифровых технологий для демонтажа старых моделей сегрегации рынка труда и повышения квалификации специальностей в секторах с преобладанием женской занятости на фоне преодоления существующих гендерных стереотипов.

Ключевые слова: Европейский союз, Европейская комиссия, гендерное равенство, гендерный разрыв, цифровая экономика, рынок труда, кибербезопасность, ИКТ, STEM, устойчивое развитие.

WOMEN IN THE EUROPEAN DIGITAL ECONOMY

N. V. Govorova

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, n_govorova@mail.ru

Digitalization has transformed most aspects of modern life and, against the backdrop of the pandemic, has intensified the problems of European society and economy. This is above all inequality in all its dimensions, including gender inequality in the workplace, especially in the high-tech sectors of goods and services production. Digital technology has transformed the world of work, initiating both opportunities and risks for gender equality. That is why it is

especially important to consider the gender aspect in all prospective projects of political, socio-economic and environmental development. The article analyzes the causes of gender imbalance in the European Union labor market in the context of the digital economy, and considers opportunities and resources for achieving gender equality in the labor market. The conclusion is made about promising tools — the wide use of digital technologies to dismantle old patterns of labor market segregation and increase the qualification of jobs in sectors with predominantly female employment against the background of overcoming existing gender stereotypes.

Key words: European Union, European Commission, digital economy, gender equality, gender gap, labor market, ICT, STEM, cybersecurity, sustainable development.

Введение

Стремительно развивающиеся технологические инновации оказывают значительное влияние на экономику и рынок труда, обладают высоким потенциалом социальных преобразований. Цифровизация несет с собой много новых возможностей во всех сферах жизни, в том числе изменение гендерных отношений. Однако она может также способствовать сохранению существующих форм неравенства, и в частности гендерного, создавая особые риски для молодых женщин и девушек. Становление и эволюция цифровой экономики определяют новые задачи в отношении экономического роста, производительности, а также гендерного паритета в трудовой сфере, особенно в высокотехнологичных отраслях и науке. Термины «цифровая экономика» и/или «цифровизация экономики» по-разному трактуются отечественными и зарубежными экспертами. В рамках исследования будем использовать широкое понятие данных явлений — происходящая в последние годы в европейских странах социально-экономическая трансформация, обусловленная масштабным проникновением во все сферы жизнедеятельности цифровых технологий по обработке и передаче информации [Циренщиков, 2019].

Политика гендерного равенства является неотъемлемой частью европейского интеграционного процесса, принципы которого были заложены более 60 лет назад в Римском договоре, документе, определившем основу для Европейского экономического сообщества, в статье 119, установившей принцип равной оплаты за равный труд мужчин и женщин [Treaty Establishing the European Economic Community, 1957]. Наднациональные органы власти Европейского союза (Евросоюз, ЕС) стремятся содействовать равенству мужчин и женщин во всех видах деятельности, принимают меры для обеспечения применения принципа равных возможностей и равноправия в вопросах занятости и труда. Гендерное равенство — один из 20 ключевых принципов Европейской опоры социальных прав (I. Равные возможности и доступ к рынку труда) [European Pillar of Social Rights, 2017] — перспективной «социальной стратегии ЕС» [Борко, Биссон, 2019], призванной преодолеть асимметрию между развитием единого рынка и социальным прогрессом, разрешить наиболее актуальные проблемы социально-экономического развития, такие как бедность и неравенство, обусловленные не в последнюю очередь гендерными различиями на рынке труда, прекаризация занятости, трансформация спроса и демографических установок и др.

Создание единого цифрового рынка является ключевой политикой ЕС с 2015 г. Она направлена на поддержку инклюзивного цифрового общества, в котором приобретение навыков в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) становится необходимым в всех областях деятельности. Коалиция «Цифровые навыки и рабочие места» Европейской комиссии (Еврокомиссия, ЕК) содействует достижению этой цели, объединяя местные и национальные органы власти, компании, работающие в сфере образования и ИКТ, потребителей и социальных партнеров, которые сотрудничают в целях сокращения разрыва в цифровых навыках в сфере труда, образовании и обществе в целом [The Digital Skills... , 2016].

Преодоление гендерного разрыва в ИКТ может придать положительный импульс движению к Целям устойчивого развития (ЦУР) [Шведова, 2019], некоторые из которых, в частности ЦУР 5 «Гендерное равенство», демонстрируют на уровне Евросоюза в целом неудовлетворительную динамику, в том числе по показателям в области образования и на рынке труда [Sustainable Development... , 2020], отчасти из-за недоверия женщин к технологиям, меньшей их осведомленности об инновациях. Достижение гендерного равенства путем искоренения всех форм дискриминации в отношении женщин и девочек в государственной и частной сферах, обеспечивающего полноценное участие женщин и равные возможности для руководства на всех уровнях принятия решений в политической, экономической и научной областях, — все это предполагает активное использование инноваций и технологий. Ряд политических инициатив ЕС направлен на преодоление цифрового гендерного разрыва путем акцентирования возможностей и преимуществ, которые новые ИКТ предоставляют самим женщинам, а также экономике и обществу. «Цифровая повестка дня для Европы» ЕК является одной из 7 флагманских инициатив в рамках стратегии «Европа-2020»; ее цель — стимулировать экономический рост, одновременно решая социальные проблемы. Нынешняя ситуация свидетельствует о сохраняющемся гендерном разрыве в доступе к цифровым технологиям и их использовании, обусловленном нехваткой экономических ресурсов, отсутствием образования и профессиональной подготовки у женщин, а также социокультурными представлениями о роли и месте женщин в обществе и на рынке труда.

Евросоюз сможет успешно конкурировать на мировом рынке товаров, услуг, инноваций и талантов только в том случае, если он использует все свои активы и потенциал. Глава исполнительной власти, председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен поставила вопросы дигитализации и гендерного равенства в свою повестку дня, подав пример сбалансированности состава ЕК с этой точки зрения [Leuen, 2019]. В феврале 2020 г. Еврокомиссия обнародовала цифровую стратегию ЕС «Формирование цифрового будущего Европы», в которой подчеркивается, что цифровой переход в европейском обществе будет осуществляться в интересах и силами всех граждан, независимо от возраста, профессиональной принадлежности и пола [Shaping Europe's Digital Future, 2020: 5]. В свою очередь в Стратегии ЕС по гендерному равенству на 2020—2025 гг. обозначена необходимость интеграции гендерной перспективы в этой области, для того чтобы больше девочек и девушек, чем в настоящее время, приобретали навыки в области информационных технологий и имели возможность в будущем играть

большую роль в формировании цифрового общества [A Union of Equality, 2020]. Сегодня вполне очевидно, что повышение значимости и расширение прав и возможностей женщин в цифровой экономике будет способствовать экономическому росту и более широкому социальному прогрессу [Говорова, 2020].

Цифровизация в сфере труда Европейского союза

Евросоюз сталкивается с беспрецедентной нехваткой специалистов по ИКТ, искусственному интеллекту. При этом женщины, составляя более половины европейского населения, занимают незначительную часть рабочих мест в этих областях и среди выпускников — специалистов по естественно-научным и техническим дисциплинам (Science, Technology, Engineering, Math — STEM). Во II квартале 2020 г. уровень занятости в ЕС (20—64 лет) составил 66 % для женщин и 77 % для мужчин. Разница в показателях наблюдалась на всех уровнях образования, от 21 % для малообразованных лиц до 6 % среди высокообразованных работников [Gender Employment Gap... , 2020]. Гендерный дисбаланс, в виде сильной отраслевой сегрегации или профессиональной контрактной (по условиям найма: неполный рабочий день или временная работа), особенно в высокотехнологичных отраслях, тормозит становление цифровой экономики в условиях, когда технологии заменяют или преобразуют работу женщин и мужчин.

В соответствии с Договором о функционировании ЕС европейские институты поддерживают и дополняют деятельность государств-членов в вопросах гендерного равноправия в сферах трудоустройства, условий труда и вознаграждения за него, не препятствуя им принимать меры, предусматривающие специальные преимущества, призванные содействовать осуществлению профессиональной деятельности недостаточно представленным полом либо предотвращать или компенсировать неблагоприятные обстоятельства в профессиональной карьере [Consolidated versions... , 2012]. Инициативы Еврокомиссии поощряют и расширяют возможности женщин играть более активную роль в цифровую эпоху, основное внимание уделяется борьбе с цифровыми гендерными стереотипами, содействию формированию цифровых навыков и образования, пропаганде увеличения числа женщин-предпринимателей.

В День цифровых технологий — 9 апреля 2019 г. — 27 представителей государств — членов ЕС и Норвегия подписали министерскую декларацию «Женщины в цифровом мире» (Ministerial Declaration of Commitment on Women in Digital), с особым акцентом на улучшение представленности женщин в высокотехнологичных (hi-tech) секторах и других хорошо оплачиваемых видах деятельности (в том числе STEM). Цель заключается в том, чтобы поднять политический приоритет недопредставленности женщин в цифровой экономике. Документ основывается на выводах Совета ЕС о гендерном равенстве, молодежи и цифровизации [Gender Equality and Digitalisation, 2018] и Декларации о гендерном равенстве, подписанной странами ЕС [Gender Equality as a Priority... , 2018]. Страны будут принимать меры на национальном уровне в следующих областях: создание стратегий по стимулированию участия женщин в цифровом мире и поощрение СМИ к продвижению позитивного имиджа женщин в нем;

учреждение Европейского дня девочек и женщин в ИКТ¹; стимулирование компаний к борьбе с гендерной дискриминацией на рабочем месте; продвижение сбалансированного в гендерном отношении состава советов, комитетов и органов, занимающихся вопросами цифровых технологий. Каждое государство-член разработало межсекторальный национальный план в отношении женщин в цифровой сфере (самостоятельный или интегрированный в уже существующую цифровую повестку дня).

Женщины недопредставлены в высокотехнологичных секторах (в ЕС к ним относятся высокотехнологичное производство и наукоемкие высокотехнологичные услуги), очень мало их среди ученых и инженеров (в 2019 г. из 32 млн человек, занятых в hi-tech секторах, лишь пятую часть составляли женщины; эта доля остается неизменной с 2010 г.), которые могли бы быть мобилизованы для разработки и развития новых цифровых технологий. При этом гендерные диспропорции еще более ощутимы в области компьютерного обучения, в сфере программного обеспечения и ИКТ-услуг, искусственного интеллекта. Дефицит женщин в цифровой экономике является упущенной возможностью для Европы и дорого ей обходится. Расширение участия женщин в высокотехнологичных секторах может привести к ежегодному приросту ВВП Евросоюза на 16 млрд евро. Однако исследование ЕК «Женщины в цифровую эпоху» зафиксировало тенденцию снижения заинтересованности женщин (по сравнению с 2011 г.) в STEM образовании, занятости, включая предпринимательство: из 1 тыс. выпускниц вузов только 24 изучали предмет, связанный с ИКТ, и только 6 из них продолжали работать в цифровом секторе [Women in the Digital Age, 2018].

В ЕС для надежных измерений прогресса усилий по преодолению цифрового гендерного разрыва по методологии Еврокомиссии [Women in Digital Index... , 2020] применяется индекс «Женщины в цифровом мире, WiD»² в рамках индекса цифровой экономики и общества (DESI), объединяющего 12 соответствующих показателей для оценки деятельности государств-членов в таких областях, как: 1) использование Интернета, 2) навыки работы в Интернете, 3) специализированные навыки и занятость³. По данным WiD-2020, женщины все еще имеют меньше шансов получить специальные цифровые навыки и работать в этой области. Гендерный разрыв присутствует во всех 12 измеряемых показателях, при этом разрыв в базовых цифровых навыках сократился с 10,5 % в 2015 г. до 7,7 % в 2019 г. Женщины Дании, Нидерландов, Финляндии и Швеции являются одними из самых активных участников цифровой экономики. В Болгарии, Румынии, Греции и Италии они наименее склонны принимать

¹ С 2011 г. по инициативе ООН в конце апреля отмечается Международный день девочек в сфере ИКТ (International Girls in ICT Day), с 2016 г. — Международный день женщин и девочек в науке (International Day of Women and Girls in Science) (11 февраля).

² URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/women-digital-scoreboard> (дата обращения: 04.02.2021).

³ DESI представляет собой сводный индекс, в котором обобщаются соответствующие показатели, характеризующие цифровые показатели в Европе, и отслеживается эволюция стран — членов ЕС в области цифровой конкурентоспособности. Международный индекс цифровой экономики и общества (I-DESI) объединяет 24 показателя для анализа и сравнения тенденций в 45 странах, включая Россию, а также Китай, Японию и США.

участие в цифровой экономике во всех трех вышеперечисленных областях, главным образом из-за недостатка соответствующих навыков и стереотипов.

Мониторинг и показатели эволюции вовлечения и участия женщин в цифровую экономику и общество постоянно совершенствуются. Европейский институт гендерного равенства (EIGE) — автономная организация, действующая в рамках политики и инициатив ЕС, цели и задачи которой определены Европейским парламентом и Советом ЕС, возложившими на нее центральную роль в содействии равенству мужчин и женщин. EIGE собирает, анализирует и распространяет данные по вопросам гендерного равенства в Европе и за ее пределами, внося свой вклад в его продвижение и укрепление в мире. По данным исследования EIGE «Индекс гендерного равенства 2020. Цифровизация и будущее работы», европейские женщины и мужчины применяют Интернет в более или менее равной степени, однако картина существенно меняется, если говорить о пожилых и малообразованных женщинах, более четверти которых вообще никогда им не пользовались. Мужчины чаще участвуют в профессиональных сетевых сообществах, скачивают программное обеспечение и ищут учебные материалы в Интернете; женщины чаще мужчин присутствуют в социальных сетях и ищут информацию об образовании и обучении. Женщины также сталкиваются с более серьезными препятствиями в приобретении и совершенствовании цифровых навыков. Несмотря на общий рост сектора ИКТ в последние десятилетия и высокий спрос на соответствующие навыки на рынке труда, женщины составляют лишь пятую часть выпускников в областях, связанных с ИКТ, а доля женщин, занятых в сфере ИКТ, еще меньше (18 %; минус 4 п. п. по сравнению с 2010 г.), серьезные расхождения есть и по параметрам частичной занятости. Помимо ИКТ, значительный гендерный разрыв имеется среди ученых и инженеров в высокотехнологичных отраслях (табл.).

В ЕС молодые женщины и мужчины являются наиболее квалифицированным поколением, обладающим цифровыми технологиями, и в равной степени пользуются базовыми и более широкими цифровыми навыками. Однако позднее гендерный разрыв увеличивается. Мужчины находятся в более благоприятном положении с точки зрения навыков работы с цифровыми технологиями, чем женщины, особенно старшей возрастной когорты, инвалиды, мигрантки и представительницы этнических групп. В сфере ИКТ существует значительная вертикальная и горизонтальная дискриминация и женщины зачастую обладают избыточной квалификацией для своих должностей. Лишь незначительное меньшинство женщин занимают руководящие должности и зарабатывают немногим меньше мужчин. Примечательно, что наименьшие различия по приведенным параметрам и даже «обратная ситуация» наблюдаются, главным образом, в «небогатых» государствах ЕС, включая бывшие республики Советского Союза и страны СЭВ. Представляется, что это позитивное наследие общего социалистического прошлого. Здесь же следует отметить, что согласно индексу EIGE государства — члены ЕС с самыми высокими баллами по индексу гендерного равенства имеют и самые лучшие показатели интеграции и вклада женщин в цифровую экономику; это говорит об определенной взаимозависимости достижений в областях гендерного равенства и цифрового преобразования.

**Основные показатели цифровизации в сфере труда в ЕС,
2018—2019 гг., %**

Проблемные области	Индикатор	ЕС		Гендерный разрыв	
		М	Ж	минимальный или положительный	максимальный
Цифровые навыки	Пользователи Интернета (ежедневно) (16—74 лет)	80,0	78,0	Ирландия, Испания, Литва, Мальта, Швеция	Австрия, Люксембург
	Имеющие развитые цифровые навыки (16—74 лет)	36,0	31,0	Латвия, Болгария, Словения	Нидерланды, Великобритания
Сегрегация в образовании и на рынке труда	Доли женщин и мужчин среди выпускников в областях, связанных с ИКТ	79,9	20,1	Греция, Болгария, Румыния	Люксембург
	Доли женщин и мужчин среди специалистов в области ИКТ (15+ лет)	82,3	17,7	Латвия, Литва, Болгария	Венгрия, Мальта, Чехия
	Доли женщин и мужчин среди ученых и инженеров в hi-tech отраслях (25—64 лет)	80,0	20,0	Испания, Хорватия, Словения	Люксембург, Чехия, Венгрия
Работа в сфере ИКТ	Доли женщин и мужчин, использовавших на работе компьютеры или другие портативные устройства (16—74 лет)	42,0	37,0	Латвия, Литва, Болгария, Румыния, Словения, Кипр	Италия, Австрия
	Доли населения, работающего неполный рабочий день в сфере ИКТ (20—64 лет)	5,4	16,5	Румыния, Венгрия, Словакия, Кипр, Болгария, Хорватия	Нидерланды, Австрия, Люксембург, Германия
	Разрыв в оплате труда мужчин и женщин в ИКТ (20—64 лет)	11,1			

Сост. по: [Gender Equality Index 2020, 2020].

Цифровая трансформация рынка труда влечет за собой необходимость решения ряда важных задач в области гендерного равенства. В частности, женщины несколько чаще, чем мужчины, рискуют быть замененными на своих

рабочих местах машинами или алгоритмами, а новые рабочие места зачастую сосредоточены в секторах ИКТ и STEM, где доминируют мужчины. При этом женщины недопредставлены в системе платформенной занятости (gig economy), масштабы которой растут (серьезное поле исследований для экспертов). Позитивные и негативные стороны ее воздействия на работников, работодателей и экономику в целом рассмотрены в статье [Бобков, Черных, 2020]. Европейские специалисты указывают на проблемы для применения законодательства ЕС о гендерном равенстве и недискриминации в сфере занятости из-за нерегулярного характера этой работы и новых методов управления трудовыми ресурсами, приводящих к ограниченному доступу к социальному обеспечению и мерам по охране труда, что особенно дало о себе знать в период коронакризиса. 24 февраля 2021 г. Еврокомиссия объявила о начале первого этапа консультаций с социальными партнерами по защите работников на цифровых платформах. Действия ЕС помогут улучшить условия труда, поскольку правовое регулирование гиг-экономики носит фрагментированный характер в государствах-членах; благодаря инициативе станет возможным обеспечить справедливые условия труда для всех, гарантируя защиту от экономических и социальных рисков [European Commission... , 2021].

Женщины в киберпространстве

16 декабря 2020 г. Еврокомиссия и Высокий представитель Союза по иностранным делам и политике безопасности представили новую Стратегию ЕС в области кибербезопасности⁴ [The EU's Cybersecurity Strategy... , 2020]. Стратегия на ближайшее десятилетие является ключевым компонентом программы «Формирование цифрового будущего Европы» [Shaping Europe's Digital Future, 2020], Плана Комиссии по восстановлению (Recovery Plan for Europe) и Европейского союза безопасности на 2020—2025 гг. (European Security Union). Цель Стратегии — укрепление коллективной сопротивляемости ЕС кибернетическим угрозам и обеспечение надежности и конфиденциальности цифровых услуг и инструментов для общества и бизнеса на фоне новых вызовов, усиленных в числе прочего коронакризисом. Евросоюз стремится стать движущей силой мировых стандартов и решений в области кибербезопасности, а также развития и применения новых технологий. Однако обеспечить это можно только в том случае, если имеется достаточное количество специалистов, обладающих необходимыми знаниями и навыками, а в ЕС их в настоящее время не хватает.

Гендерные стереотипы начинают проявляться на ранних стадиях образовательного процесса, оказывая большое влияние на выбор предметов изучения, и сильнее всего заявляют о себе в высокотехнологичном секторе экономики и рынка труда. Библиография отечественных и зарубежных исследований данного

⁴ Киберкомпьютерная безопасность — совокупность методов защиты компьютеров, мобильных устройств, сетей, информации, а также восстановление и повышение осведомленности (обучение пользователей). Последнее особенно важно, поскольку в будущем в Европе более 90 % рабочих мест, как ожидается, потребуют определенной степени владения электронными навыками и цифровой грамотностью, в то время как 44 % работающего населения ЕС не имеет базовых навыков работы с цифровыми технологиями [€500 million from Portuguese recovery plan... , 2021].

вопроса приведена в статье [Савинская, Лебедева, 2020]. В силу этого женщины составляют лишь незначительную долю венчурных капиталистов, бизнес-ангелов и инвесторов в сфере использования и создания компьютерного программного обеспечения — ключевого актива цифровой трансформации. В сфере кибербезопасности еще до пандемии ощущалась довольно значительная нехватка экспертов. Дефицит, который, по прогнозам, к 2022 г. достигнет 1,8 млн человек во всем мире и 350 тыс. в Европе, усугубляется недостаточной представленностью женщин. В мире они составляют лишь 11 % соответствующей рабочей силы, в Европе — 7 % [The EU's Cybersecurity Strategy... , 2020]. Первоначальным условием для решения этой проблемы является формирование критической массы женщин, активно участвующих в обеспечении кибербезопасности. Именно поэтому Еврокомиссия стимулирует развитие навыков компьютерной безопасности, входящих в общую повестку дня ЕК по цифровым навыкам, финансируемых в рамках программ «Горизонт 2020», «Горизонт Европа» и «Цифровая Европа».

Генеральный директорат по коммуникационным сетям, контенту и технологиям (DG Connect) ЕК, отвечающий за управление цифровой повесткой дня (A Digital Agenda for Europe⁵), и Европейская организация по кибербезопасности (ECISO) с ее инициативой «Женщины в киберпространстве» (Women4Cyber, W4C), выдвинутой для того, чтобы охватить сложную по своей сути область кибербезопасности и удовлетворить растущий спрос на специалистов по кибербезопасности в Европе, с целью формирования сообщества женщин-специалистов создали реестр европейских женщин, работающих в данной сфере. Он объединяет специалисток различного профиля и будет служить ориентиром для экспертных групп, организаторов мероприятий, средств массовой информации, а также для сотрудничества и потенциальных возможностей для бизнеса. Главная цель Women4Cyber заключается в поощрении и развитии навыков, повышении квалификации и переквалификации девочек и женщин для получения ими образования и профессий, связанных с кибербезопасностью. Совет W4C — стратегический орган, возглавляющий эту инициативу; в его состав входят 30 ведущих европейских женщин-лидеров из государственного, частного и академического секторов.

Программа W4C имеет следующие особенности: регистрация в базе данных возможна только для женщин, работающих в этой сфере, однако веб-сайт является открытым, то есть база данных доступна для всех; с женщинами-экспертами можно напрямую связаться онлайн; веб-сайт обладает функцией поиска, то есть на нем можно осуществлять поиск по названию, ключевым словам, сектору, области специализации, языку или стране проживания. База данных (на английском языке) будет постоянно пополняться путем предоставления новым участникам возможности регистрироваться в течение определенного времени, а существующим участникам — актуализировать свои данные, обмениваться идеями, устанавливать контакты и искать новые возможности.

Организация «Женщины в киберпространстве» пропагандирует кибербезопасность как специальность и карьеру, доступные девушкам и женщинам на различных этапах их профессиональной биографии, оказывает содействие

⁵ URL: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/64/digital-agenda-for-europe> (дата обращения: 04.02.2021).

разработке специальных программ подготовки или переподготовки кадров, повышения квалификации, расширению присутствия женщин в соответствующем сегменте рынка труда, включая участие женщин в исследованиях и разработках инноваций, оказывает поддержку в формировании политики на общеевропейском и национальных уровнях.

Выводы

Для достижения гендерного равенства в цифровой экономике Евросоюза сохраняются серьезные проблемы. Представляется, что относительно полное гендерное равенство не будет достигнуто еще по меньшей мере в течение полувека, и одна из причин этого — его отсутствие на уровне принятия решений, а также в научно-технической сфере в ЕС. Проведенный анализ свидетельствует о том, что для лидерства в переходе на цифровые технологии следует в полной мере использовать профессионализм и таланты женщин, на полноправной основе включить их в состав рабочей силы, способствующей технологическим изменениям. Принятие мер по вовлечению большего числа женщин в цифровой сектор является необходимым условием для построения инклюзивной, конкурентоспособной и динамичной цифровой Европы, выполнения Повестки дня в области устойчивого развития ООН на период до 2030 г. Гендерное измерение будет иметь существенное влияние и на так называемый двойной переход — экологическую и цифровую трансформации (JTM)⁶, именно поэтому для его достижения необходимо включение гендерной перспективы во все политики и процессы ЕС. Неиспользованный потенциал талантливых женщин-ученых, наряду с гендерно-нечувствительными исследованиями, не позволяет в полной мере реализовать потенциал научно-технического прогресса.

Достижение гендерного равенства в ЕС требует объединения усилий всех институтов и агентств ЕС, государств-членов во взаимодействии с гражданским обществом и женскими организациями, социальными партнерами и частным сектором. Среди возможных инструментов — широкое использование цифровых технологий для изживания старых моделей сегрегации рынка труда и повышения квалификации специальностей в секторах с преобладанием женской занятости. В неменьшей степени все вышесказанное актуально и для современной России.

Библиографический список

- Бобков В. Н., Черных Е. А. Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. 2020. № 14. С. 6—15.
- Борк Ю. А., Биссон Л. С. Европейская интеграция: перезапуск идеи «социальной Европы» // Современная Европа. 2019. № 6. С. 5—17.
- Говорова Н. В. Рынок труда Европейского союза в цифровую эпоху: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 30—41.
- Савинская О. Б., Лебедева Н. В. Почему женщины уходят из STEM: роль стереотипов // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 62—75.

⁶ The Just Transition Mechanism: Making Sure No One Is Left Behind. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal/actions-being-taken-eu/just-transition-mechanism_en (дата обращения: 04.02.2021).

-
- Циренчиков В. С. Цифровизация экономики Европы // Современная Европа. 2019. № 3. С. 104—114.
- Шведова Н. А. Высшая школа и наука: проблемы гендерного равенства // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 40—54.
- A Union of Equality: Gender Equality Strategy 2020—2025. COM(2020) 152 final / European Commission. Brussels, 2020. 20 p.
- Consolidated versions of the treaty on European Union and the treaty on the functioning of the European Union. Art. 8, 153, 157 TFEU // Official Journal of the European Union. 2012. Vol. 55, С 326. 412 p.
- European Commission launches first stage of consultation with social partners on protections for platform workers // Bulletin Quotidien Europe. 2021. № 12 665. P. 19—20.
- European Pillar of Social Rights. 2017. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/social-summit-european-pillar-social-rights-booklet_en.pdf (дата обращения: 04.02.2021).
- €500 millions from Portuguese recovery plan will contribute to digitalisation of education system // Bulletin Quotidien Europe. 2021. № 12 642. P. 19.
- Gender Employment Gap by Education Level in Q2 2020 / European Commission. 2020. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/DDN-20201111-2?inheritRedirect=true> (дата обращения: 04.02.2021).
- Gender Equality and Digitalisation / Council of the European Union. Brussels, 6 December 2018. (OR. en) 15308/18. P. 17. URL: <https://eige.europa.eu/publications/gender-equality-and-digitalisation-european-union> (дата обращения: 04.02.2021).
- Gender Equality as a Priority of the European Union today and in the future: Joint Declaration / Austrian Presidency of the Council of the European Union, Federal Chancellery of Austria, Federal Minister for Women, Families and Youth. Division 3: Women and Equality. 2018. URL: https://www.bundeskanzleramt.gv.at/dam/jcr:04c6d3cb-83e4-41d3-b0e8-ecf9c97825ff/Joint_Declaration_Gender_Equality_as_a_priority_of_the_European_Union_to.pdf (дата обращения: 04.02.2021).
- Gender Equality Index 2020: Digitalisation and the Future of Work. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. 182 p.
- Leyen U. von der. A Union that Strives for More: My Agenda for Europe. Political Guidelines for the Next European Commission 2019—2024 / European Commission. 2019. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/political-guidelines-next-commission_en_0.pdf (дата обращения: 12.02.2021).
- Shaping Europe's Digital Future. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020.
- Sustainable Development in the European Union: Monitoring Report on Progress towards the SDGs in an EU Context. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2020. 366 p.
- The Digital Skills and Jobs Coalition: Members Charter. 2016. URL: https://ec.europa.eu/digital-single-market/sites/digital-agenda/files/digital_skills_and_jobs_coalition_members_charter_0.pdf (дата обращения: 12.02.2021).
- The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade. High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Brussels, 16.12.2020. Join(2020) 18 final. Joint Communication to the European Parliament and the Council. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade> (дата обращения: 04.02.2021).
- Treaty establishing the European Economic Community. Rome, 25 March 1957. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/treaty_establishing_the_european_economic_community_rome_25_march_1957-en-cca6ba28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e.html (дата обращения: 15.02.2021).

Women in Digital Index. 2020. Directorate-General for Communications Networks, Content and Technology. Digital Single Market. Digital Economy & Skills: Methodological Note. 2020. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/women-digital-scoreboard-2020> (дата обращения: 04.02.2021).

Women in the Digital Age: Final Report / European Union. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018.

References

- A Union of Equality: Gender Equality Strategy 2020—2025*, COM(2020) 151 Final (2020), European Commission, Brussels.
- Bobkov, V. N., Chernykh, E. A. (2020) Platformnnaia zaniatost': masshtaby i priznaki neustoichivosti [Platform employment — the scale and evidence of instability], *Mir novoi ekonomiki*, no. 14, pp. 6—15.
- Borko, Yu. A., Bisson, L. S. (2019) Evropeiskaia integratsiia: perezapusk idei "sotsial'noi Evropy" [European integration: a restart of the idea of "social Europe"], *Sovremennaiia Evropa*, no. 6, pp. 5—18.
- Consolidated versions of the treaty on European Union and the treaty on the functioning of the European Union, art. 8, 153, 157 TFEU (2012), *Official Journal of the European Union*, vol. 55, C 326, pp. 1—412.
- European Commission launches first stage of consultation with social partners on protections for platform workers (2021), *Bulletin Quotidien Europe*, no. 12 665, pp. 19—20.
- European Pillar of Social Rights* (2017), available from https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/social-summit-european-pillar-social-rights-booklet_en.pdf (accessed 10.02.2021).
- €500 millions from Portuguese recovery plan will contribute to digitalisation of education system (2021), *Bulletin Quotidien Europe*, 2021, no. 12 642, p. 19.
- Gender Employment Gap by Education Level in Q2 2020* (2020), European Commission, available from <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/DDN-20201111-2?inheritRedirect=true> (accessed 04.02.2021).
- Gender Equality and Digitalisation* (2018), Council of the European Union, Brussels, 6 December 2018, 15308/18, available from <https://eige.europa.eu/publications/gender-equality-and-digitalisation-european-union> (accessed 04.02.2021).
- Gender Equality as a Priority of the European Union today and in the future*: Joint Declaration (2018), Austrian Presidency of the Council of the European Union, Federal Chancellery of Austria, Federal Minister for Women, Families and Youth, Division 3: Women and Equality, available from https://www.bundeskanzleramt.gv.at/dam/jcr:04c6d3cb-83e4-41d3-b0e8-ecf9c97825ff/Joint_Declaration_Gender_Equality_as_a_priority_of_the_European_Union_to.pdf (accessed 04.02.2021).
- Gender Equality Index 2020: Digitalisation and the Future of Work* (2020), Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Govorova, N. V. (2020) Rynok truda Evropeiskogo soiuz a v tsifrovuiu epokhu: gendernyi aspekt [The European Union labor market in the digital age: gender features], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 30—41.
- Savinskaia, O. B., Lebedeva, N. V. (2020) Pochemu zhenshchiny uhodiat iz STEM: rol' stereotipov [Why women leave STEM: the role of stereotypes], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 62—75.
- Shaping Europe's Digital Future* (2020), Luxembourg: Publications Office of the European Union.

- Shvedova, N. A. (2019) Vysshiaia shkola i nauka: problemy gendernogo ravenstva [Higher education and science: problems of gender equality], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 40—54.
- Sustainable Development in the European Union: Monitoring Report on Progress towards the SDGs in an EU Context* (2020), Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- The Digital Skills and Jobs Coalition: Members Charter* (2016), available from https://ec.europa.eu/digital-single-market/sites/digital-agenda/files/digital_skills_and_jobs_coalition_members_charter_0.pdf (accessed 12.02.2021).
- The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade* (2020), High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy, Brussels, 16.12.2020, Join(2020) 18 Final, Joint Communication to the European Parliament and the Council, available from <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eus-cybersecurity-strategy-digital-decade> (accessed 04.02.2021).
- Tsirenshevikov, V. S. (2019) Tsifrovizatsiia ekonomiki Evropy [Digitalization of European economy], *Sovremennaiia Evropa*, no. 3, pp. 104—114.
- Treaty Establishing the European Economic Community, Rome, 25 March 1957*, available from https://www.cvce.eu/en/obj/treaty_establishing_the_european_economic_community_rome_25_march_1957-en-cca6ba28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e.html (accessed 15.03.2021).
- Von der Leyen, U. (2019) *A Union that strives for more: My Agenda for Europe, Political Guidelines for the Next European Commission 2019—2024*, European Commission, available from https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/political-guidelines-next-commission_en_0.pdf (accessed 12.02.2021).
- Women in Digital Index, Directorate-General for Communications Networks, Content and Technology, Digital Single Market, Digital Economy & Skills: Methodological Note* (2020), available from <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/women-digital-scoreboard-2020> (accessed 04.02.2021).
- Women in the Digital Age: Final report* (2018), European Union, Luxembourg: Publications Office of the European Union.

Статья поступила 18.02.2021 г.

Информация об авторе / Information about the author

Говорова Наталья Викторовна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт Европы РАН, г. Москва, Россия, n_govorova@mail.ru (Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвигание гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

Калабихина И. Е. Как мы узнаем, что наступает гендерное равенство?	3
Пушкарёва Н. Л., Пушкарёва И. М. Два века женского движения в России и его современное состояние	17
Силласте Г. Г. Российские женские организации как форма социального сообщества и его социальная динамика в модусах глобализации и становления нового гендерного порядка	28
Кашина М. А., Клещина И. С. Модели семьи и семейных отношений в государственных документах по семейной политике и в представлениях студенческой молодежи: точки соприкосновения и расхождения	47
Нечемис К., Бари Д. Женщины-предпринимательницы в России и других странах: сравнительный анализ	65
Доброхлеб В. Г. Женщины в российской науке как потенциал ее развития	80
Шведова Н. А. Гендерное равенство в меняющемся мире: «Нам нужны большие смелые шаги...»	90
Захарова Л. Н., Саралиева З. Х.-М., Гадбеджи З. Барьеры формирования готовности студенток промышленных колледжей России, Китая и Ирана к работе в организационных условиях инновационных компаний	107
Израелян Е. В. Женское движение в Канаде: прошлое и настоящее	121
Осадчая Г. И., Киселева Е. Е., Киреев Е. Ю., Черникова А. А. Основные векторы женской миграции на евразийском пространстве	129
Титаренко Л. Г. Социальные проблемы современного белорусского общества и женские организации сквозь призму гендерного подхода	149
Говорова Н. В. Женщины в цифровой экономике Европейского союза	161
<i>Информация для авторов</i>	174

CONTENTS

Kalabikhina I. E. How do we know whether gender equality has arrived?	3
Pushkareva N. L., Pushkareva I. M. Two centuries of women's movement in Russia and its current state	17
Sillaste G. G. Russian women's organizations as a form of social community and its social dynamics in the modes of globalization and the formation of a new gender order	28
Kashina M. A., Kletsina I. S. Models of family and family relations in governmental documents of family policy and in the views of student youth: points of convergence and divergence	47
Nechemias C., Bahry D. Women entrepreneurs in Russia and other countries: a comparative perspective	65
Dobrokhleb V. G. Women in Russian science as a potential for its development	80
Shvedova N. A. Gender equality in a changing world: "We need big bold steps..."	90
Zakharova L. N., Saraliyeva Z. H.-M., Gadbegi Z. Barriers on the way of female students of industrial colleges of Russia, China and Iran to be ready to work in organizational conditions of innovative companies	107
Israelian E. V. Women's movement in Canada: the past and the present	121
Osadchaya G. I., Kiseleva E. E., Kireev Ye. Yu., Chernikova A. A. The main vectors of female migration in the Eurasian space	129
Titarenko L. G. Social problems of modern Belarusian society and women's organizations through the prism of a gender approach	149
Govorova N. V. Women in the European digital economy	161
<i>Information for the authors</i>	174

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 2 — 2021

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет (online) 21.06.2021 г.
Формат 70×108 1/16. Уч.-изд. л. 13,0

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит ежеквартально с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ